

РАФАИЛ БЛЕХМАН

МОСАД

АМАН

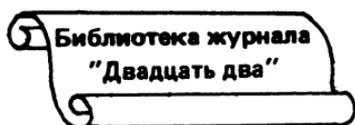


И
ВСЕ
ТАКОЕ

РАФАИЛ БЛЕХМАН

**МОСАД,
АМАН
И
ВСЕ
ТАКОЕ...**

1988 г.



**Библиотека журнала
"Двадцать два"**



ИЗДАНИЕ

**общественного культурного фонда "Москва-Иеру-
салим" под покровительством Израильского коми-
тета ученых при общественном совете солидарности
с евреями СССР**

Эта повесть основана на многочисленных израильских и западных документальных источниках. Таким образом, почти все в ней принадлежит другим и только изложение, его ошибки и огрехи наверняка принадлежат автору.

Р. Б.

Извечный вопрос — с чего начать? Одни начинают историю израильской разведки из глубины веков, с лазутчиков, посланных Йошуа Бен-Нуном в Йерихо; другие более скромно ведут рассказ от 1948 года, когда был основан "Мосад". Но мы, пожалуй, начнем позже всех — с одного из осенних дней 1981 года.

Итак, стоял осенний день 1981 года. На квартире американского журналиста Джорджа Ионаса раздался телефонный звонок. Звонили из крупной издательской фирмы. Ионасу предлагали встретиться с "любопытным человеком", который утверждал, что у него есть интересная история. Нельзя ли из нее сделать книгу?

После долгих уговоров о месте встречи, оно было, наконец, выбрано, встреча назначена и история — рассказана. Она оказалась настолько невероятной, что журналист и издатели дважды перепроверили ее — по своим каналам, разумеется. Но и двойная проверка подтвердила, что "любопытный человек" со своей незаурядной истори-

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ей — именно тот, за кого он себя выдавал: первый в истории израильской разведки ее агент, “пришедший с холода” и решившийся рассказать о себе.

* * *

В тот день “Авнер” — будем называть его вслед за Ионасом именно так — вернулся в Тель-Авив с очередного задания из-за границы. Рейс был вечерний, он торопился домой и потому не особенно обрадовался, увидев, что его встречает начальник отдела.

“Как дела? — машинально поинтересовался шеф. — Я заглянул сказать тебе, чтобы ты ничего не назначал на завтра”. — “Я рассчитывал отоспаться...” — недовольно пробурчал Авнер. “В чем же дело? — фальшиво удивился шеф. — Кто тебе мешает?”

Назавтра у дверей позвонили ровно в девять. Авнер удивился, когда увидел ожидавшую его машину — она принадлежала самому “мемуне” — главе Мосада генералу Цви Замиру. Еще более удивился он, увидев на заднем сидении самого генерала.

До тех пор Авнер встречал Замира лишь дважды — на коротком инструктаже после окончания школы разведчиков и в самолете, когда сопровождал его в качестве телохранителя в Рим.

Авнер был одним из тех агентов, которых в начале 70-х годов Мосад начал направлять на израильских самолетах для защиты от террористов. В дополнение к этим прямым обязанностям ему время от времени поручали также наблюдение в аэропортах, куда прилетали и откуда улетали корабли “Эль—Аль”. Однажды в Париже ему приказали изучить планировку аэропорта Орли, оценить свободу доступа ко всем входам и выходам, выяснить, какие виды служебного транспорта имеют разрешение выезжать на поле, определить, где размещены телекамеры, какие из них настоящие, а какие — для видимости, проследить за процедурой смены дежурных на паспортном и таможенном контроле. Другой раз, в Афинах, задание было иное: провести утро, свободное от рейса, вблизи арабского посольства, понаблюдать за тем, какие машины, с какими номерами въезжают и выезжают из ворот, выяснить, не появился ли поблизости человек, фотографию которого Авнеру заранее показали в Тель-Авиве.

Авнер пришел в Мосад из парашютных частей; когда-то его отец

тоже работал для Мосада и, возможно, именно это послужило начальной причиной, почему Мосад заинтересовался и самим Авнером. Вместе с другими новичками он был послан на курсы.

Большинство инструкторов составляли молодые израильтяне; исключением был 60-летний Дэйв, американец, который вел стрелковую подготовку. Впрочем, назвать это просто "стрелковой подготовкой" означало бы ничего не сказать — это была, скорее, психологическая подготовка стрелка. И не просто стрелка — после армии Авнер как-никак умел обращаться с оружием — а стрелка-мосадовца.

"Ты не полицейский какой-нибудь, — учил Дэйв. — Ты агент. Секретный агент. Если ты выхватываешь револьвер, чтобы пригрозить кому-нибудь, — ты уже разоблачил себя. Ты никогда не должен выхватывать револьвер, чтобы угрожать. Если ты выхватываешь револьвер, ты должен стрелять. И если ты стреляешь, ты убиваешь".

Это Дэйв настоял на том, чтобы все агенты Мосада были перевооружены маленькими "Береттами-22" — бесшумными, удобными револьверами, из которых можно было стрелять даже в кабине реактивного лайнера без риска продырявить обшивку и нарушить герметизацию. "По-твоему, это маленький револьвер? — деланно удивлялся он. — Тебе нужен побольше? Может, ты собираешься охотиться на слонов? Может, ты собираешься остановить танк? Нет? Тогда уверяю тебя — чтобы остановить человека, этого достаточно".

Курс по фальшивым документам вел аргентинский еврей по имени Ортега. Он тоже был мастером своего дела. Однажды он велел новичкам сделать подчистку в розданных им паспортах и вернуть ему, не указывая, на какой странице она сделана. Все паспорта в его руках сами собой открылись на подчищенных страницах. "Это очень просто, — объяснил Ортега. — Вы так тщательно трудились над этими страницами, что надолго разогнули паспорта именно на них".

Но они не сумели найти страницу, подчищенную самим Ортегой. "Это очень просто, — терпеливо объяснил Ортега, глядя на их сконфуженные лица. — Дело в том, что любой паспорт всегда открывается на какой-нибудь странице. Нужно смотреть не на паспорт, а на человека, подающего его. Вы листаете паспорт, и в какой-то момент в глазах человека вспыхивает напряженный блеск.

Но и это само по себе еще недостаточно. Блеск нужно расшифровать. А для этого нужно шестое чувство. Без него нет разведчика”.

У Авнера было это шестое чувство: не просто наблюдательность, а способность выделить в наблюдаемом необычное. Это особенно помогло ему во время курса “сбор информации”. Курсантов посылали в недалекие поездки — например, в Хайфу. “Поезжайте автобусом, посидите до 4-х в холле такого-то отеля, потом вернетесь и расскажете все, что увидели. Ничего не добавляйте, ничего не объясняйте, попросту расскажите все, что запомнили — и постарайтесь запомнить все!” Зачастую в эти поездки направлялись двое курсантов, не знавших друг друга. Если по возвращении их доклады сильно отличались, инструктор коротко говорил: “Вот что, ребята, отправляйтесь-ка в соседнюю комнату и там сговоритесь...”

Курсы фотографии, связи, диверсий, кодов и контактов — за 6 месяцев новичков накачали всеми достижениями, которыми славился Мосад. Включая психологию. Психология была составной частью каждого курса. Без нее нельзя было и начинать работу. Скажем, вам нужно организовать слежку за кем-то. В Париже или Амстердаме в такую слежку лучше отправлять молодую пару, чем одинокого пожилого человека, и напротив — в Сицилии или на Корсике одинокий мужчина с газетой лучше, чем пара “молодоженов”. После объяснений все это казалось самоочевидным, но ведь нужно было предвидеть это заранее — и без подсказки. Когда Авнера в первый раз послали следить за другой машиной (в которой был его инструктор), он ожидал бешеной гонки с препятствиями и меньше всего оказался готов к тому, что инструктор ехал со скоростью катафалка, старательно показывая каждый поворот, пока почти не остановился на желтый свет — чтобы тут же “выстрелить” машину через запруженный перекресток, когда свет сменился красным... Это был простой, но впечатляющий урок.

Никаких специальных экзаменов не было — просто через 6 месяцев они перешли к полевым занятиям, в которых инструкторы оценивали, кто из будущих агентов подходит — и для какого дела. Авнер так и не узнал, кто из его товарищей прошел тест. Вскоре его направили на заключительные инструктажи, где речь шла главным образом о деталях работы и отчетности. Он узнал кое-что интересное, но не получил никаких “откровений”. Лишь один инструктаж оказался особенным. Человек, который его проводил, напоминал Бен-Гуриона в старости и мог бы служить моделью для художника, который задумал изобразить типичного “еврейского

скрягу". Старик показал Авнеру на разложенные по столу тома и спросил: "Знаешь, что это? Это бухгалтерские книги. Я тут сижу и веду их, потому что мы хотим знать, сколько денег ты истратил и на что. Я говорю тебе об этом, потому что кое-кто думает, будто он отправляется в шикарную заграничную командировку за счет государства Израиль. Так вот — я хочу квитанции. Ты берешь катер, прекрасно — представь квитанцию. Ты заказал такси, замечательно — представь квитанцию. И если ты берешь такси или катер, постарайся, чтобы это было действительно необходимо. Потому что я спрошу, зачем. Если ты можешь обойтись без — обойдись без. Садись в метро. Садись в автобус. Иди пешком! Иначе я вычту эти деньги из твоей зарплаты. Пойми меня правильно: если это нужно для работы — значит нужно. Но в этом деле важна работа, а не твоя персона. Для меня ты не герой, что бы ты ни сделал, для меня ты — подотчетное лицо. Если ты доставишь мне сюда самого Гитлера в наручниках, я скажу — очень хорошо, а где квитанции? Запомни, — ты работаешь не для барона Ротшильда. Ты работаешь для Израиля. Ты понял?"

В это сентябрьское утро, спустя два года после окончания курсов, Авнер, который уже считал себя ветераном, тщетно гадал, что означает приглашение в машину генерала Замира. Израиль, конечно, эгалитарная страна, но присутствие рядом шефа тайной разведки все-таки не вполне заурядное событие. Авнер строил догадки всю дорогу до Иерусалима. Но когда они подъехали к знакомому дому, и вошли в него, и Авнер увидел на стене знакомые фотографии, — он оставил всякие попытки понять, что происходит.

Голда Меир вошла в комнату с чайником в руках, в туфлях на босу ногу. Сквозь приоткрытую дверь Авнер мог видеть кухню — на плите кипел второй чайник. "Как дела? — спросила госпожа премьер-министр государства Израиль. — Ну, я очень рада слышать. Все здесь знакомы?"

Только тут Авнер увидел, что в комнате есть еще один человек. Этого человека он знал. Этим человеком был шеф военной разведки генерал Аарон Ярив.

"Чай? Кофе? Фрукты?" — спросила Голда. И дождавшись, пока все усядутся, начала говорить.

Она говорила об истории. О том, что на протяжении всей истории евреев всегда преследовали и вот — их снова преследуют сейчас, их убивают в самолетах, в аэропортах, на автобусных остановках.

И никто не приходит им на помощь. Евреи могут полагаться только на себя. И на свое государство, которое создано, чтобы их защищать. В этой защите Израиль всегда соблюдал свои моральные принципы, никогда не опускался до уровня террористов и не опустится сейчас. Он сделает "это" без лишней жестокости. Не подвергая риску невинных людей. Но решительно.

Тут Голда впервые посмотрела на Авнера. "Я хочу, чтобы вы знали, что я приняла решение. Ответственность я беру на себя. Детали вы можете обсудить между собой". И она вышла.

Тишину нарушил генерал Замир. "Ты, конечно, понимаешь, — сказал он, тоже не глядя на Авнера, — насколько важно все, что ты сейчас услышал. Теперь вопрос — берешься ли ты за это дело?" И, оборачиваясь к вернувшейся в комнату Голде, Замир добавил, как бы отвечая на ее безмолвный вопрос: "Ну, мы тут, кажется, все решили. Он даст окончательный ответ завтра, но... в принципе все уже решено..."

Десять дней спустя Авнер был уже в Женеве...

* * *

Покинем здесь журналиста Ионаса и его героя, чтобы вернуться в прошлое — на две недели назад и на несколько тысяч километров на запад, в город Мюнхен.

Говорят, что "Калашников" был изобретен каким-то сибирским крестьянином. Судя по простоте конструкции, эта легенда имеет под собой некоторые основания. Темное дерево приклада прерывается всего двумя вставками из тусклого серого металла. Центральная металлическая секция содержит спусковой и заряжающий механизмы; магазин выступает вниз и чуть вперед, изгибаясь по плавной кривой. Он содержит 30 патронов калибра 7,62 мм. В автоматическом режиме "Калашников" способен выпустить 100 таких патронов в минуту со скоростью 2500 километров в час. С короткого расстояния такая очередь буквально перерезает человека пополам. 5 сентября 1972 года несколько таких автоматов были извлечены из промасленных тряпок и вручены восьми террористам из группы "Черный сентябрь", которые направлялись на очередную операцию. На этот раз их целью был дом на Коннолиштрассе 31, где размещались израильские спортсмены, прибывшие на Мюнхенскую олимпиаду.

В 4 часа утра террористы проникли через проволочную изгородь, окружавшую Олимпийскую деревню. В 4.25 они вставили ключ в замочную скважину секции № 1 на Коннолиштрассе. Первым, кто услышал их возню с ключом, был израильский тренер по борьбе Иосиф Гутфрейнд — гигант, весивший около 120 килограммов. Уловив несколько слов, сказанных по-арабски, он крикнул "Опасность!" и попытался удержать дверь. Арабам пришлось свернуть ручку и сорвать дверь с петель, прежде чем им удалось ворваться в комнату. За это время сосед Гутфрейнда Тувия Соколовский успел выломать окно и выпрыгнуть в него. Четверо остальных жильцов секции бежать не успели. Они увидели направленные на них автоматы.

Оставив захваченных под охраной, террористы начали систематически обследовать дом. Они почему-то миновали секции 2, 4 и 5, зато в секции 3 захватили еще шестерых израильских спортсменов. В это время в секцию номер 1 вернулся загулявший на поздней вечеринке тренер Моше Вайнбергер. Прежде чем арабы свалили его выстрелом в лицо, он успел вывести из строя одного из них. Воспользовавшись суматохой, еще один израильтянин, Гад Зобари, бросился к окну и, несмотря на автоматный огонь, благополучно выбрался из комнаты. В это время окровавленный Вайнбергер снова поднялся с пола и повалил еще одного араба. Тогда террористы выпустили ему в грудь целую очередь. Однако в схватку бросился новый израильтянин — Иосиф Романо. Он выхватил у одного из террористов нож и нанес ему удар в руку. Отшатнувшись, араб нажал на спусковой крючок. Тело Романо развалилось надвое.

Но и это был не конец. Вайнбергер еще не отказался от последней попытки. Он мог бы в суматохе выползти через кухню, но вместо этого предпочел вернуться в комнату и, вооруженный кухонным ножом, атаковал террористов. Лишь на этот раз выстрел в голову свалил его окончательно.

Было 5 часов утра. За 35 минут террористы убили двух израильтян и захватили девятерых. Двое бежали. Еще восьмерых террористы не обнаружили. За все это время служба безопасности не подняла тревогу. Выстрелы и шум не привлекли ее внимания. Только когда двое израильских беглецов добрались до полиции, стало ясно, что в Олимпийской деревне орудуют террористы. Они заарриковались в доме № 31, предварительно выбросив на улицу тело Вайнбергера. На самой двери красовались их требования, отпечатанные в нескольких экземплярах по-английски. Они требо-

вали освободить две с лишним сотни их сотоварищей, находившихся в израильских тюрьмах, а также Баадера и Майнхоф из знаменитой западногерманской террористической группы. Они требовали также предоставить им три самолета для переправки в "безопасное место" — желательнее, в Каир.

Последовали долгие переговоры. Израиль наотрез отказался удовлетворить требования террористов. Правительство ФРГ было готово выпустить Баадера и Майнхоф. В 8 часов вечера на экранах телевизоров появился канцлер ФРГ Брандт, который выразил надежду на успешный исход переговоров и на то, что Олимпийские игры не будут прерваны: это, сказал он, означало бы моральную победу террористов. Странная логика. Но как бы то ни было, Брандт все же попытался как-то отреагировать на захват израильских спортсменов — он предложил всем странам приспустить свои флаги. Однако после протеста арабских делегаций канцлер отказался и от этого жеста.

В 10.20 вечера террористы и их заложники на двух вертолетах были переправлены в аэропорт. Хотя правительство ФРГ по соглашению с Иерусалимом уже решило к этому времени, что не даст террористам вылететь в Каир, не было сделано никаких попыток устроить им засаду на пути к вертолетам. Как выяснилось позже, это была последняя возможность.

В 10.35 вертолеты приземлились рядом с Боингом—727, якобы подготовленным к отлету. Четверо террористов вышли осмотреть самолет. В этот момент немецкие полицейские — с дальней дистанции и при искусственном вечернем освещении — открыли по ним огонь.

Несколько террористов было ранено; другие открыли ответный огонь и ранили двух членов экипажа. Как ни странно, они не попытались тут же убить израильтян. Лишь около полуночи, когда шесть полицейских бронемашин вышли из-за укрытия, намереваясь атаковать вертолеты, один из террористов бросил гранату в первый вертолет, где находились пятеро заложников. Вертолет взорвался, превратившись в огненный шар. Почти одновременно двое других террористов очередями из автоматов расправились с четырьмя остальными израильтянами, находившимися во втором вертолете. Позднее следствие установило, что если бы атака задержалась хоть на несколько минут, эти израильтяне, возможно, сумели бы спастись. Каким-то образом они ухитрились ослабить державшие их ремни. Несомненно, освободившись от ремней, они попытались бы

захватить террористов врасплох и завладеть их оружием. Что успели сделать остальные пятеро, никто уже не узнает — их тела обгорели до неузнаваемости.

Последний из оставшихся в живых террористов отстреливался еще около часа. Только в половине второго ночи его удалось окружить и прикончить.

На следующий день Олимпийские игры продолжались, как обычно.

Трупы израильских спортсменов были доставлены на родину. Страна требовала возмездия. Две недели спустя Голда Меир приняла "решение", о котором услышал в ее комнате Авнер. Оно состояло в организации ударных групп Мосада, которым поручалось ликвидировать ближневосточную верхушку и европейских связных группы "Черный сентябрь". В списках, выданных ударным группам, числилось 11 имен — по числу погибших спортсменов. "Миссия" Авнера состояла в руководстве одной из групп, которой предстояло действовать в Европе.

* * *

Теперь нам придется вернуться в еще более далекое прошлое, чтобы разобраться, что представляла собой организация, взявшаяся за такое неслыханное дело — настичь и уничтожить 11 террористов, повинных в убийстве 11 израильтян. Я говорю "неслыханное", потому что ни одна разведка мира никогда еще не пыталась вступить в единоборство с террористами на их собственной "почве", их собственными методами и — сложнее всего — со всеми теми ограничениями, которые накладывали на операцию такого рода моральные принципы цивилизованного государства. До тех пор все западные правительства реагировали только на совершившиеся террористические акции в ходе их совершения — как это сделало правительство канцлера Брандта в ФРГ. Выйти навстречу террористам, отомстить им, устроить и расстроить их будущие планы — за такое дело могла взяться, пожалуй, только израильская разведка. Знаменитый к тому времени Мосад.

Вообще говоря, слово "Мосад" означает просто "учреждение", "институт". Применительно к тайной агентурной работе это слово впервые прозвучало в Израиле в 1937 году. Это было в доме Элиягу Голомба, одного из создателей подпольной вооруженной органи-

зации еврейских поселенцев в Палестине, Хаганы. А произнес слово человек замечательный и необыкновенный — уже хотя бы потому, что о его заслугах перед израильской разведкой и еврейским государством до самой его смерти многие так и не узнали. Звали этого человека Шауль Авигур. Он был первым, кто предложил организовать секретную службу по переброске нелегальных репатриантов из Европы в Палестину. То было время, когда английские мандатные власти уже начинали — в угоду арабам — жестко ограничивать въезд евреев в свою страну. Авигур предложил создать “учреждение”, Мосад, для “алии бет”, то есть нелегальной репатриации (легальная называлась “алия-алеф”). Из этого учреждения “Мосад ле алия-бет”, а также из другого, по имени “Рекеш”, которое — тоже под началом Авигура — занималось добычей оружия для евреев Палестины, — и родился впоследствии тот Мосад, о делах которого мы намерены рассказать.

Шауль Авигур родился в 1899 году в Двинске и приехал в Палестину в 1912 году. Мне еще посчастливилось повидать его в 1975-м, незадолго до его смерти. Я тогда только что приехал из СССР и мне сказали, что меня почему-то хочет видеть “сам Авигур”. Мне ничего не говорило это имя и тем более не сумел я признать великого израильского разведчика в спокойном, очень вежливом, весьма живом старике, который — вместе с удивительно милой старушкой-женой — подробно расспрашивал меня, за чашкой чая с печеньем, о делах в Союзе, о настроениях евреев, о моей собственной судьбе. Потом мне показывали фотографии из семейного альбома — какие-то сцены пасторальной киббуцной жизни, и я ушел из дома Авигуров, уверенный, что повидался с каким-нибудь “ветераном” борьбы за репатриацию евреев из СССР, которого — из уважения к старости — меня попросили навестить. Мне еще думалось на обратном пути: вот, какую тихую, какую идиллическую жизнь прожили эти старики в своих киббуцах.

Главной заслугой Авигура перед еврейским государством было то, что он стал первым из легендарных руководителей израильской разведки. В большинстве своем они действительно заслуживают этого эпитета — и Авигур, и несравненный Исер Харель — “маленький Исер” в отличие от “большого”, Исера Беера, — и Цвика Замир, руководивший уничтожением террористов в Европе и Ливане, и Ювал Неэман по прозвищу “Башковитый”, который чуть не в одиночку перевел израильский “Аман” (военную разведку) на “электронные рельсы”, и скромный Иешофат Харкави, и

тихий Аарон Ярив — любимец журналистов, и твердый Меир Амит, и многие другие. Но первым был Авигур. О нем рассказывали, что одному помощнику, который сказал, что работает по 18 часов в сутки, Авигур озабоченно ответил: "Да, да, ты прав, мы слишком много спим, с этим пора кончать". И еще о нем рассказывают, что когда дочь попросила его прислать ей в Лондон свежие израильские газеты, он надписал на пакете: "Строго секретно, лично". А принимая какого-то английского журналиста и не сумев в разговоре с ним подыскать нужное английское слово, он открыл сейф в стене, вынул из почти пустого ящика сейфа англо-ивритский словарь, нашел слово и, вернув словарь на место, так же тщательно запер сейф на секретную комбинацию.

Может быть, именно этим отношением Авигура к сохранению тайны молодая израильская разведка и была обязана своими первыми успехами. Едва союзники освободили Италию и Францию и вошли в Германию, как по их пятам в Европу направились люди Авигура, чтобы создать там фиктивные компании и фирмы под иностранными именами, наладить связи, установить контакты, собрать вышедших из лагерей евреев и добыть — порой самыми причудливыми методами — остро необходимое Хагане оружие. Тогда-то Авигур задумал и провел одну из самых блистательных своих операций, которая вошла в историю израильской разведки под кодовым названием "Кража".

В феврале 1948 года Авигур, находившийся тогда в Европе (у него были там две штаб-квартиры — в Женеве и Париже) направил одного из своих помощников, Эхуда Авриеля, в Чехословакию, чтобы попытаться закупить там оружие для готового вот-вот родиться еврейского государства, которое уже понимало, что ему с первых же дней придется иметь дело с несколькими арабскими армиями. Спустя несколько дней в Париж из Праги пришло отчаянное сообщение. Авриель обнаружил, что его обогнали. За какие-нибудь считанные недели до него в Чехословакии уже побывал сирийский капитан Керине, который закупил огромную — по меркам Хаганы — партию ружей и патронов к ним. Партия насчитывала 6000 винтовок. Достаточно сказать, что на вооружении всей Хаганы находилось тогда 10.000! Мало того — Керине закупил также ручные гранаты и много взрывчатки — в целом, достаточно, чтобы вооружить три пехотных батальона, которые могли с легкостью захватить почти незащищенные еврейские поселения и открыть сирийцам путь в Галилею.

Когда Авигур доложил о случившемся Бен-Гуриону, тот ни минуты не колебался. Оружие никоим образом не должно попасть в руки арабов. Следовало сделать все возможное, чтобы его уничтожить. Так родилась операция "Кража".

Керине зафрахтовал старенький итальянский пароход "Лино", погрузил на него закупленное в Чехословакии оружие, и к моменту начала израильской операции "Лино" уже вышел в открытое море. Как его остановить? Кое-кто в окружении Авигура предложил использовать для этого те немногие и полуразвалившиеся самолеты, которые были тайком закуплены Хаганой в Италии. Поскольку самолеты эти не были предназначены для бомбежки, было предложено, чтобы они спустились над палубой "Лино" и пилоты вручную сбросили бомбы из кабин, предварительно сняв предохранитель. Скорее всего, бомбы взорвались бы при этом в кабинах, но отчаяние людей Авигура было столь велико, что план был принят и самолеты начали обшаривать море у итальянских берегов.

Три дня они вылетали впустую и отчаяние все нарастало, но на четвертый день, 30 марта, от авигуровского агента из Югославии пришла шифрованная телеграмма, в которой сообщалось, что "Лино" по неизвестным причинам задержан и возвращен обратно в порт. Радость однако была преждевременной: еще через день от того же агента пришла вторая телеграмма — "Лино" снова вышел из порта и держит курс на Бейрут.

На сей раз в дело вмешалась погода: 1 апреля в Адриатике разыгрался такой шторм, что капитан "Лино" решил не рисковать и повернул к берегам. В небольшом итальянском порту Мольфетта он стал на якорь. Теперь, если бы удалось задержать его там хотя бы на несколько дней, подрывники Авигура могли бы подвести к его днищу свои подводные мины. Но как задержать корабль в порту?

Искомое решение пришло в голову Аде Серени, вдове погибшего Энцо Серени, который был расстрелян гитлеровцами в Дахау после того, как был сброшен за линией фронта для разведки в пользу союзников. Ада стала сотрудницей Авигура. Именно ей принадлежала мысль о простой, но весьма эффективной дезинформационной операции.

В то время Италия стояла накануне парламентских выборов, в которых главными соперниками были христианские демократы и коммунисты. Обе партии обвиняли друг друга в стремлении к диктатуре и других смертных грехах. Каждая считала, что другая гото-

вится к вооруженному восстанию. Поэтому Ада Серени рассчитала совершенно правильно, когда позвонила знакомому итальянскому журналисту и "по секрету" сообщила ему, что "коммунисты нагрузили оружием корабль "Лино", который только что пришвартовался в Мольфетте". Через несколько часов об этом уже трубили все итальянские газеты. Правительство немедленно распорядилось арестовать корабль с его грузом.

4 апреля "Лино" был под конвоем доставлен из Мольфетты в Бари. Теперь наступила очередь подрывников. Море было холодным и бурным. Несмотря на это группа Иосифа Дрора, срочно прибывшая в Бари под видом американских саперов, начала операцию. Но на этот раз судьба отвернулась от израильтян. Когда подрывники Дрора приступили к обследованию гавани, они с ужасом обнаружили, что рядом с "Лино" стоит британский крейсер. Тем не менее они ушли под воду. Им удалось подойти к "Лино" на расстоянии нескольких метров. Но ближе они подойти не сумели — на крейсере были включены все прожекторы, которые тщательно ощупывали гавань.

На следующий день, 9 апреля, израильтяне сделали новую попытку. Но активность на борту британского крейсера была еще большей: горели все бортовые огни, слышались голоса и даже выстрелы — и подрывникам пришлось опять удалиться, не достигнув успеха.

Причина шума на борту крейсера выяснилась той же ночью. Вскоре после полуночи крейсер вдруг поднял якорь и начал величественно выходить из гавани. Теперь "Лино" становился легкой добычей. В 2 часа ночи подрывники Дрора ушли под воду в третий раз. В 4 часа, на рассвете, под килем "Лино" раздался первый взрыв. За ним последовал второй. К тому времени, как корабль погрузился полностью в воду, группа Дрора уже была далеко от Бари, направляясь в Рим на "конфискованном" американском грузовике.

Увы — история сирийского оружия не кончилась с затоплением "Лино". Полковник сирийской армии Фуад Мардам, который некогда направил Керине в Чехословакию, был настойчивым человеком. Узнав, что "Лино" затонул в гавани Бари, полковник немедленно вылетел в Италию. Две недели спустя Ада Серени — теперь уже официальный представитель только что возникшего государства Израиль в Италии — получила неожиданное и тревожное известие: сирийцы предпринимают усилия, чтобы поднять оружие

с борта затонувшего "Лино". Ада срочно выехала в Бари, сославшись на "дипломатические дела". То, что она увидела, ее потрясло. Полковник Мардам рассчитал правильно: оружие, находившееся в промасленной упаковке, не пострадало под водой. И теперь группа водолазов, нанятая Мардамом, срочно поднимала это оружие ящик за ящиком. А итальянское правительство, наученное опытом прежней "дезинформации", усиленно охраняло все подступы к гавани. Попытаться снова проникнуть в нее было бесполезно.

Инструкция Авигура звучала коротко: если невозможно остановить оружие в гавани, нужно остановить его в море. Операция "Кража" снова была на полном ходу.

Полковник Мардам остановился в Бари в небольшом отеле, где останавливались капитаны пришедших в гавань судов. Он сделал это не случайно — ему нужен был корабль для переправки оружия в Сирию. Но в Бари таких кораблей не оказалось. И тогда хозяин отеля посоветовал ему обратиться в римское агентство "Менара". Там Мардам нашел то, что искал. Ему предложили судно под названием "Агриро", уже укомплектованное капитаном и командой.

Чего Мардам, конечно, не знал — так это того, что хозяин его отеля в Бари был давним знакомым Ады Серени, а агентство "Менара" вот уже несколько лет вело дела с израильянами, переправляя в Палестину нелегальных репатриантов, собранных "Мосадом" Шауля Авигура. Хозяин отеля посоветовал сирийцу действительно "подходящее" агентство.

19 августа "Агриро" вышел из порта Бари. Незадолго до отплытия капитан обнаружил, что двое из его команды неожиданно "заболели". Поэтому он с готовностью принял вместо них двух новичков, предварительно убедившись, что они знают свое дело. Откуда они, капитан спрашивать не стал. Точно так же не стал он проверять документы и у двух других "моряков", которые вскоре после отплытия корабля догнали "Агриро" на быстроходном катере и представились "египтянами", посланными из Каира с радиооборудованием для того, чтобы поддерживать непрерывную связь с Египтом во все время рейса.

Судьба "Агриро" была решена. Теперь на его борту были четверо израильских разведчиков, которые располагали оружием, спрятанным в ящике для "радиооборудования". В течение нескольких минут команда была разоружена и арестована, а капитан получил приказ держать курс на Хайфу. Еще через пару десятков часов "Агриро" был встречен в открытом море израильскими военными

катерами. А на следующий день, в сопровождении этих катеров, корабль с сирийским оружием прибыл в Хайфский порт. Операция "Кража" была благополучно завершена. На всем протяжении ее израильтяне ни разу не выдали себя. Они не оставили за собой никаких "следов".

"Кража" имела однако неожиданные последствия для полковника Мардама. В Дамаске его обвинили в содействии "враждебному государству" и приговорили к расстрелу. И тогда израильтяне предприняли уникальный шаг. Через французское посольство в Тель-Авиве сирийцам было передано секретное сообщение израильской разведки. В нем содержались подробности операции "Кража", которые доказывали полную невиновность энергичного сирийского полковника. Жизнь Мардама была спасена. Таков был финал авигуровской операции. И одновременно — начало регулярной деятельности израильской разведки. Разведки, родившейся вместе со своим государством.

В какой-то момент становится необходимым вернуться к началу. Но когда же было это начало? Нет, не во времена Авигура. Подвиги Авигура и его людей из "Мосад ле алия бет" были всего лишь предысторией. Так сказать, героической, но до-исторической эпохой. Как и сам "Мосад" Авигура был лишь предшественником настоящего Мосада. А когда же началась собственно историческая эпоха? Об этом все еще продолжают спорить. Одни говорят, что это произошло в 1949 году, другие утверждают, что в 1951-м, а третьи относят этот момент даже к 1953 году. Истина однако состоит в том, что на самом деле израильская разведка родилась вместе с государством Израиль — разрыв составлял не более нескольких недель. А вот Мосад действительно возник лишь спустя несколько лет. Эти несколько лет понадобились израильской разведывательной службе, чтобы в мучительных поисках и неизбежных ошибках, межведомственных дразгах и структурных перестройках найти свое собственное — то есть неповторимое — лицо. Поэтому если мы хотим начать сначала, нам следует мысленно перелистать календарь и вернуться к самому первому израильскому лету. И, конечно, тут пристал этакий эпический зачин.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Что-нибудь вроде “В те далекие времена окраины Тель-Авива еще напоминали глухую провинцию...” А если кто-нибудь поторопится выскочить с ехидным замечанием, что они и сейчас ее напоминают, придется ответить, как в притче: ты прав, сын мой, но в те времена это было иначе. В те времена улицы, отходившие от центра в чинном порядке многоэтажных зданий, уже через несколько кварталов, едва удрав из-под присмотра, тут же превращались в беспорядочную толпу одноэтажных домишек, словно им, как всякой настоящей еврейской компании, трудно было чересчур долго выдерживать единообразие и строй. Среди этого пестрого моря плоских крыш одинокие многоэтажки высились растерянно и отчужденно, как чопорные столичные гости, случайно забредшие на бесшабашное местечковое веселье. Четырехэтажный дом на улице Бен-Иегуда, 85, там, где она приближалась к старой гавани и даже начинала уже чуть-чуть пахнуть рыбой, тоже изо всех сил пытался сохранить чинные городские манеры. Слева от подъезда по его фасаду тянулась огромная вывеска “Кафе”, которая своими размерами далеко превышала приютившееся под ней небольшое помещение с несколькими хлипкими столиками и некрашеными табуретками; по другую сторону подъезда, под такой же впечатляющей размерами вывеской, бойко торговал крохотный цветочный магазин; а сам подъезд напоминал областных размеров картинную галерею, только вместо картин тут красовались — в рамках и без оных — громадные латунные таблички с именами дантистов, адвокатов, водопроводчиков и даже — совсем по-городскому! — какой-то организации со скучным названием “Консультативная служба ветеранов”, которую занесло сюда неведомо откуда и Бог весть когда. Что это были за ветераны, тоже никто не знал, да, по совести, и не интересовался. Приходили и уходили какие-то люди, лениво трещала за зашторенными окнами, под самой крышей, пишущая машинка, сладкий окрестный покой изредка нарушало унылое дребезжание телефона, — и даже дотошная британская полиция не заподозрила бы, что здесь, в доме 85 по улице Бен-Иегуда, долгие годы располагалась штаб-квартира самой секретной из организаций еврейского ишува — знаменитой “Шай”, которая и была зародышем будущей израильской разведки.

30 июня 1948 года — как мы и сказали, через считанные недели после того, как Бен-Гурион торжественно провозгласил образование государства Израиль, — в помещении “Консультатив-

ной службы ветеранов” собралась небольшая группа давно и тесно знавших друг друга людей. Им уже не нужно было скрываться от британской полиции, а от израильской им и вообще не нужно было скрываться, но по привычке, а еще более — по роду занятий, в которых береженого Бог бережет, они собрались, как и раньше, — тайно, с соблюдением всех мер предосторожности, точно так, как это описывают в добротных шпионских романах. Тут была представлена вся верхушка организации “Шай”: коренастый, полный Авраам Кидрон из Галилеи; задумчивый, молчаливый Давид Карон из Негева; смуглый красавец Биньямин Джибли из Иерусалима; “очкарик” Борис Гуриэль, возглавлявший политический отдел только что созданного министерства иностранных дел; и круглолицый, с торчащими ушами, Исер Харэль из Тель-Авива. Руководил совещанием Исер Бери, долговязый, аскетичного вида полковник, прозванный в “Шай” Исером Большим в отличие от низенького Харэля — Исера Маленького. Бери только что прибыл из канцелярии Бен-Гуриона и привез важное сообщение от премьера.

“Старик решил, что нам пора реорганизовать Шай, — медленно сказал Бери, оглядывая всех присутствующих, словно выискивая несогласных. — Отныне наша работа будет разделена между тремя отдельными ведомствами. Старик считает, что такая структура позволит нам меньше наступать друг другу на мозоли. Военной разведкой будет заниматься Отдел информации, Агаф Модин, или сокращенно Аман, и возглавлять его буду я. По идее Старика, Аман должен стоять во главе пирамиды, и ему, с одной стороны, будет подчиняться отдел Гуриэля, который займется политической разведкой, а с другой — служба безопасности, Шин-Бет, под началом Исера Харэля. Исер сохраняет за собой также контрразведку, Шабак. А Мосад Авигура и служба закупки оружия, Рекеш, временно войдут в пирамиду как независимые вспомогательные единицы...”

Гуриэль и Харэль уже знали о предстоящей реорганизации. После совещания они остались обсудить детали будущего разделения труда. Бери и остальные офицеры задерживаться не стали — им в тот день предстояло еще два совещания, заседание военного трибунала и масса других дел. Никого это не удивило: шла война, военный трибунал был делом обычным, и обилие дел было обычным, и вообще весь этот день был обычным, — лихорадочно-напряженным, как все остальные первые дни молодого

государства. И даже реорганизация “Шай” была чем-то рутинным — в те дни непрерывно что-то организовывали и реорганизовывали. Так что никому не дано было знать, что это был все-таки не совсем обычный день: в то утро, 30 июня 1948 года, родилась израильская разведка — и покатила вниз звезда ее первого руководителя, полковника Исера Бери...

Всякое новорожденное государство, особенно после революции — а государство Израиль было, не следует все же забывать, результатом сионистской революции, — напоминает развороченный человеческий муравейник. Еще нет никакой четкой организации, никаких государственных институтов, даже никакой — страшно вымолвить — бюрократии. Всему этому еще предстоит возникнуть. Старому вину предстоит влиться в новые мехи. И будущее зависит от того, что это за вино и каковы мехи. В случае Израиля рождающимся государственным формам предстояло вобрать в себя подвижные традиции ишува. И какие традиции! Вчерашние кибуцники и пионеры, ставшие в одну ночь руководителями государства, принесли с собой в государственные дела яростную идеологическую страстность и высокую веру в безграничные возможности самоуправления. В своей крайней форме это оборачивалось партизанщиной. Дух вольницы и самоуправления бродил по пустынным пока коридорам власти. Инициатива зачастую заменяла приказ, а приказ выполнялся в меру собственного разумения, согласия и инициативы. Важнейшие дела решались в беглом разговоре или с помощью торопливо нацарапанных записок, потому что все знали всех и дружеские связи были важнее формальных отношений. И только естественно, что первым внутренним конфликтом еврейского государства был конфликт между наследием героической пионерской эпохи и подминавшей ее под себя государственной рутинной. Это была борьба между силами плюрализма, которые грозили разорвать страну, и тенденцией к монолитности, которая могла превратить ее в тоталитарную. Эта борьба началась уже в тот момент, когда Бен-Гурион отдал приказ разгромить независимые вооруженные отряды Эцеля и Лехи, а затем — распустить ударные отряды Пальмаха. История Исера Бери была одним из эпизодов этого конфликта, затянувшегося на многие годы.

Исер Бери был воплощенным отрицанием всего, что связано со словом “государство” — упорядоченности, легальности, иерар-

хии. Он был из тех, если угодно, еврейских Робин Гудов, что во времена ишува возглавляли лихие отряды самообороны, совершавшие дерзкие атаки на арабских налетчиков, творившие суд и расправу и уходившие под прикрытием ночи. И если для Бен-Гуриона реорганизация "Шай" была первым шагом на пути превращения ее в одно из звеньев государственного механизма, то для Бери "Шай" все еще оставался прежним отрядом храбрых "лесных братьев", которым ему поручено было командовать и которым он командовал в меру своего разума, согласия и инициативы. В результате шесть месяцев спустя, в декабре того же 1948 года, он предстал перед государственным судом по обвинению в умышленном убийстве.

Убитым был богатый и влиятельный хайфский араб по имени аль-Касем. Полиция давно знала его как "рэкетира", который навязывал свое "покровительство" мелким арабским торговцам — разумеется, за изрядное вознаграждение. Известно было также, что он оказывал небольшие, но регулярные услуги Хагана, а кроме того, по всей видимости, и британской разведке. Поэтому когда его изрешеченное пулями тело было обнаружено у подножия горы Кармель, большого удивления это не вызвало: желающих свести с ним счеты было предостаточно. Но убийство есть убийство, закон государства требовал расследования, а расследование неожиданно привело к Исэру Бери. Нет, Бери не отдавал приказа об убийстве аль-Касема, это была инициатива кого-то из его подчиненных, но Бери был с ней полностью согласен — по причинам, которые он лаконично изложил полицейским: "аль-Касем был двойной агент, и мы его ликвидировали".

Бен-Гурион думал иначе. Бен-Гурион считал, что Израиль — уже не партизанская вольница, а государство, закон которого един для всех. Поэтому полковник Бери был привлечен к суду. Суд признал его виновным и рекомендовал снять с поста руководителя разведки. Но это было лишь начало. Несколько недель спустя Бери снова предстал перед судом. На этот раз — по делу Аба-Хуши.

Нити этого дела тоже уходили в недавнее прошлое. Весной 1946 года Хагана планировала операцию против британских сторожевых катеров в Хайфе, мешавших нелегальной еврейской репатриации. Буквально накануне операции кто-то донес о ней британским властям и тем самым сорвал все планы Хаганы. Бери был уверен, что знает доносчика. По его глубочайшему убежде-

нию, им был Аба-Хуши — могущественный лидер хайфских еврейских профсоюзов, правая рука Бен-Гуриона, давний приятель “Старика”. Аба-Хуши был изворотливым, хитрым и порой беспринципным политиком — из того сорта людей, которые были особенно неприятны Исеру Бери, человеку прямолинейному, мрачно неподкупному, не понимавшему и не принимавшему никаких политических интриг. У Аба-Хуши были давние тесные связи с англичанами, и он не раз высказывался против некоторых действий Хаганы. Для Бери этого было достаточно, чтобы начать за Аба-Хуши многомесячную слежку. В мае 1948 года, почти два года спустя, Бери наконец показалось, что он нашел “слабое звено” в политической броне Аба-Хуши. Люди Бери арестовали некоего Амстера, приятеля Аба-Хуши, и после многодневных допросов “с пристрастием” Амстер действительно дал нужные показания. С этими показаниями Бери отправился к Бен-Гуриону. Бен-Гурион отказался ему поверить. Тогда Бери предъявил свой главный козырь — два документа, которые, как он объяснил, были найдены в захваченном секретном британском архиве. Они неопровержимо доказывали, что Аба-Хуши сотрудничал с англичанами.

Бен-Гурион согласился начать следствие против Аба-Хуши. Но сомневаться не перестал. И оказался прав. В конце августа, когда следствие уже было в разгаре, главный израильский специалист по подделке документов, вызванный для экспертизы, неожиданно признался, что это он сфабриковал “британские документы” — по прямому приказу Исера Бери. Бери, надо думать, был абсолютно уверен, что Аба-Хуши представляет собой серьезную угрозу; в то же время он знал, что показания Амстера вряд ли убедят Бен-Гуриона; поэтому он “дополнил” эти показания фальшивкой, изготовленной, с его точки зрения, с самыми честными намерениями. Представ перед вторым судом, Бери так и заявил: “Как глава разведки, я имел право действовать вне рамок закона, если это диктуется интересами государства”. Но суд не согласился с такой трактовкой интересов государства. В январе 1949 года Бери был разжалован и уволен из армии. Однако и на этом его трагедия все еще не окончилась. В июле он был привлечен к суду в третий раз! Теперь его обвиняли в самочинной казни майора израильской армии Меира Тобянского.

Как мы уже говорили, день 30 июня 1948 года был не вполне

обычным. Если вы помните, в тот день, прямо из "Консультативной службы ветеранов", Бери и сопровождавшие его Кидрон, Карон и Джибли направились на заседание военного трибунала. Это и был трибунал по делу Тобянского. Заседание было коротким и стремительным, вполне в духе военного времени. Судьи не вдавались в подробности. Детального следствия не было. И хотя подсудимый отрицал свою вину, он был осужден и приговорен к расстрелу. На следующий день, в окрестностях арабского села Бейт-Джеез, что на дороге Тель-Авив—Иерусалим, взвод израильских солдат привел приговор в исполнение.

История Меира Тобянского началась в первых числах июня, когда иорданский Арабский легион осаждал Иерусалим. Орудия легиона непрерывно и точно накрывали огнем секретные израильские оружейные мастерские, от которых зависело снабжение Хаганы боеприпасами. Стоило мастерским сменить место, как через несколько часов они опять оказывались под прицельным обстрелом. Биньямин Джибли, начальник разведки иерусалимского округа, начал срочное расследование. Следы привели его к Меиру Тобянскому, бывшему майору Королевского инженерного корпуса и страстному англофилу. Выяснилось, что Тобянский ежедневно встречается с английскими инженерами из Иерусалимской электрической компании. 30 июня рапорт Джибли поступил к Бери. Методы Бери нам уже знакомы. В тот же день, 30 июня, Тобянский был арестован, допрошен, доставлен в трибунал и осужден. И через 24 часа его тело уже было брошено в наспех вырытую яму.

Когда три недели спустя сообщение о казни Тобянского появилось в израильских газетах, его вдова обратилась с письмом к Бен-Гуриону. "Как могло случиться, — писала она, — что моему мужу было отказано в его законных правах на защиту? Где и когда происходил его суд? По какому параграфу закона его осудили? Почему осужденный не получил возможности попроситься с женой и сыном?"

Получив это письмо, Бен-Гурион распорядился немедленно провести повторное расследование. 26 декабря он ответил Лене Тобянской: "Я не имею права выносить приговор по делу вашего мужа, но я проверил все обстоятельства этого дела и пришел к выводу, что оно было проведено в нарушение закона. Я приказал начальнику генерального штаба назначить новый трибунал. Независимо от решения этого трибунала правительство Израиля

продолжит оплату образования вашего сына. Ни вы, ни он не должны испытывать никакого чувства вины”.

Второе письмо от Бен-Гуриона вдова Тобянского получила почти полгода спустя. В нем говорилось: “Расследованием установлено, что ваш муж был невиновен. Его смерть была трагической ошибкой. Подобное не должно было случиться никогда. Виновные будут наказаны...”

7 июня 1949 года останки Меира Тобянского были перезахоронены с воинскими почестями. А 19 июля начался третий суд над Исером Бери, бывшим руководителем израильской разведки, ныне — частным лицом без определенных занятий. 23 ноября он был признан виновным. Суд учел напряженную обстановку, в которой происходило расследование дела Тобянского. Суд учел также тот факт, что действиями Бери руководила исключительно преданность своему долгу и честное (хотя и специфическое) понимание своих обязанностей. Бери был приговорен к условному наказанию: “Тюремное заключение сроком на один день, от восхода до заката солнца”.

Утверждают, что в разгар суда над Бери на стол к Борису Гуриэлю легла перехваченная израильскими радистами телеграмма — донесение английского агента в Тель-Авиве Джона Бальфура, из которой неопровержимо следовало, что — сознательно или нет — Тобянский действительно помог британской разведке в Иерусалиме. И что будто бы Гуриэль предложил Бери воспользоваться этим неожиданным документом, но тот, ничего не объясняя, отказался. А на следующий день Гуриэля вызвал к себе Бен-Гурион и спросил: “Как ты думаешь, что станет с нашей разведкой, если ее руководители будут использовать поступающие к ним секретные документы для защиты своих друзей, а то еще, не дай Бог, для сведения личных счетов?” Говорят, что Гуриэль, пытаясь оправдаться, напомнил Бен-Гуриону о деле Дрейфуса, в котором немецкий офицер скрыл доказательства невинности обвиняемого. И что будто бы Бен-Гурион на это ответил: “Я тоже знаю дело Дрейфуса. И дело Тобянского я знаю. Но я знаю также Исера Бери. Я думаю, что суд учтет в се обстоятельства...”

Как бы то ни было, на следующий день после вынесения приговора президент страны помиловал Бери и уберег от однодневного позорного заключения.

Исер Бери умер в 1958 году сломленным и разочарованным человеком. Его друзья продолжали считать его героем. Он дей-

ствительно был, если угодно, героем — только тип его героизма принадлежал прошлому. История безжалостно убирает со сцены прежних героев и вызывает новых, когда ей это требуется. Она не обходится без них — она их просто меняет. Попытка оставаться верным только прошлому чаще всего оканчивается трагически.

Первые годы существования Израиля тоже были героической эпохой — достаточно вспомнить Войну за Независимость, прием репатриантов из арабских стран и все последующее, вплоть до победоносной Синайской кампании 1956 года. Но это уже был другой героизм и другая эпоха. Главным ее содержанием было постепенное отступление взбаламученной “революционной стихии” в государственные берега. В считанные годы ушли со сцены лихие “партизаны”; недавние подпольные группы превратились в уважаемые политические партии; киббуцники сменили подпоясанные косоворотки на дипломатические фраки; на смену героям-одиночкам шли политики, администраторы, профессионалы — и чиновники. На первый взгляд казалось, что Израиль быстро превращается в “обычное” государство. В действительности он, конечно, все еще оставался — и частично остался до сих пор — революционным обществом, хранящим традиции поселенческого эгалитаризма, сионистского политического плюрализма и пионерского демократизма. И, как мы уже говорили, эти традиции непрерывно вступали в острейший конфликт с той, весьма пахнувшей тоталитаризмом, государственностью, которую Бен-Гурион и его партия навязывали стране — в интересах ее же выживания. В сущности, это была борьба за то, каким будет государство Израиль. И в конечном итоге в этой борьбе не оказалось победителей. Она кончилась временным и неустойчивым компромиссом, который предвещал новую фазу конфликта. Но то была титаническая борьба, и она породила титанов. Первым из них был, конечно, Давид Бен-Гурион, который наложил сильнейший отпечаток своей сложной, тоталитарной и демократической одновременно, личности на всю эпоху. Но Бен-Гурион не был единственным. В политике рядом с ним — или против него — поднялись Голда Меир, Моше Даян, Менахем Бегин, Моше Снэ и многие другие. В истории израильской разведки новая эпоха тоже заявила о себе восхождением авторитарного руководителя нового типа. Им был Исер Харэль.

После падения Бери руководство Аманом перешло к его заместителю Хаиму Герцогу, а от него, в апреле 1950 года — к Биньямину Джибли. Вскоре между Джибли и Гуриэлем начался тяжелый затяжной конфликт. Гуриэль утверждал, что Израиль остро нуждается в расширении прежде всего политической разведки, которая анализировала бы ситуацию в арабских странах и на этом основании оценивала данные разведки военной. "Если даже Аман обнаружит, что египтяне закупили новое оружие, — говорил Гуриэль, — это еще ничего не означает. Главное — узнать, что они с ним собираются сделать". В отделе Джибли эти рассуждения называли "интеллектуальным теоретизированием". Межведомственная борьба еще более осложнилась, когда Харэль стал на сторону Джибли, чтобы этим усилить свои собственные позиции. Кончилось тем, что в дело опять вмешался Бен-Гурион. 1 сентября 1951 года он провел новую реорганизацию разведки. Политический отдел Гуриэля был расформирован, его заменил обычный "исследовательский отдел". Функции Амана и Шин-Бета были четко разграничены. И наконец в добавление ко всему (именно тогда!) был создан новый руководящий орган — Центральный институт разведки и "особых поручений", а попросту — Мосад. Вся эта структура была объединена в рамках координационного комитета, во главе которого должен был стоять руководитель Мосада. На этот пост был сначала назначен славившийся своими оригинальными идеями Реувен Шилоах, разведчик с многолетним опытом, несколько лет находившийся в "служебной командировке" в Соединенных Штатах.

Теперь, однако, борьба разгорелась между Шилоахом и Харэлем. Маленький Исер не уставал твердить, что Шилоах — никуда негодный администратор. Верно, он генерирует идеи, но это его и губит. Он способен целыми днями обсуждать с сотрудниками новую идею, а на завтра отбросить ее ради следующей, не менее фантастической. В конце концов, разъяренный Шилоах доложил Бен-Гуриону, что не может больше сотрудничать с Харэлем — кто-то из них должен уйти.

Ушел Шилоах. В сентябре 1952 года Харэль добился своего — он был назначен руководителем Мосада, а в начале 1953 года ему было возвращено и руководство Шин-Бетом. Фактически, он единолично подчинил себе всю израильскую разведку, потому что, будучи главой координационного комитета, или "Мемуне", он контролировал также деятельность Амана. Исер Харэль

долго и терпеливо шел к этой вершине, и теперь он наконец ее достиг.

Исер Гальперин родился в Витебске, в 1912 году. В шестнадцать лет он стал сионистом, в восемнадцать приехал в Палестину. Единственным имуществом, которое он привез с собой в Обетованную Землю, был револьвер и пачка патронов, умело спрятанные от таможенного досмотра. В Палестине Исер сменил фамилию на ивритское "Харэль", поселился в кибуце Шфаим и вскоре женился на очаровательной веселой девушке по имени Ривка. Он был ее полной противоположностью — молчаливый, сосредоточенный, лишенный чувства юмора низенький человек со стальной волей и бешеным упрямством. В 1935 году Исер и Ривка ушли из кибуца и переехали в Тель-Авив. Здесь Харэль вступил в Хагану. Вскоре его пригласили возглавить Еврейский отдел "Шай". Отдел занимался слежкой за группами, которые соперничали с Хаганой на политической и военной арене — Эцелем и Лехи. Соперничество между различными течениями сионизма в ишуве не прекращалось даже в самые тяжелые времена борьбы с мандатными властями за создание еврейского государства, более того — тогда оно лишь еще более обострялось. Эцель, отколовшийся от Хаганы с самого начала, выступал против всякой сдержанности в отношении арабского терроризма, а затем — мандатных властей. Лехи, или группа Штерна, заявившая о себе в сороковые годы, отличалась еще большим экстремизмом. За этими тактическими разногласиями скрывались, понятно, более глубокие — политические; и после образования государства эти разногласия стали угрожать единству страны, которое железной рукой навязывал ей Бен-Гурион. 11 июня 1948 года руководитель Эцеля Менахем Бегин привел в тель-авивскую гавань корабль "Альталена" с грузом оружия. И хотя он объявил, что это оружие предназначено для всей израильской армии, а не только для Эцеля, Бен-Гурион воспринял инцидент как угрозу гражданской войны. Он приказал атаковать "Альталену". Вслед затем, в течение нескольких дней, были ликвидированы склады оружия и тайные явки Эцеля по всей стране. Данные об этих складах и явках добыл глава Еврейского отдела "Шай" Исер Харэль.

Все это происходило в дни первого перемирия между евреями и арабами. Вскоре перемирие рухнуло, и Война за Независимость возобновилась. Посредник ООН граф Бернадотт, пытавшийся наладить новое перемирие, действовал не особенно активно --

все его симпатии явно были на арабской стороне. Неудивительно, что когда 17 сентября машина Бернадотта попала в засаду на узких иерусалимских улицах и посредник ООН был в упор расстрелян неизвестными людьми, подозрение прежде всего пало на евреев. Ответственность за убийство взяла на себя доселе неизвестная организация "Национальный фронт". Но уже на следующее утро Исер Харэль явился к Бен-Гуриону, утверждая, что за вывеской "Национального фронта" скрываются люди Лехи.

Версия Харэля давала Бен-Гуриону возможность окончательно решить проблему сепаратистов из Эцеля и Лехи, обеспечить целостность государства и одновременно ослабить своих давних идеологических и политических конкурентов. Конечно, он сознавал, что на стороне Эцеля и Лехи были решительность, военная подготовка, а главное — популярность, завоеванная героической борьбой против арабов и англичан. Но государственные и политические соображения перевесили. К тому же Харэль заверил, что операция будет молниеносной и безболезненной: в его распоряжении были все адреса и явки Эцеля и Лехи. Бен-Гурион отдал приказ.

Той же ночью армейское подразделение Моше Даяна провело сотни арестов. На следующий день, 20 сентября, начальник генерального штаба Игаэль Ядин предъявил ультиматум отрядам Эцеля в Иерусалиме — основной военной силе организации. Бегин принял ультиматум. 30 сентября Харэль собственноручно арестовал в Хайфе последнего руководителя Лехи Фридмана-Елина. Эцель и Лехи как независимые боевые организации перестали существовать. Их члены частично влились в единую израильскую армию, Цахал, частично ушли в политику, создав собственные политические партии. Но отголоски посеянной этими событиями политической и личной ненависти сотрясали Израиль еще многие десятилетия спустя.

Затем настала очередь Пальмаха. То были ударные отряды, созданные в Хагане еще в мандатный период, но в отличие от нее находившиеся в состоянии постоянной мобилизации — своего рода зародыш еврейской регулярной армии. Пальмах стал легендарной боевой единицей. Из его рядов вышли почти все будущие командиры Цахала; в израильской истории и литературе есть даже выражение — "поколение Пальмаха". И благодаря всем своим особенностям, Пальмах постепенно — и неизбежно — превратился в самостоятельную, политически независимую силу, которую скрепляли общая история и общее происхождение его

членов, как правило — выходцев из пионерских кибуцов. Но если Эцель и Лехи были военной опорой правого крыла сионизма, то Пальмах был военной опорой его крайне левого крыла, партии Мапам — тех радикалов, которые вышли из бен-гурионовской партии Мапай в знак протеста против ее “консерватизма” и объединились под знаменами левого социализма.

7 ноября 1948 года Бен-Гурион отдал приказ о расформировании Пальмаха как отдельной военной организации. Могущественная Федерация израильских профсоюзов, Гистадрут, находившаяся под контролем партии Мапай, одобрила это решение. Но на первых же израильских выборах, весной 1949 года, Мапам получила почти 15 процентов голосов, став второй по величине партией в израильском парламенте, и 90 процентов бывших членов Пальмаха голосовали за нее. В борьбе с Бен-Гурионом Мапам все более левела. В ее руководстве все громче звучали голоса сторонников объединения с коммунистами, Бермана и Снэ. И перед Бен-Гурионом, уже имевшим в стране шумную оппозицию справа, теперь вырисовывалась угроза мощной оппозиции слева. В борьбе с ней Бен-Гурион снова обратился к службе безопасности Исера Харэля.

Когда 14 сентября 1952 года Харэль принял руководство Мосадам, вся израильская разведка размещалась в нескольких маленьких комнатках и располагала штатом в дюжину людей, включая секретаршу, которая вот уже несколько месяцев не получала зарплату, потому что казна Мосада была абсолютно пуста. В тот же день Харэль отправился к Бен-Гуриону.

“Господин премьер-министр, — с нарочитой формальностью сказал он, — некоторые люди считают, что Израиль вполне может обойтись без специальной разведки и что все ее задачи могут быть успешно решены разведкой армейской. Я придерживаюсь иного мнения и знаю, что вы со мной согласны. Но если израильская разведка обречена работать без денег и штатов, она способна только опозорить нашу страну. В таком случае я готов скорее согласиться с теми, кто предлагает вообще ликвидировать Мосад”.

В тот же вечер бюджет Мосада был увеличен вдесятеро. Харэль получил право набирать людей по своему усмотрению. Он не стал терять времени. Израильские агенты за границей были отозваны в страну и подвергнуты придирчивому допросу в ка-

бинете нового шефа. Часть из них была после этого уволена, другие были отправлены на переподготовку. И тем, и другим Харзель говорил одно и то же: "Я предпочитаю вообще не иметь агентов, чем командовать людьми, которые не знают своего дела..."

В те времена кадры Мосада состояли в основном из бывших кибуцников, людей, пришедших в разведку, как и Харзель, во времена ишува. Они были самоотверженно мужественны и неистощимо изобретательны, но это не компенсировало отсутствия у них чисто профессиональной подготовки. Они блестяще действовали в своей собственной стране, в знакомой с рождения обстановке, но зачастую терялись, оказавшись в европейских столицах. Они не знали, как позвать такси на улице Лондона и как выбрать вино в ресторанах Парижа. Они вообще не умели пить! Их немедленно распознавали по мелочам — по неумению смешать виски, поцеловать ручку даме и завязать галстук. И бывало, что этот непрофессионализм приобретал трагикомический характер.

Осенью 1949 года отдел Бориса Гуриэля подцепил на крючок жирную "рыбку". Важный сан-сальвадорский чиновник согласился помочь в засылке израильского агента в Каир под видом — ни больше, ни меньше — генерального консула республики Сан-Сальвадор. Причем вполне официально! В Европе агент должен был получить сан-сальвадорский дипломатический паспорт на свое имя и все прочие документы и верительные грамоты, а в Каире его ожидала полная дипломатическая неприкосновенность. Какой разведке не снилась такая удача?

Гуриэль рассказал об открывшейся возможности Биньямину Джибли, и тот настоял, чтобы выбор агента поручили ему. Джибли выбрал самого подходящего из своих людей — человека, бегло владевшего испанским языком и хорошо знавшего Латинскую Америку. Согласно уговору с сан-сальвадорским чиновником, агента направили в Брюссель, где он должен был появиться в египетском посольстве, как только будет получено подтверждение его кандидатуры из Каира. Подтверждение было получено, и в назначенный день "консул" появился в посольстве, где его уже ждал приветливый египетский чиновник и чашка дымящегося кофе. Светская беседа затянулась почти на час. "Ну, что ж, — вздохнув, сказал наконец чиновник, — пора все же заняться бюрократическими формальностями. Я должен заполнить на вас не-

большую анкету. Итак, место рождения..." — и он придвинул к себе лист бумаги.

— "Хайфа", — сказал расслабившийся израильтянин!

В отличие от своих предшественников, Исер Харэль не был "дипломированным интеллигентом". У него не было законченного образования, зато было множество предрассудков. Он был беспощадно требователен в работе и пуритански честен в жизни. Рассказывают, что когда один из его агентов, находясь в Европе, затеял роман и подчиненные потребовали от Харэля отозвать его, Исер искренне удивился: "Почему? Он взрослый человек и может сам присмотреть за собой...". — "А жена?" — возразили подчиненные. — "Жена? — растерянно переспросил Исер. — Он женат? Тогда зачем ему другая женщина?"

Главной особенностью Харэля была способность внушать своим агентам предельную преданность делу — и себе лично. Тогда, как и сейчас, израильские разведчики вели трудную, опасную и одинокую жизнь, не получая взамен даже приличной зарплаты. Поэтому личный магнетизм Исера играл особую роль. Не обещая своим людям даже славы в награду, он посылал их на самые опасные операции, и они безропотно выполняли самые скучные поручения, потому что об этом просил "сам Исер". Он никогда не говорил: "Я приказываю..." Он говорил: "Послушай, тут у нас такая проблема..." При всем этом он учил своих людей лгать, преступать законы и, если нужно, убивать. Один из них хорошо сформулировал его "философию общего дела": "Исер хочет, чтобы эту грязную работу выполняли честные люди. Потому что если грязную работу начнут делать подонки, — Боже, сохрани Израиль!"

Но совмещение этих противоположностей не всегда оказывалось возможным. И не всегда — безопасным. Порой чистые люди, делавшие грязную работу, подходили к той опасной грани, за которой открывалась пропасть.

Говорят, что этот микрофон американские инженеры разработали по специальному заданию ЦРУ. Он представлял собой круглую лепешку величиной с половину ногтя и толщиной в несколько миллиметров. С одной стороны лепешка была снабжена двумя металлическими усиками для захвата и крепления, с другой из нее выходил тонкий и гибкий хвост полутораметровой антенны. Благодаря своим габаритам микрофон хорошо вписыв-

вался в патрон электролампочки, ручку чайника и пуговицу плаща. Крохотные батареи обеспечивали несколько недель непрерывной работы. Антенна позволяла вести уверенные приемы на расстоянии в несколько сот метров.

Осенней ночью 1952 года небольшая группа людей бесшумно проникла в одну из комнат углового дома на тихой тель-авивской улице. Комната была нежилой, и поэтому группа могла беспрепятственно работать в ней до утра. В то же время это создавало дополнительные сложности. Мысль установить микрофон в стене была немедленно отвергнута. Голые, недавно оштукатуренные стены мерцали ровной, нетронутой белизной, на фоне которой любое — даже аккуратно заделанное — повреждение немедленно бросилось бы в глаза. Единственная лампочка висела слишком высоко, под самым потолком. Вся мебель состояла из простого некрашеного стола и нескольких расставленных вокруг него, таких же простых стульев. После короткого совещания техники выбрали стол. Микрофон был заделан в заднюю стенку выдвижного ящика — в зазор, остававшийся между нею и задней стенкой стола. Гибкая антенна обвивала всю длину стола под осторожно поднятой и так же тщательно уложенной на место крышкой. Принимающее устройство было размещено в специально для этого арендованной квартире стоявшего напротив дома. С раннего утра там был оставлен на дежурство техник с наушниками и пишущей машинкой.

Операция была бы рутинной, когда б не одно обстоятельство. Помещение, куда проникла группа, было штаб-квартирой партии Мапам. А стол с заделанным в него микрофоном принадлежал генеральному секретарю партии Меиру Яари, и за ним ежедневно происходили заседания партийного руководства. Несколько дней спустя подробности этих заседаний начали публиковаться в газетах бенгурионовской партии Мапай. Руководство Мапам осознало, что имеет место утечка самой секретной партийной информации. Поначалу решили, что утечка идет от кого-то из секретариата. Но когда эта возможность была надежно исключена, осталось единственное объяснение: штаб-квартира Мапам прослушивается людьми Мосада.

Харэль начал слежку за Мапам, еще будучи руководителем службы внутренней безопасности, Шин-Бет, в 1949 году. Вести эту слежку было трудно — Харэлю приходилось скрывать ее не только от Мапам, но и от некоторых собственных сотрудников,

бывших пальмахников, которые активно сочувствовали левым социалистам. И хотя Харэль даже создал внутри Шин-Бета особый секретный отдел, занимавшийся только этой операцией и не включавший ни одного пальмахника, те вскоре обнаружили существование этого отдела и создали свой, еще более секретный "контротдел", в задачу которого входило саботировать операции Харэля. Эта охота за охотником кончилась форменным скандалом, после которого главный вдохновитель саботажа — назовем его... ну, скажем, Гидеон — был уволен из Шин-Бета. Но он недолго оставался безработным — партия Мапам немедленно пригласила его возглавить ее "департамент самообороны". Самообороны от того же Харэля и его Шин-Бета. Харэль, зная способности своего бывшего подчиненного, затаился. Время от времени Гидеону удавалось выявить того или иного агента Харэля внутри аппарата Мапам; однажды ему показалось, что телефоны Мапам прослушиваются, — но ничего достоверного он установить не смог.

И только теперь, осенью 1952 года, ему представилась долгожданная возможность. Теперь у него не было сомнений, что в комнате секретариата Мапам спрятан микрофон. Говорят, что он перевернул эту комнату буквально вверх дном и уже почти отчаялся что-нибудь найти, когда внезапно обратил внимание на то, что ящик стола закрывается не совсем гладко. Выгасив его полностью, он тут же обнаружил на задней стенке миниатюрную пластмассовую коробочку, а в ней — установленный людьми Харэля микрофон.

План действий созрел у него почти немедленно. Он предложил Яри провести фиктивное заседание секретариата. Посреди одной из "речей", буквально на полуслове, Гидеон прервал очередного "оратора", осторожно открыл ящик стола и извлек микрофон из его гнезда. Расчет был на то, что люди Харэля припишут перерыв в передаче внезапной неисправности микрофона и попытаются в одну из ближайших ночей исправить или заменить его.

Расчет оказался правильным. "Ремонтная бригада" действительно появилась на следующую же ночь — и, конечно, тут же оказалась в окружении сидевших в засаде людей Гидеона. Гидеон вел допрос стремительно и жестко — он справедливо опасался, что Харэль работает в контакте с полицией и постарается немедленно выручить с ее помощью своих незадачливых агентов. "Техники" пытались выдать себя за обычных взломщиков. Но под

конец они все же сознались, что действовали по приказу Харэля. Гидеон выбил из них это признание за считанные минуты до появления полиции.

На следующий день руководство Мапам созвало пресс-конференцию, на которой журналистам рассказали всю историю и продемонстрировали злополучный микрофон. В те дни публично упоминать Мосад было запрещено, поэтому люди Харэля были представлены как "информаторы Мапай" и "платные агенты Бен-Гуриона". Канцелярия премьера категорически отрицала всякую его причастность к подслушиванию. "Взломщики" предстали перед судом, где признались, что проникли в штаб-квартиру Мапам "с преступными намерениями", но отрицали, что имеют какое-либо отношение к микрофону. Они были приговорены к символическому наказанию, освобождены прямо из зала суда и исчезли так же бесследно, как появились. Израильский Уотергейт погас, едва вспыхнув.

Но суть его от этого не изменилась. Израильское общество, раздираемое борьбой политических сил, оказалось на краю пропасти. Как не раз до того (и не раз после), Израиль в тот миг стоял на грани превращения в тоталитарное государство (а его служба безопасности в орудие борьбы с собственным обществом). Он мог им стать — и не только в случае полной победы Бен-Гуриона, но, как это ни парадоксально, и в случае победы его противников слева.

Я не знаю, чем объяснить, что Израиль, не раз балансировавший на грани тоталитаризма, все же не перешагнул эту грань. Я думаю, это очень сложный вопрос, и на него нет однозначного ответа. Я мог бы только припомнить кое-какие многозначительные детали. Например, Голда Меир вспоминала, что когда ее назначили первым израильским послом в Москве, она предложила членам посольства организовать коммуны. И они все по очереди, включая "госпожу посла", готовили, мыли и убрали. А когда у московской синагоги их встретила многотысячная толпа советских евреев, они все потом сидели молча в комнатах своей посольской коммуны и плакали. В этом что-то есть. Конечно, это не помешало той же Голде стать властным и жестким руководителем Мапай, а потом премьером Израиля, но ведь была и "кухня Голды", где "госпожа премьер" принимала министров в шлепанцах и переднике и готовила им чай... И еще я вспоминаю свой разговор с бывшим командиром израильских ВВС гене-

ралом Бени Пеледом. В газете "Гаарец" как раз тогда была опубликована подборка "Танки на кнессет" — о возможности военного путча в Израиле, и я спросил Пеледа, что он об этом думает. Он ответил: "Если бы я позвал генералов пойти на Дамаск, они бы, наверно, охотно за мной последовали. Но если я позову их штурмовать кнессет, они надо мной посмеются..."

Бен-Гурион, беспощадно борющийся с Эцелем, Лехи, Пальмахом, Мапам за диктатуру в своей партии, тем не менее никогда не пытался — думаю, даже не помышлял — физически ликвидировать своих политических соперников. И точно так же потом, когда ему бросили вызов в его собственной партии, он не обратился к Харэлю, чтобы тот организовал "показательные процессы", а вышел из Мапай и создал новую партию, "Рафи" — а проиграв на выборах, смирился с поражением. И Менахем Бегин, в свое время не отказавшийся — в борьбе с англичанами — от взрыва гостиницы "Царь Давид", после эпизода с "Альталеной" отказался идти на гражданскую войну, не призвал своих соратников к новому "восстанию", а пошел путем легальным, демократическим — создал свою партию, и почти тридцать лет терпеливо сидел в оппозиции и ждал своего часа.

Кое-кто считает, что эти спасительные особенности таятся в генетической структуре еврейского типа. Другие утверждают, что это наше историческое наследие, и они, наверно, тоже в чем-то правы. Третьи полагают, что это традиции пионерства и сионизма, все еще сохраняющиеся в нашем обществе. Скорее всего, это комбинация истории, людей и обстоятельств. И пока, во всяком случае — пока, она поддерживает в израильском обществе равновесие противоборствующих тенденций. История со слезкой за Мапам это показывает. Бен-Гурион отступил. Но и Мапам не пошла дальше влево. Самые крайние в ней, во главе со Снэ и Берманом, вышли из партии и объединились с коммунистами, но сама Мапам осталась внутри сионизма. И вся борьба израильских партий осталась в рамках демократической политики. Более того — если окинуть взглядом все последующие десять лет, вплоть до окончательной отставки Бен-Гуриона в 1963 году, то мы увидим, что эти формы борьбы и шире — вообще демократические формы — постепенно завоевывали все больше места в израильской политической жизни, отодвигая на периферию, делая все более анахроничными авторитарные методы людей типа Бен-Гуриона и Харэля — и самих этих людей. Эпоха великих полити-

ков, гениальных разведчиков и всемирно известных полководцев постепенно уступила место эпохе талантливых администраторов, пришедших к управлению государством, армией, разведкой. И хотя времена несомненно потускнели, но зато они выиграли в широте постепенно распространившегося на всю политическую жизнь демократизма.

Точно так же, как до 1963 года вся израильская политическая жизнь шла "под знаком" Бен-Гуриона, и все ее потрясения, бури и изменения были так или иначе связаны с его именем и его личностью, так история израильской разведки в эти годы была отмечена печатью личности Исера Харэля. Как руководитель разведки Харэль был мастером, прежде всего, хитроумных и сложных "особых операций", которые требовали сочетания глубокого продумывания, дерзкого риска и врожденной интуиции — качества, которые у Харэля были в избытке. В этих "особых операциях" он был, пожалуй, непревзойденным асом своей профессии и тактическим разработчиком экстра-класса. Каждая из его операций могла бы послужить темой увлекательного шпионского романа — и такие романы были написаны, целая библиотека, даже сам Харэль впоследствии не удержался от соблазна и написал "Дом на улице Гарибальди", где рассказал историю того, как он поймал Эйхмана. Не всем этим операциям сопутствовал успех, но там, где он был (а это случалось чаще всего), успех этот был шумным и блистательным. Он способствовал не только укреплению официальных позиций Харэля в израильском истеблишменте, но и упрочению его непререкаемого авторитета и чувства собственной непогрешимости внутри Мосада. Разумеется, это было чревато специфическими осложнениями для самого Харэля, и они не замедлили последовать; но бесспорно, что именно Харэль и именно этими методами создал ту израильскую разведку, о которой мы все так слышаны. Некоторые западные специалисты даже считают ее лучшей в мире. Другие, более сдержанные, говорят, что это преувеличение: разведка как разведка, такого же уровня, как американская, советская или английская (в ее лучшие времена). Что ж, для Израиля, с его крохотными ресурсами и возможностями, это замечательный комплимент. Увы, здесь не место и не время рассказывать обо всех подвигах этой разведки, перечислять все "особые операции" Исера Харэля — от истории Вольфганга Лотца в Каире и Эли Козна в Дамаске до

знаменитой охоты на Эйхмана. Поэтому я расскажу только об одной из этих операций — хотя бы потому, что хотя она совершенно нетипична для разведки вообще, зато очень типична для израильской разведки и методов ее создателя, Исера Харэля.

Начало этой истории было почти неприметным. Ида и Алтер Шумахеры прибыли в Израиль в 1957 году из Польши. На первых порах семье трудно было сводить концы с концами, поэтому Шумахеры решили отдать своего малолетнего сына Иоселе на проживание к деду Нахману в иерусалимский религиозный квартал Меа-Шаарим, где живут, как известно, самые ультраортодоксальные — и самые ультраантисионистские — верующие евреи. Дед Нахман был одним из таких ультраортодоксов и внука задумал воспитать в своем духе. Поэтому когда в декабре 1959 года Шумахеры решили взять Иоселе обратно, дед решительно заявил, что не отдаст мальчика недостаточно религиозным родителям. После долгих препирательств те обратились в суд. Судья обязал Нахмана вернуть ребенка. Тогда Нахман заявил, что ребенка у него нет. Суровый старик отправился в тюрьму, но не выдал местонахождения Иоселе. В стране разразилась буря. Верховный раввин Иерусалима одобрил поведение Нахмана. Верховный суд назвал похищение ребенка "самым отвратительным преступлением в истории Израиля". Общество раскололось. Секулярные израильяне создали "Комитет спасения Иоселе", в ответ ортодоксы начали забрасывать камнями машины неверующих. Знакомая картина! Но в этот раз она осложнялась тем, что "дело Иоселе" едва не сорвало создание новой правительственной коалиции, в которой Бен-Гуриону необходима была поддержка религиозных партий. Поэтому в конце концов он вынужден был обратиться к Харэлю. И в марте 1962 года — три года не утихала эта история! — Харэль объявил своим изумленным сотрудникам, что они начинают новую "особую операцию" под кодовым названием "Тигр": с завтрашнего дня "весь Мосад" займется поисками исчезнувшего мальчика!

Последовала буря протестов. Харэля пытались убедить, что это дело полиции, а не государственной разведки. Но он был непреклонен. Мальчик должен быть найден, это поручение Бен-Гуриона, и он, Харэль, мальчика найдет.

Харэль взвалил на себя нелегкую задачу. Полиция, разыскивавшая Иоселе все эти годы, категорически утверждала, что маль-

чика нет в стране. Следовательно, его вывезли на Запад, и, конечно, это сделали Нахман и его друзья — фанатики из Меа-Шаарим. Но общины ультраортодоксов, где могли бы скрывать Иоселе, существовали чуть ли не во всех западных странах. Где искать? С чего начинать? Мало того, что ультраортодоксы жили сплоченными, замкнутыми группами — за долгие века преследований они развили в себе почти радарную чуткость к “чужому”. Стоило людям Харэля появиться на улицах Голдерз-грин в Лондоне, Плетцля в Париже или Вильямсбурга в Бруклине, как их тут же опознавали, изобличали и с позором изгоняли. И сверх того они и сами чувствовали себя не в своей тарелке: шпионить за собственными братьями-евреями — и во имя чего?! Не для поимки опасного террориста, нет — чтобы найти какого-то пропавшего мальчишку. Но когда Харэль выходил на охоту, он уже не останавливался, даже если охота растягивалась на годы — как было, например, в случае Эйхмана. А если человек годами неуклонно идет к своей цели, то даже случай начинает к нему заинтересованно приглядываться.

Одному из агентов Харэля удалось сойтись с молодым религиозным евреем, и тот, в случайном разговоре, упомянул имя женщины необычайной судьбы. Женщина эта, по его словам, когда-то была участницей французского Сопротивления, потом перешла в иудаизм и стала весьма уважаемой в самых ультраортодоксальных еврейских кругах. Она даже жила какое-то время в Меа-Шаарим, но теперь опять уехала во Францию. Звали ее Мадлен Ферэ, и, по ее собственному утверждению, она происходила из католической семьи, хотя мать, кажется, была из рода марранов. В девятнадцать лет Мадлен вышла замуж и родила сына, в двадцать один развелась, а в двадцать три — влюбилась в молодого раввина и тайно перешла в иудаизм. Но тут грянула война, нацисты оккупировали Францию, и она ушла в подполье. Благодаря ее связям с партизанами крохотной общине молодого раввина удалось благополучно пережить оккупацию. Позже Мадлен окончила Сорбонну и уехала со своим раввином в Израиль, но увы — там он ее оставил и, покинув в Меа-Шаарим сына от своего первого брака, она возвратилась во Францию. Надо ли добавлять, что, судя по рассказу, Мадлен Ферэ была очаровательна, владела несколькими языками, отличалась решительностью солдата и хитроумием разведчика — короче, что она была точной копией отважных героинь приключенческих романов, с той разницей,

что она действительно существовала. Где-то во Франции.

“Где она? Мы должны ее найти!” — сказал Харэль своим людям. Потому что, услышав этот рассказ, он немедленно почувал, что поймал путеводную ниточку. Кто-то вывез Иоселе из страны, и этот кто-то должен был располагать полным доверием ультраортодоксов, и он не должен был на них походить, и у него должны были быть связи на Западе. Если вдуматься — много ли подходящих кандидатов на свете? Ну, два, ну, три миллиона. Исер Харэль готов был поставить все свои ставки на одного из них — на Мадлен Ферэ.

Найти ее оказалось нелегко, но в конце концов это удалось. Люди Харэля обнаружили ее в Реймсе. Увы, удача была мимолетной. Видимо, почував за собой слежку, Мадлен Ферэ искусно запутала следы и ушла от агентов Мосада. “Она скрывается, — удовлетворенно пробормотал Харэль, когда ему доложили о неудаче. — Это хорошо. Значит, у нее есть причины скрываться!”

Он разослал своих людей по градам и весям Франции. Он посадил их листать газеты и слушать радио. Он снова направил их в религиозные круги. И его упрямство снова вернуло ему удачу. Просматривая — в тысячный раз! — осточертевшие французские провинциальные газеты, кто-то из агентов увидел маленькое объявление о продаже загородного дома. Госпожа Ферэ продавала дом с обстановкой в окрестностях Женевы. Адрес тоже был указан. И телефон.

Вскоре госпоже Ферэ позвонили. Человек, представившийся представителем крупной фирмы (его верительные грамоты были в полном порядке), просил о встрече, чтобы обсудить вопрос о покупке дома. В назначенный день они встретились в Женеве. Покупатель попросил показать ему дом. Госпожа Ферэ согласилась. Когда они вошли в дом, “покупатель” быстро и ловко повернул ключ в двери. Навстречу госпоже Ферэ поднялись несколько незнакомых людей. Она не закричала, не стала сопротивляться. Она недаром была в Сопротивлении. Она просто замкнулась и отказалась отвечать. И два дня подряд люди Харэля не могли выбить из нее ни слова.

Еще раньше, когда Мадлен Ферэ была выслежена, Харэль вылетел в Женеву, чтобы лично присутствовать на последней стадии операции “Тигр”. Теперь ему пришлось в нее вмешаться. На третий день допроса он явился в дом к Мадлен Ферэ. Он был

раздосадован и взбешен. Он и сам толком не знал, как сломить эту необыкновенную женщину.

Говорят, что ему на помощь опять пришел случай. Будто бы, листая ее заграничный паспорт в поисках дат ее въезда и выезда из Израиля, он натолкнулся на приколотую к странице фотографию девочки и сразу опознал в ней Иоселе. И будто бы это заставило Мадлен Ферэ заговорить. Но знающие люди утверждают, что все было куда менее романтично: когда Харэлю сообщили, что Мадлен Ферэ находится в руках его агентов, он позвонил в Израиль, и там его сотрудники немедленно арестовали ее сына. И тот, напуганный призраком суда, признался, что помогал матери вывезти Иоселе из страны. А затем Харэль явился в дом Мадлен Ферэ, чтобы представить ей показания сына.

Как бы то ни было, Мадлен Ферэ заговорила. История оказалась удивительной. Давние знакомые из Меа-Шаарим действительно попросили ее вывезти Иоселе. И она разработала план, достойный, пожалуй, самого Харэля. Она отправилась в Израиль морем; на корабле она познакомилась с австрийской парой, у которой была маленькая девочка; она сблизилась с ними настолько, что, сходя на берег, взялась вести девочку за руку, пока родители будут возиться с багажом; в результате она зарегистрировалась на паспортном контроле как мать с маленькой девочкой. После этого ей уже нетрудно было и выехать из страны с "дочерью" — только на сей раз ею был переодетый и загримированный Иоселе. Из Парижа она переправила мальчика в Америку. И сейчас он находился в Бруклине: в семье Гертнер, проживающей по улице Пенн 126.

Харэль тотчас связался с израильским послом в Вашингтоне. Посол сказал, что могут быть трудности: надвигаются выборы, сейчас не время раздражать ультраортодоксов. Харэль в бешенстве потребовал, чтобы посол немедленно связался с генеральным прокурором Соединенных Штатов Робертом Кеннеди. Этого оказалось достаточно. Несколько часов спустя Иоселе был уже на пути в Израиль. Операция "Тигр" закончилась очередным триумфом Исера Харэля.

Но удивительная история Мадлен Ферэ — или Рут Бен-Давид, как она именовала себя в Израиле, — на этом не закончилась. Вскоре Рут окончательно переселилась в Израиль. Здесь она познакомилась с духовным главой ультраортодоксальной секты "Нетурей Карта" равом Амрамом Блой. Ей было тогда сорок

пять лет, ему — на двадцать лет больше, но, по ее словам, это была “любовь от Бога”, то есть — с первого взгляда. После смерти рава Амрама Рут стала его духовной преемницей. Она по-прежнему живет в Меа-Шаарим и по-прежнему остается ультрарелигиозной еврейкой и яркой антисионисткой: в День Независимости она постится, как в траурный день, и на дверях ее дома висит табличка: “Еврей не может быть сионистом”. Время от времени она ездит в арабские страны; она встречалась с Арафатом и Хомейни (впрочем, Арафат ей не понравился); она ненавидит все израильские партии, включая религиозные; и она ждет прихода Мессии. Ее сын Ариэль (которому она, в конце концов, простила “измену”) отошел от “Нетурей Карта” и живет отдельно. И время от времени ее посещает странный в этих местах гость — явно нерелигиозный молодой человек, без пейсов и бороды, зато часто в военной форме — некий Иоселе Шумахер...

Операция “Тигр” была предпоследней экстраординарной операцией Исера Харэля. Год спустя он вошел в острый конфликт с Бен-Гурионом и вынужден был уйти в отставку. Дело было не только и не столько даже в личном конфликте, сколько в том, что Харэль, ведомый азартом погони, на сей раз увлекся и слишком положился на самого себя — как постепенно привык полагаться за все эти годы своего единоличного и авторитарного властвования в Мосаде. И на сей раз интуиция его подвела...

Новые ветры уже шумели в это время в коридорах израильской разведки. Правда, они не могли сразу ворваться в плотно запертые двери кабинета, где обдумывал свои операции шеф Мосада Исер Харэль, но уже свободно гуляли по другим комнатам и, прежде всего, в кабинетах военной разведки. В 1955 году, после ухода Биньямина Джибли, руководителем Амана был назначен Иошафат Харкави по прозвищу “Толстяк” — выдающийся израильский арабист с дипломом доктора философии, человек с пронизательным аналитическим умом и склонностью к широким обобщениям. Харкави был первым руководителем военной разведки, которому пришлось столкнуться с проблемой палестинского терроризма — именно в его годы начались атаки засылаемых из Египта федаинов, и Харкави был инициатором нескольких операций, в ходе которых удалось ликвидировать египетских офицеров, занимавшихся подготовкой этих атак. Но, пожалуй, главной

заслугой Харкави оказалось то, что он первым понял новые задачи, вставшие перед израильской военной разведкой после Синайской кампании 1956 года, — и то, что привлек к решению этих задач легендарного Юваля Неемана.

Войну в Синае израильтяне выиграли блестяще. Но в ходе ее выяснилось, что они все же плохо представляли себе театр будущих сражений и армию будущего противника. Такое знание требовало сбора огромной информации, непрерывной ее обработки и своевременного пополнения. Прежние методы добывания этой информации были доморощенными, методы ее обработки — громоздкими, и в результате знание о противнике непрерывно отставало от самого противника. Нужна была, как говорят сейчас, научно-техническая революция, и эту революцию в израильской разведке совершил Юваль Нееман.

Этот молодой и блестящий физик — тоже с дипломом доктора наук — пришел в Аман в 1954 году и провел здесь почти десять лет. Помимо докторского диплома у него были кое-какие идеи. И эти идеи он изложил израильским генералам. По существу, он сказал им следующее. Будущая война будет выиграна электроникой и компьютерами раньше, чем прозвучит первый выстрел на поле боя. Только эта новая техника может обеспечить непрерывное обновление военной информации и своевременную ее обработку. Для Израиля, с его крохотной географической протяженностью, знание ежеминутной военной ситуации и намерений противника играет жизненно важную роль. Поэтому первоочередной задачей израильской армии является создание электронных средств разведки и выдвигание их как можно дальше в сторону армий противника. К этим средствам сбора информации нужно добавить мощные компьютеры, которые могли бы молниеносно обрабатывать всю массу получаемых сведений, потому что люди с этой задачей не справятся.

Поначалу генералы отнеслись к этим идеям недоверчиво. Они понимали, что новые времена требуют новых методов, но считали, что самая радикальная новинка — это атомная бомба. У Неемана и здесь были свои соображения. Он развернул перед генералами свою программу создания израильской атомной промышленности, которая в конечном итоге могла бы производить плутоний в количествах, достаточных для снаряжения одной небольшой — хиросимского калибра — атомной бомбы в год. Но он не переставал настаивать на компьютеризации и "электронификации"

израильской разведки. Эта его программа требовала затрат в миллиарды долларов, но Нееман был уверен, что затраты окупятся с лихвой. Ведь речь шла о самом существовании Израиля. И в конце концов он убедил всех.

Получив "добро", Нееман привлек в разведку талантливых молодых физиков, электронщиков, компьютерщиков; вместе с ними он разработал совершенно новые, уникальные приборы, специально предназначенные для разведывательных целей. Его компактные электронные станции подслушивания были едва ли не лучшими в мире; созданная им система обнаружения атомных подводных лодок была уникальной и немедленно завоевала признание НАТО. Станции Неемана подобрались вплотную к передовым линиям арабских армий в Синае и у подножия Голан; компьютеры Неемана обрабатывали полученные данные; по специальным программам Неемана шел допрос всех попавших в плен египтян и сирийцев, и данные этих допросов тоже поступали в компьютеры; даже западные разведывательные спутники работали на компьютеры Неемана.

Это была кропотливая работа, несколько не похожая на блестящие операции Харэля и его Мосада, и не имевшая таких эффектных результатов. Это была "тихая революция", но именно она позволила израильской военной разведке вскоре превзойти по технологической оснащенности британскую и французскую и сравняться с американской. "Момент насыщения" наступил за несколько лет до Шестидневной войны. Израильская разведка словно "прозрела" и, как гоголевский герой, стала видеть "далеко-далеко". Перед ней стала вырисовываться общая картина всего, что происходило в арабских армиях — от штабов до самых малых подразделений. Можно с уверенностью сказать, что без неемановской революции молниеносная победа израильских ВВС в Шестидневной войне была бы невозможна.

Голда Меир вспоминает в своей автобиографии — и ей нельзя не поверить, — какое мрачное чувство обреченности застигло весь израильский горизонт накануне этой войны. Она говорит об ощущении надвигающейся "второй Катастрофы", о жутком страхе перед сокрушительной мощью арабской авиации. Было понятно, что исход войны и само существование Израиля зависят от того, удастся ли заблаговременно нейтрализовать арабские воздушные армады.

Такой превентивный удар требовал абсолютно точного расчета.

Следовало заранее знать не только расположение всех военно-воздушных баз противника, но и всех самолетов на этих базах; и не только расположение самолетов, но и распорядок дня личного персонала — потому что нужно было выбрать такое время, когда самолеты уже выведены из ангаров, но еще не заправлены горючим; когда техники уже возьмется с двигателем, но летчики еще прогуливаются после завтрака, обсуждая предстоящий день; короче, нужно было знать обстановку на египетских и сирийских аэродромах так детально, как может их знать только человек, долгие месяцы на них работавший.

У Амана не было таких агентов, да и невозможно было бы заслать их на все аэродромы. Зато у Амана были накопленные в компьютерах тысячи тысяч деталей, собранных во время допросов, в ходе электронного подслушивания линий противника, с помощью аэрофотосъемки и прочих, и прочих методов. Обработанные с помощью хитроумных программ, эти ничтожные и несущественные, казалось бы, обрывки разговоров, клочки сведений и крупицы информации сложились в полную, четкую и ясную картину, дали точнейшую схему всей арабской аэродромной жизни и указали единственно подходящие час и минуту самого эффективного бомбового удара: 7 часов 30 минут утра, ни получасом раньше (самолеты еще будут в ангарах), ни получасом позже (они уже будут в воздухе). 5 июня 1967 года в 7 часов 30 минут утра израильская авиация нанесла свой удар, уничтожив за пять минут свыше четырехсот самолетов противника. Шестидневная война была выиграна.

Говорят, что когда командующий израильскими ВВС генерал Мордехай Ход узнал о результатах этого удара, он сказал: “Это превосходит самые безумные мои надежды!” На что один из присутствовавших тут же сотрудников Амана заметил: “Вы, наверно, спали во время наших инструктажей. Иначе вам нечему было бы удивляться...”

В 1959 году шефом Амана стал Хаим Герцог, а когда три года спустя он ушел по собственному желанию, на его место, по рекомендации Даяна, был назначен генерал Меир Амит. Это был “генерал из солдат”, так и не забывший своих солдатских привычек — уже будучи в генеральском чине, он пошел на парашютные курсы и прыгал вместе с молодыми десантниками. Это ему дорого обошлось: во время одного из прыжков его парашют раскрылся только частично. Так кончилась его строевая карьера.

Харэль сопротивлялся назначению. Он чувал в Амите конкурента. Но генеральный штаб настоял на своем кандидате.

Амит действительно принес в Аман новые идеи, поддерживаемые почти всем молодым генералитетом. Израильская разведка, говорил он, должна сосредоточить свои усилия на "странах конфронтации", чтобы подготовить страну на случай войны. Поэтому то, что делает Неeman, — это хорошо, а вот то, что делает Харэль — не очень. Конечно, его "особые операции" блестящи, но лучше бы он не гонялся по всему свету за бывшими нацистами и похищенными детьми, а направил усилия своих агентов на сбор информации об арабских армиях.

Атаковать Харэля означало атаковать живую легенду израильской разведки и посягать на авторитарную власть шефа Мосада. Многие считали, что Амиту не сносить головы. Но времена были уже не те. И Бен-Гурион уже не так стоял за "своего" Исера. Раньше, когда ему жаловались на Харэля, он отвечал, что Исер делает свое дело, и не беда, если при этом полетит несколько щепок. Теперь Амит заявлял, что если Исер и делает свое дело, то он делает его не очень хорошо. И щепки летят лишние. Его методы устарели. Он живет от операции к операции — этаким супершпион, гастролирующий на всемирной сцене вместо того, чтобы быть эффективным руководителем современной секретной службы.

В критике Амита было много справедливого. И это вскоре подтвердилось. 6 июля 1961 года Израиль запустил свою первую ракету "Шавит". Официально она называлась "метеорологической", но мало кто сомневался в ее военном назначении. И вот, почти ровно год спустя, 21 июля 1962 года, египтяне запустили сразу четыре своих ракеты — две "Аль-Зафир" с дальностью 250 километров и две "Аль-Кахир" с дальностью 450 километров! И выяснилось, что Мосад ничего не знал о египетской ракетной программе. "На что мы тратим средства, отпущенные на разведку, — язвительно вопрошал Амит, — если нам приходится узнавать о событиях из выступлений Насера по радио. Дешевле было бы купить Харэлю транзистор..."

Взбешенный и уязвленный Харэль обещал Бен-Гуриону выяснить все подробности египетских работ не позднее, чем через три месяца. Он представил свой доклад меньше чем через месяц. В сущности, как оказалось, многие данные давно уже были в его папках — он "просто" не придавал им особого значения.

Теперь же перед ним вырисовалась картина, которая привела его в ужас. Мало того, что на египтян работали многие немецкие ученые, законтрактовавшиеся из ФРГ; мало того, что египтяне планировали (как это следовало из обнаружившегося в папках донесения о заказе руководителя программы профессора Пильца) создать целый арсенал боевых ракет; но в числе специалистов, работавших в Каире, были эксперты по расщепляющимся материалам, химическим отравляющим веществам и бактериологическому оружию. Мысленным взором Харэль уже видел сотни египетских ракет, обрушивающихся на Израиль свои атомные, химические, бактериологические боеголовки!

Напротив, Меир Амит был склонен, скорее, преуменьшать значение того, что делали египтяне. Имея отличный исследовательский отдел, унаследованный от Харкави и Герцога, он был способен отличить факты от фантазий. Египтяне, докладывая ему, еще весьма и весьма далеки от того, чтобы всерьез угрожать Израилю. А разговоры Харэля о "боеголовках" он просто высмеивал — открыто и язвительно. Харэль пытался убедить Бен-Гуриона. Он хотел уговорить премьера, чтобы тот потребовал от канцлера Адэнауэра отозвать из Египта всех подданных ФРГ — в противном случае он-де рискует испортить отношения с Израилем. Это был дурной совет: Адэнауэр никого "отозвать" не мог, так что угроза могла привести только к порче отношений, ничего не дав взамен.

Две ветви израильской разведки столкнулись в оценке ситуации (как это случилось и позже, перед войной в Ливане) не просто потому, что их руководители по-разному эту ситуацию "прочли". Они еще вдобавок принадлежали к разным политическим лагерям. Амит солидаризовался с "молодыми львами" бен-гурионовского окружения, Пересом и Даяном, которые стремились к сближению Израиля с Европой, в первую очередь — с ФРГ и Францией, готовыми поддержать израильскую атомную программу; Харэль связал свои политические надежды с лагерем ветеранов Мапай, руководимых Голдой Меир, которая выступала за максимальное сближение с Соединенными Штатами и за программу конвенционального вооружения Израиля.

Харэлю нужны были доказательства, чтобы убедить — и победить — оппонентов. Неудивительно, что он буквально уцепился за сообщение симпатизировавшего Израилю австрийского ученого Йоклика, который именно в этот момент вошел в контакт с аген-

тами Мосада в Европе. Йоклик сообщил им, что Египет разрабатывает "атомную бомбу для бедняков" — из смеси стронция и кобальта; достаточно взорвать одну такую бомбу над Израилем, и атмосфера над страной будет отравлена на многие поколения. Харэль решил, что интуиция и на сей раз его не подвела — египтяне действительно готовят Израилю ядерный Армагеддон. Ну, что ж, если правительство ФРГ ни на что не способно, придется прибегнуть к другим методам. "Мы должны намекнуть этим господам, — сказал Харэль, имея в виду немецких ученых, — что поездка в Каир — все равно, что визит на линию фронта..."

Этими словами он начал инструктаж участников новой "особой" операции — "Дамоклов меч". Она была рассчитана на то, чтобы побудить немецких специалистов убраться из Египта и тем самым остановить всю египетскую ракетную программу. На первом этапе каждому из специалистов было направлено анонимное предостерегающее письмо. Когда это не помогло, Харэль перешел к "прямым методам" — разрешение на них он выбил у правительства вопреки возражениям Амита. В течение нескольких месяцев, с сентября 1962 по февраль 1963 года, в канцеляриях немецких фирм и кабинетах немецких ученых, работавших на Каир, взорвались несколько пакетов, присланных обычной почтой, но содержавших не совсем обычное послание. Были жертвы среди персонала фирм и самих ученых. А затем Йоклик вместе с агентом Харэля в Швейцарии Бен-Галем сделали попытку шантажировать дочь ведущего специалиста каирской программы профессора Герке. И тут операция Харэля потерпела провал. Дочь Герке обратилась в полицию, Йоклик и Бен-Галь были арестованы и предстали перед швейцарским судом. Запахло международным скандалом. Бен-Гурион потребовал от Харэля мобилизовать израильскую и западную печать для освобождения арестованных, а шум вокруг египетских ракет приглушить. Харэль, однако, поступил прямо противоположным образом. Теперь он был уверен, что правительство ФРГ вступило в сговор со швейцарцами и что вокруг евреев опять создается чуть ли не всемирный заговор. Собрав израильских журналистов, он представил им дело в такой сенсационной форме, что в печати началась подлинная истерика — некоторые газеты договорились даже до "лучей смерти", которые, якобы, разрабатываются в Египте. Меир Амит, спокойно наблюдавший за тем, как Харэль топит себя, отреагировал в своем обычном язвительном духе: "Я-то думал, что Еги-

пет всего-навсего хочет уничтожить Израиль, а он, оказывается, намерен завоевать весь мир..." Но дело становилось серьезным. Голда Меир, тоже склонная видеть мир в черно-белом свете, торжественно заявила с трибуны кнессета, что немецкий народ и немецкое правительство будут нести всю ответственность за производство Египтом "оружия для уничтожения Израиля". Это была последняя капля. 24 марта 1963 года Бен-Гурион вызвал к себе Харэля и заявил, что не доверяет его оценке ситуации и его оперативным методам. 25 марта Харэль позвонил в канцелярию премьера и попросил, чтобы кто-нибудь пришел взять у него ключи — он не намерен работать "без доверия", поэтому он покидает Мосад. Навсегда. В одиннадцать утра он очистил свой стол, упаковал немногие личные вещи и вышел из своего кабинета. Вместе с ним вышла за дверь целая эпоха.

Усмирять поднятую бурю довелось Амиту. Именно он, в конце концов, был назначен преемником Харэля на посту шефа Мосада; руководителем Амана стал Аарон Ярив. Как ни странно, "дело с ракетами" закончилось неожиданно благополучно и даже с прибылью для Израиля. Швейцарский суд отнесся к Йоклику и Бен-Галю необычно мягко, приняв во внимание, что они действовали в интересах защиты своего государства от возможной смертельной опасности; симпатии западной прессы тоже оказались на их стороне; большинство немецких специалистов, встревоженных начавшейся вокруг них шумихой, покинули Каир; и в конце концов выяснилось, что египетская программа была "обычной" ракетной программой, как и предполагал Амит.

Позже Харэль доказывал, что он ушел, чтобы спасти "репутацию Бен-Гуриона". В действительности он ушел из гордости. Он разучился терпеть соперников, работать с равными себе, выслушивать возражения, корректировать свою интуицию данными аналитиков, снисходить до чужих мнений. Он стал "сам себе Мосад".

Меир Амит быстро в этом убедился. Ему попросту оказалось не с кем работать. Для многих Харэль — это и был Мосад, и они ушли вместе с Харэлем. Другие не знали, что им делать без его "руководящих указаний". За эти годы Мосад превратился в организацию, нацеленную исключительно на "особые операции", возникавшие в уме Исера Харэля; в остальном он жил ото дня ко дню, без плана, без цели, без единой задачи. Конечно, Харэль

был выдающимся человеком, разведчиком высшего калибра, и он поднял Мосад на небывалую высоту, — но для людей “просто способных” это была высота почти безвоздушного пространства.

Времена “отцов народа” кончались не только в Израиле, но и во всем мире. Меир Амит, генерал-администратор, был выразителем новой эпохи. Первым делом он реорганизовал Мосад сверху донизу. Он ввел структуру отделов, и этим расширил диапазон разведки в целом (хотя и сузил кругозор каждого отдельного руководителя). Он создал специальное оперативное подразделение, и тем самым обеспечил выполнение “особых операций” (хотя они никогда уже не занимали потом такого места в работе израильской разведки, как при Харэле). Он восстановил деловое и постоянное сотрудничество Мосада с Аманом, обогатив военную разведку дополнительными, оперативными возможностями (хотя это во многом изменило фронт “работ” Мосада). Короче, — при Амите Мосад стал наконец тем, к чему он должен был прийти — государственной разведывательной службой — со всеми достоинствами и недостатками любой государственной службы. Меньше яркости, зато больше деловитости; не так много “звезд” — зато много талантливых исполнителей; мало эффектов и сенсаций — зато масса добротной, надежной, солидной информации. Что лучше — килограмм гвоздей или полпуда гаек?

Впрочем, было бы несправедливо по отношению к Амиту все время подчеркивать только его административные, организационные, так сказать — чиновничьи качества. Амит тоже был выдающимся мастером шпионской интриги — других, как могли бы сказать в Мосаде, “не держим”. Он вполне мог бы состязаться в этом с самим Харэлем, просто времена были другие, и свои задачи он понимал иначе. Но и на его счету оказалось немало блестящих разведывательных успехов, которым позавидовала бы не одна секретная служба мира.

С какого-то времени история Мосада начинает неразрывно переплетаться с историей палестинского терроризма. Постепенно борьба с террором и террористами становится одной из главных задач израильской разведки. Эта эпопея знала свои взлеты и падения. Мюнхенская трагедия была одной из ее кульминаций. Она возвращает нас к началу нашего рассказа.

Прежде, однако, чем последовать за его драматическими поворотами, сделаем историческое отступление. Расскажем о противнике. Расскажем о том, как возникла надуманная “палестинская проблема” и как возник реальный и кровавый палестинский террор. Эту главу нашего повествования было бы, наверно, лучше всего назвать “Ясер Арафат и другие”.

Миф и реальность густо перемешаны в истории ООП. Ее реальность и есть, в сущности, миф, постепенно укоренившийся в пустоте национального сознания. Все сомнительно здесь — даты, события, герои, вожди. Но вот уже многие годы вымышленное прошлое последовательно подменяет подлинную историю и формирует реальное будущее. И это, быть может, — самый бесспорный факт во всей легендарной истории “палестинского движения”.

Зыбкий туман окутывает уже

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

первые шаги ООП. В октябре 1985 года американская газета "Нью-Йорк таймс" упомянула о "40-летней борьбе ООП за освобождение родины". Откуда взялась эта дата? Сами активисты движения праздновали в том же году, в январе, его 20-летие. Но и над этой датой повисает жирный вопросительный знак. Официально ООП была учреждена не в январе 1965 года, а в мае 1964-го — на первой сессии Палестинского национального совета, состоявшейся в оккупированной тогда Иорданией восточной части Иерусалима. Председательствовал на сессии Ахмед Шукейри. Он же и возглавлял ООП, созданную решением Арабской лиги.

Где сегодня Шукейри? С 1969 года ООП возглавляет Арафат, а главную роль в ней играет его организация Фатх. Но дата возникновения Фатха тоже сомнительна. Одни его основатели называют 1962 год, другие — 1959-й. Достоверно известно лишь, что он возник в Кувейте (почему в Кувейте?) и что название его есть перевертыш от Хатаф, "Хаакарат Тахрир Фаластын" ("Движение за освобождение Палестины"). Хатаф по-арабски — "мгновенная смерть", тогда как перевертыш "Фатах" звучит куда более возвышенно: завоевание, покорение, победа.

Вернемся однако к ООП. Может быть, причина, почему ее 20-летие отмечалось в январе 1985 года, состоит в том, что за 20 лет до того, 1 января 1965-го, Фатх опубликовал свой первый "победоносный" бюллетень? В том бюллетене он извещал мир, что "бойцы первого подразделения третьей бригады" этой организации совершили накануне успешную диверсию против "сионистских гидротехнических сооружений", отводивших воду Иордана в пустыню Негев. Этот бюллетень был опубликован сначала в газетах Бейрута, а затем перепечатан всей арабской и частью западной прессы.

Но дело в том, что 1 января 1965 года никакие израильские гидротехнические сооружения подорваны не были. Как не были они подорваны и при повторной попытке диверсии, 2 января. Далее — известно, что в этих попытках (равно, как и в последующих, более удачных, 14 января и 28 февраля) участвовали не "бойцы Фатха", а нанятые сирийской контрразведкой контрабандисты из ливанских лагерей беженцев. И еще известно — из рассказов самих основателей Фатха, — что в то время вся организация насчитывала не более двух десятков человек, так что не могло быть речи не

только о "третьей бригаде", но, пожалуй, даже о "первом подразделении"*.

Покров реальности сползает с этих событий при первом же прикосновении, как истлевшая одежда с трупа. Остается вымысел, густо замешанный на политике. Именно этому вымыслу суждено было в последующем овладеть национальным сознанием палестинских арабов и стать их "героическим" прошлым. Они в этом не одиноки...

История ООП — это история того, как делается порой современная (впрочем — и любая) политическая история. Поэтому рассказ об ООП можно начать с любого места — например, с признания Арафата журналисту Томасу Кирнану: "Я был в Иерусалиме, когда сионисты провозгласили свое государство... Я сражался рядом с отцом и братьями, но сила и оружие сионистов превосходили наши... Сионисты убивали всех арабов без разбора и взрывали их дома целыми кварталами. Мы узнали, что наш дом тоже должен быть взорван, и бежали из города. Мы брели через пустыню... По пути мы побывали в Дир-Ясине, где сионисты учинили кровавое побоище. Наконец, мы прибыли в Газу, где у отца был клочок земли. Там я дал себе клятву посвятить жизнь отвоеванию родины".

У Арафата и его семьи никогда не было дома в Иерусалиме. Ни его отец, ни братья не были там в дни провозглашения еврейского государства. Сам Арафат находился в Иерусалиме лишь до февраля 1948 года, а в марте по весьма трагикомичной причине, о которой ниже, вернулся в Газу, где у его отца был не "клочок земли", а богатая торговая фирма. Не было героических боев, взорванных кварталов, скитаний в пустыне и посещения Дир-Ясина. Задолго до конца войны 1948—49 г.г. отец Арафата вывез всю семью в Каир, где у него был собственный дом и второе отделение фирмы.

Жорж Хабаш рассказывает о себе удивительно похоже: "У меня не было иной причины участвовать в политической борьбе, чем та, которая воодушевляет любого палестинца. Накануне 1948 года я был школьником в моем родном городе Лидда (Луд). Я своими глазами видел, как израильская армия вступила в город и начала

* Впрочем, эту деталь можно легко объяснить. Станислав Лем в своем эссе "Провокация" (см. журнал "22", №44) пронзительно отметил, что террористы почти всегда называют свои группы так, чтобы они представлялись частью некоего большого целого: "Первая линия", "Фракция Красной Армии", "Отряд 17" и т.п. "Первое подразделение третьей бригады" Фатха стоит в том же ряду.

уничтожать его жителей. Я не преувеличиваю: они убивали всех подряд и изгоняли нас из наших домов. По пути из Лидды в Рамаллу я видел умирающих детей, подростков и стариков. Что остается делать, повидав такое? Только стать революционером и бороться за свое дело. Свое и своего народа”.

Жорж Хабаш был сыном богатого оптового торговца из Луда. Он окончил школу в родном городе в 1947 году и в момент “вступления израильской армии” в Луд находился далеко от родных мест, в Бейруте, где учился в тамошнем Американском университете. Он оставался в Бейруте все последующие годы, вопреки его рассказам о “подпольной деятельности” в Иудее и Самарии, которую он якобы тогда организовал и возглавил.

Одинаковость лжи выдает общность скрытых мотивов. Мотивы эти — создать и упрочить в национальном сознании некий единый миф. То, что попутно оба “вождя” палестинской “революции” работают и на свою собственную легенду, пожалуй, даже не столь существенно. Существенней, что они строят в палестинском сознании новую картину минувших событий, удовлетворяющую национальной потребности в героической истории. Так в основу этой истории закладывается миф, освобождающий сознание от травмы унижения и бессилия.

Организацию Освобождения Палестины можно было бы назвать коллективным мифотворцем. Коллективный миф, который она создает, поддерживает и воспроизводит, — это миф о палестинской нации. За 20 истекших лет этот миф стал политической и, что еще важнее, психологической реальностью, как бы к ней ни относиться.

Голда Меир как-то обронила: “Нет такой нации — палестинцы. Палестинка — это я”.

Она была права по отношению к своему прошлому. В ее времена в Палестине жили евреи, которые вполне могли именовать себя “палестинцами”, настолько они отличались от всех прочих евреев, — и арабы, которые ничем не отличались от всех прочих арабов Ближнего Востока. Сегодня тоже продолжают говорить о становлении “израильской нации”. Но куда громче говорят о возникновении особой “арабской палестинской нации” — и сегодня Голда Меир была бы уже не права.

Палестинская история развивалась со сдвигом относительно общеарабской. “Собственно палестинский” арабский национализм (“панпалестинизм”) появился после краха панарабистских иллюзий и как следствие этого краха. Когда после Синайской кампании 1956 года над арабским миром взойшла звезда Насера, то была уже ущербная звезда, взлет которой был заранее чреват падением. Воинственная арабская риторика тех лет, как теперь очевидно, скрывала за собой медленное осознание того факта, что Израиль невозможно

стереть с карты Ближнего Востока военным путем. Кончалась эпоха межа-
арабских объединений-разъединений (которую историк Малькольм Керр
удачно назвал эпохой арабской холодной войны). Начиналась эпоха становле-
ния арабских "национальных государств" и их жестокой, беспощадно-цинич-
ной борьбы за "свои" интересы* Последний смертельный удар панарабизму,
как политической идеологии (а не национальным сантиментам) нанесла Шес-
тидневная война. Она открыла этап "каждый сам за себя в арабском мире",
в котором мы живем по сей день. И как следствие этого, она покончила с
иллюзиями, будто для арабских лидеров "палестинский вопрос" нечто боль-
шее, чем объект политической демагогии и орудие политической игры на ми-
ровой арене. Именно в этот момент, когда арабы выходили на мировую арену
как отдельная сила, палестинские арабы появились на арене региональной,
заявив претензии быть отдельной силой там. В начале 60-х гг. послышались,
а после Шестидневной войны все громче зазвучали лозунги "освобождения
Палестины палестинскими руками". На этой-то идее "самоосвобождения"
(которая была прелюдией к идее "самоопределения") и возшла звезда
Фатха и его лидера — Ясера Арафата.

Две детали своей биографии Арафат скрывает особенно тщательно:
но: место и время рождения и родственные отношения с бывшим
главным палестинским муфтием Хадж Амином аль-Хуссейни.

В арабском мире распространена легенда, будто Арафат родился
в 1930 году в Иерусалиме. Сам он любит с иронической гордостью
упоминать, что его дом находился в нескольких шагах от Стены
Плача. "Конечно, — добавляет он, — теперь его там нет: его взорвали
сионисты".

В семье Арафата существуют две версии его рождения: одна от-
носит это событие к 1929 году и к Каиру, другая говорит о 1930 го-
де и Газе. Ни ту, ни другую невозможно проверить: в 1966 году
Арафат и его ближайшие соратники получили доступ к египетским
официальным архивам и тщательно уничтожили все, что касалось
их биографий. Теперь все они без исключения утверждают, что
родились и выросли в Палестине.

Определенная связь с Иерусалимом у Арафата однако имеется.
Его мать, низенькая, полноватая женщина по имени Хамида, была

* Понятие "национального государства" применительно к однородному
арабскому миру может показаться натянутым; но сегодня даже такой авторитетный
проарабский журнал, как лондонский "Миддл Ист" уже говорит
о становлении особых "египетского", "сирийского" и т.п. "национальных
самосознаний"; и страны, дальше других прошедшие по пути выделения из
архаичного общерабского "лона" (Египет, Сирия, Тунис) — это одновремен-
но и страны с наиболее осознанно своекорыстной государственной полити-
кой — в том числе и по отношению к Израилю.

дочерью иерусалимского торговца Махмуда аль-Хуссейни, двоюродного брата иерусалимского муфтия. Род аль-Хуссейни возводит свою генеалогию к сыну Фатимы, дочери Магомета. Древность рода, восходящего к самому пророку — немаловажная честь в арабском мире.

Отец Арафата не удостоился такой чести — его род помнит лишь несколько предыдущих поколений, и все они связаны с Газой, где дед Арафата Рахман аль-Кудва владел торговой фирмой, которую оставил в наследство сыну Абдулу. К моменту женитьбы на Хамиде аль-Хуссейни Абдул уже имел два отделения фирмы — в Каире и в Яффо, где продавал религиозные изделия тамошним евреям, поддерживая с ними весьма тесные, если не приятельские отношения. Видимо, именно эти отношения стали причиной семейной беды: газанские сторонники муфтия посоветовали Абдулу "не иметь дела с сионистами"; когда он не внял предостережению, они сожгли его лавку в Яффо. Забрав семью, Абдул бежал в Каир, где вдобавок к магазину у него был собственный дом, и здесь, видимо, все-таки в 1929 году, и родился четвертый сын Хамиды и Абдула, которого нарекли Рахманом Рауфом Арафатом аль-Кудва аль-Хуссейни. Слово "Арафат" вошло в это длинное имя по названию священного холма вблизи Мекки, где, по преданию, Магомет преобразился в пророка.

Первые годы жизни Арафат провел в Каире, меж тем как его отец постоянно курсировал по торговым делам между Каиром, Газой и Иерусалимом и постепенно все ближе сходил с Хадж Амином. Поначалу это был чистый расчет: сближение с муфтием позволяло Абдулу восстановить свое положение в Газе. Но в 1933 году, во время одной из поездок в Иерусалим, Абдул сам оказался участником столкновения с евреями и вернулся в Каир, пылая ненавистью к "сионистам и британцам". С тех пор антисионизм пустил глубокие корни в доме аль-Кудва.

После арабских погромов 1929 года приток евреев в Палестину стал возрастать. Они создали здесь процветающие поселения. Быстро возникло общество европейского образца. Арабский средний и высший класс немало наживался на торговле с "сионистами" и продаже им земель. Богатеющие арабские семьи посылали своих детей учиться в Европу, откуда те возвращались с идеями национализма. Пропаганда националистов находила отклик среди бедных слоев палестинских арабов, которые завидовали евреям и которых нетрудно было убедить, что "сионистское вторжение" угрожает их благополучию. Муфтий, возглавивший фанатичных националистов, сумел запугать умеренных арабских лидеров, и в 1936 году создал Высший араб-

ский комитет для координации всех действий против евреев. Комитет призвал к всеобщей забастовке. Навербованные им отряды мелких лавочников, безработных и феллахов (науськанных лендлордами) обрушились на еврейские поселения. Британские власти распорядились арестовать Хадж Амина. Муфтий бежал из Палестины в Ирак, откуда, после неудачной попытки пронацистского путча, перебрался в гитлеровский Берлин; оставленные им сторонники продолжали борьбу с евреями и англичанами еще почти 2 года. Таков был фон, на котором протекало детство Арафата.

Рахман аль-Кудва рос замкнутым, вялым и странным ребенком. Главным его увлечением была религия, кумиром — дядя матери Юсуф, который рассказывал ему о славном роде аль-Хуссейни, происходящем от самого пророка. Желая привлечь Рахмана на свою сторону, Юсуф исподволь убеждал его, что род аль-Кудва нажился на грабежах, а сам Абдул — тайный агент евреев и сионистов.

Если Абдул и был чьим-то тайным агентом, то уж, конечно, не евреев. В Каире он сблизился с учителем Хасанном Банной и его организацией "Мусульманские братья" ("Ихван"), увлекся идеями Ихвана и стал сколачивать ихванскую ячейку в своей Газе. До поры до времени он не обращал внимания на отчуждение младшего сына. Затем произошел открытый разрыв: Рахман, потрясенный "разоблачениями" Юсуфа, обвинил отца в сотрудничестве с "сионистами". Абдул избил сына и созвал семейный совет; затем он обратился за помощью к знакомым из Ихвана.

На следующий день Юсуфа нашли повешенным на дверях его собственного дома. Он был задушен на ихванский манер — тонким шнурком, затянутым вокруг шеи. Полиция начала расследование. Следы привели в дом Абдула. Зная о связях его с Ихваном, полицейский предложил замять дело, если Абдул согласится быть осведомителем. В ту же ночь, по совету Банной, Абдул с семьей бежали в Газу. Наутро незадачливый полицейский был найден повешенным на дверях дома. Вокруг его шеи тоже был затянут тонкий шнурок.

В Газе новым воспитателем Рахмана стал молодой учитель Маджид Халаби. Уроженец Тира, Халаби получил образование в Париже, где стал яростным арабским националистом. Поселившись в Хайфе, он создал там антиеврейскую террористическую группу, а после ее разгрома вступил в отряд некоего Ясера аль-Бира, который именовал себя и своих людей "федаинами". Слово "федаин" по-арабски означает человека, готового пожертвовать собой для убийства врага, и ведет начало от исмаилитской секты наемных убийц XII века (известных в Европе под названием "ассасины"). 45-летний аль-Бира назначил Халаби своим "политическим советником". В отряде практиковался распространенный в арабском мире гомосексуализм, и Халаби, чтобы доказать свою верность, стал любовником командира. Мистически настроенный "политрук" полагал, что мужество и бесстрашие главаря передаются ему в сексуальном общении.

В декабре 1939 года отряд аль-Бира был выслежен и уничтожен. Халаби уцелел. Он бежал в Иерусалим, где вошел в контакт с племянником муфтия Абделькабиром, которого муфтий накануне бегства в Берлин назначил "командиром всех арабских отрядов Палестины". Абделькабир решил, что Халаби следует на время скрыться. Местом для этого была избрана Газа, куда

англичане редко заглядывали, а формой маскировки — преподавание в школе.

Именно Халаби дал Арафату новое имя: по сходству с погибшим аль-Бира он прозвал его Ясером; прозвище пристало, позднее Арафат и сам стал так называть себя. Еще более липким оказалось воспитание: Халаби рассказывал ученикам о "подвигах" аль-Бира и Абделькабира и их феодалов. Исполнительно он внушал им антисионистскую идеологию муфтия. Сложность, однако, состояла в том, что в домах учеников, включая Арафата, утвердилась религиозно-фундаменталистская идеология Ихвана. Дело дошло до "серьезного разговора" между Абдулом и Халаби. Неизвестно, чем угрожал Абдул, но своего он добился: Халаби перешел на сторону Ихвана.

Вообще говоря, приверженность той или иной идеологии в арабском мире играет не столь уж существенную роль. Куда важнее — преданность клану и "вождю". В те годы — как, впрочем, и сейчас — в этом, во многом полупфеодалном мире каждая "партия" или "идеология" представляли собой, как правило, не столько привычные европейскому взгляду добровольные объединения единомышленников, сколько военизированные, подпольные или легальные, милиции, объединенные верностью тому или иному лидеру. Люди муфтия непримиримо враждовали с людьми умеренного клана Нашишиби; и те, и другие вместе считали своими врагами "людей Ихвана" и так далее. Поэтому сменив лояльность, Халаби, по арабским понятиям, совершил измену — он предал Абделькабира. Чтобы уйти от мести, Халаби скрылся в "подполье" — бросил школу, поселился в заброшенном доме и стал готовить группу молодых "Мусульманских братьев" из своих учеников. Их осталось с ним человек 6—7, ушедших из родительских домов и поселившихся с учителем. Подобно аль-Бира, Халаби мнил себя непризнанным "вождем". Подобно своему кумиру, он завел в крохотном отряде манеру крепить "братские узы" гомосексуальными связями. "Так продолжалось около года, — вспоминает один из членов отряда Набулси. — Ничего, кроме ежедневных встреч в доме Халаби, которые кончались курением гашиша и ласканием друг друга. Это и была его организация "феодалов"..."

А затем Халаби сделал величайшую глупость своей жизни. Он согласился на приглашение Абделькабира прибыть в Иерусалим со своим "отрядом" — для выяснения отношений. Когда газанцы появились в штаб-квартире Абделькабира в одно мартовское утро 1944 года, "вождь" предложил Халаби встретиться с глазу на глаз. Уходя, Халаби помахал рукой своим ученикам. Больше они его не видели.

Убийство газанского "изменника" было для отца Арафата последним предостережением, и Абдул ему внял. Он распустил свою ихванскую ячейку и перешел на сторону Абделькабира. В знак признания "вождю" во время одного из своих тайных визитов в Газу заглянул в дом Абдула. Он вызвал к себе Арафата и со скорбным лицом объявил ему, что Халаби пал смертью героя в борьбе с "сионистами". "Ты должен продолжить его дело", — сказал Абделькабир.

Соученики вспоминают, что с тех пор Ясер переменился. Угро-

мость и скованность уступили место возбуждению и самоуверенности. Он буквально навязывал себя в лидеры и вскоре стал вожаком молодежной подпольной группы "имени мученика арабской революции Абу-Халида" (так именовал себя Халаби перед учениками). Как вспоминает Хафез Айби, "Арафат держал всех в повиновении своими речами. Когда же риторика не помогала, он прибегал к силе: у него было 6—8 приближенных, которые избивали непослушных или сомневающихся".

Шел 1947 год. Англичане, отчаявшиеся решить проблему Палестины, передали ее в ООН. Эта организация предложила план раздела страны. Арабы отвергли его, и Абделькабир создал всепалестинскую организацию для борьбы с евреями — "Футувва". В мае 1947 года она напала на еврейский конвой в Хевроне. В ответ Хагана и Эцель открыли боевые действия против арабских террористов. Абделькабир стал собирать силы. Среди других был призван под ружье и отряд Арафата. В ноябре 1947 года отряд прибыл в штаб-квартиру Абделькабира, находившуюся тогда по дороге в Йерихо. Первые дни они разносили по цепочке приказы "вождя". 12 декабря, когда Абделькабир был ранен в стычке с Хаганой, Арафат и его "бойцы" потребовали направить их в бой — "отомстить за командира". Их вооружили и дали приказ взорвать еврейский магазин вблизи Яффских ворот. В этой акции с Арафатом произошел конфуз. Вытаскивая в возбуждении из заднего кармана револьвер, он спустил предохранитель и прострелил себе ягодицу.

Его перевязали и доставили к Абделькабиру. Тот долго хохотал, но затем принял серьезный вид и приказал Арафату отныне на боевые операции не ходить, а обслуживать штаб в качестве помощника повара. Но эти новые обязанности Арафат выполнял недолго. По воспоминаниям Салаха Халда, "он стал вести себя странно. Когда поступали вести об операциях Футуввы в Газе, он начал приписывать их отряду, который организовал там в память о Халаби".

Похвальба Арафата так утомила соратников Абделькабира, что один из них, издеваясь над хвастуном, рассказал, что Халаби погиб вовсе не смертью мученика, а был убит по приказу Абделькабира как "изменник". Для Арафата это было потрясением. Он бросился к Абделькабиру. Тот, занятый более важными делами, небрежно подтвердил историю. Арафат метнулся на него с кулаками. Он был тут же избит до полусмерти и вышвырнут из штаба с приказанием отправиться в Газу.

В Газе Арафат вначале вступил в организацию муфтия, но вскоре рассорился там с инструкторами, которые были недовольны его неумением обращаться с оружием (Арафат оказался более способным обращаться со взрывчаткой). Уйдя от муфтия, Арафат стал сколачивать собственную группу. Отец поручил ему выслеживать и устрашать "умеренных". Во время одной из таких "операций устрашения" Арафат убил первого в своей жизни человека — члена своего же отряда, которого заподозрил в измене. Другой член отряда вспоминает: "Арафат подошел к Хамиду, который упорно твердил, что он не виновен, и выстрелил ему в голову. Потом повернулся к нам со странной улыбкой и сказал что-то вроде: "Так будет с каждым, кто предаст священные заветы Ихвана"...". Позднее выяснилось, что о готовящейся "операции" донес не Хамид, а кто-то иной.

Убийство Хамида навлекло на Арафата ненависть семьи убитого. В дело вмешался муфтий, перебравшийся к тому времени в Каир. Арафат воспринял вмешательство весьма критично. Когда муфтий начал собирать в Палестине все свои силы, Арафат отказался подчинить ему свой отряд. Это привело к бурному столкновению с отцом. В результате решено было отправить Арафата в Каир, в университет, подальше от Газы. Уже по пути в Каир Арафата настигло известие, что люди муфтия убили иорданского короля Абдулу на пороге мечети аль-Акса. В арабском мире это было воспринято как кощунство. Газеты Ихвана вышли под заголовками: "Пора убрать всех аль-Хуссейни!" Для Арафата это было последней каплей, побудившей его порвать все связи с муфтием, даже по имени.

В университет он записался как Ясер Мухамед Арафат.

Он поступил на инженерный факультет. В то время инженеров наперебой приглашали в богатые нефтью арабские страны. Это была выгодная профессия. Но с первых же шагов он оказался втянутым в политику.

Это было время политического брожения в Египте. В борьбе за независимость все более активными становились Ихван и Вафд, а также социалистические и коммунистические группы. Ихван развернул агитацию среди палестинских студентов. Его листовки говорили, что освобождение Египта — первый шаг на пути к освобождению Палестины. Арафат поддался этой агитации. Вскоре он так увлекся египетскими делами, что почти забыл о палестинских. Некоторые его знакомые утверждают, что он даже хотел получить египетское гражданство. По другому свидетельству, одной из причин тому было увлечение Арафата девушкой по имени Джанин аль-Ораби — простенькой, толстой, даже жирноватой девицей, которая почему-то пришлась ему по вкусу. По словам Риادا, девушка отвечала Арафату взаимностью, но отец заявил, что не отдаст дочь в Газу и потребовал, чтобы Ясер стал египтянином.

История, которую рассказывает сама Джанин, заслуживает большего внимания. "Арафат ухаживал за мной почти полгода, но ни разу за это время не пытался меня обнять. Он все время говорил о политике. Потом произошел ужасный случай. У нас были соседи-евреи, которые собирались в Израиль, и их дочери были моими подругами. Однажды я рассказала о них Арафату. Он сразу напрягся и стал задавать мне вопросы. Два дня спустя отца этих девушек убили. Когда мы снова встретились с Ясером, я рассказала ему об этом и стала жалеть своих подруг. Он пришел в ярость, ударил меня и крикнул,

чтобы я не смела оплакивать евреев. Когда я стала возражать, он набросился на меня, стал избивать, потом сорвал платье, повалил меня на пол и пытался мной овладеть. Но он не сумел этого сделать, потому что у него никак не увеличивался член. Тогда он принялся заставляя меня делать всякие отвратительные вещи, чтобы ему помочь, совал мне член в рот и всякое такое. Когда и это не помогло, он вскочил, крикнул, что это он сообщил Ихвану про еврея, собирающегося в Израиль, и убежал. После этого я встретила Арафата только один раз, случайно. Он даже не посмотрел в мою сторону...”

В январе 1952 года Арафат принял участие в начавшихся в Каире студенческих волнениях. Во главе одной из групп он пытался проникнуть во дворец короля Фарука. Хотя эта попытка провалилась, позже в речах Арафата она приобрела характер почти осуществленной. Арафат стал героем среди палестинских студентов. Летом произошел переворот молодых офицеров. Арафат горячо поддерживал новых лидеров, рассчитывая на их скорый союз с Ихваном. В декабре, воодушевленный событиями, он потребовал переизбрания руководства Федерации палестинских студентов и сам стал во главе ее. Он быстро насадил в руководящие органы своих друзей из Газы. Он ощутил вкус власти, стал еще более нетерпимым и беспощадным. Валид Джирийс рассказывает, что среди членов Федерации оказался юноша, чьи родители, по случайностям войны, остались в Израиле. Когда Арафат узнал об этом, он приказал своему приближенному, извращенному садисту по кличке “Резник”, кастрировать юношу в присутствии других студентов. На следующий день юноша повесился.

Жестокость и высокомерие Арафата вызвали недовольство — на выборах правления Федерации в 1953 году его провалили. Тогда он развернул бешеную деятельность по расколу Федерации и созданию собственной группы — Союза палестинских студентов. В этом его поддержали не только люди Ихвана, но и новые друзья — студенты из Алжира, члены алжирского Национально-освободительного фронта, с которыми Арафат тогда сошелся. От них он усвоил националистическую идеологию. В его речах, — а он оказался искусным, хотя и на арабский лад, оратором, — все чаще стали слышаться слова “национальная борьба”, “освобождение родины”. Это привлекало к нему студентов. Популярность Арафата снова стала возрастать. Но тут в Египте произошли новые драматические события. Был отстранен от власти генерал Нагиб и единоличным диктатором стал Насер. Новый правитель, лелеявший амбициозные планы, стал создавать под Газой регулярные отряды федаинов для борьбы с еврейским государством. В октябре 1955 года, узнав, что в одном из федаинских рейдов убит его брат Бадир, Арафат записался на курсы федаинов и был направлен в лагерь аль-Мансур в дельте Нила. Здесь в его судьбе произошел важный поворот.

Начальник лагеря быстро выделил Арафата из общей массы новичков. Мало того, что тот искусно обращался со взрывчаткой, — он был уже признанным вожаком палестинских студентов, пылким сторонником Насера и столь же пылким оратором. О многообещающем газанце было доложено по начальству, и вскоре после возвращения в Каир Арафата пригласил сотрудник египетской контрразведки Мохар Таккедин. Он предложил Арафату помощь в сколачивании нового объединения, которое охватило бы всех

палестинских студентов в Каире и служило бы средой для вербовки будущих фedaинов. Арафат немедленно согласился.

Он сделал правильный — для себя — выбор. В последующей борьбе с Федерацией он оказался вне конкуренции: его финансовые источники были неисчерпаемы, его соперников устраняли люди Таккедина. В марте 1956 года он стал главой нового Всеобщего союза палестинских студентов.

В июле того же года Насер национализировал Суэцкий канал. Великобритания и Франция ответили войной, в которой принял участие и Израиль. В октябре израильские войска прошли весь Синай, гоня перед собой деморализованную египетскую армию, и вышли к каналу. И хотя им вскоре пришлось отойти, и Насер объявил о своей "моральной победе", арабские лидеры поняли, что отвоевать Палестину им будет нелегко. Первым следствием новой ситуации оказалось уменьшение помощи палестинским фedaинам.

Арафат в дни войны был направлен в Суэц — "защищать" его от сионистов. Единственным его "подвигом" был подрыв египетских складов, когда казалось, что захват города неминуем. Этот подвиг стоил Египту нескольких миллионов долларов, потому что израильтяне в Суэц не вошли.

В Каир Арафат вернулся разочарованный и потрясенный. Он так и не дождался "сионистского врага" лицом к лицу. Сразу же по возвращении он был демобилизован — Таккедин имел для него новое поручение. Во главе делегации палестинцев Арафату предстояло направиться на всемирный студенческий конгресс в Праге.

Для придания Арафату большего веса плакаты с его портретом вскоре появились на стенах университета и в палестинских кварталах. На них Арафат был изображен обнимающимся с Насером (который тогда еще и не слышал имени Арафата). Текст гласил, что Арафат героически проявил себя в Суэце. Один из плакатов попался на глаза друзьям Арафата по фedaинскому лагерю, аль-Вазиру и Халафу, и те бросились его разыскивать. Они рассказали Арафату, как бежали из Газы вместе с египетской армией, как обманул их надежды Насер. Именно во время этой встречи, вспоминал Вазир, впервые родилось название для прежнего поколения палестинских и вообще арабских лидеров — "поколение катастрофы". И второе название, для молодых арафатовских сверстников — "поколение возмездия". Именно тогда были высказаны мысли, которые спустя несколько лет привели к возникновению Фатха.

Прямым результатом встречи было то, что Арафат попросил Таккедина сделать для Вазира и Халафа фальшивые студенческие документы и включить их в делегацию. Таккедин согласился, потому что имел на Арафата серьезные виды. Свои планы он открыл

ему перед самым отлетом. Он признался, что давно принадлежит к "Мусульманским братьям", недоволен секулярно-социалистическим курсом Насера и разделяет гнев и возмущение Синайским поражением. Ихван готовится к свержению Насера и для этого установил связи с иностранной разведкой. Задача Арафата — встретиться в Праге с представителями этой разведки, которые передадут ему дальнейшие распоряжения.

Арафат напрасно ждал обещанных агентов. Они не вышли на связь. Планы, о которых рассказывал Таккедин, рухнули. На митинге в Каире люди Ихвана совершили покушение на Насера, и тот обрушил на Ихван жестокие репрессии. "Мусульманские братья" были объявлены вне закона. По всему Египту шли аресты, и представителям египетского посольства в Праге было дано указание задержать Арафата и его друзей. Обманув преследователей, Арафат, Халаф и Вазир покинули Прагу. Меняя поезда, они пробрались в Штутгарт, где у Халафа были друзья среди тамошних палестинских студентов.

В Штутгарте они пробыли всего три месяца. Здешние палестинцы были настроены, в основном, панарабистски и социалистически, призывы Арафата их не увлекли. Выручило объявление в газете. В Кувейте требовались инженеры-строители. У Арафата был диплом, наскоро изготовленный в отделе Таккедина перед отлетом в Прагу. Он представил его в кувейтское консульство и вскоре оказался в самолете, который следовал рейсом на Персидский залив.

Кувейт в те годы переживал строительную лихорадку. Арафат получил назначение в министерство общественных работ, где в его обязанности входило проверять проекты, предложенные заграничными компаниями, и решать, кому из них предоставлять лицензии. Он быстро сообразил, как можно на этом заработать. На свои небольшие средства он арендовал небольшой грузовик, написал на его бортах "Строительная компания свободной Палестины, владелец Я. Арафат" и от имени министерства сам себе выдал лицензию на все работы по строительству водопровода для домов палестинских рабочих на берегу залива. Деньги, выделенные под лицензию, он использовал для найма рабочих. Прежде всего были наняты Вазир и Халаф, все еще находившиеся в Штутгарте. Затем в компании появился молодой палестинец из Назарета Фарук Кадуми, бывший участник организованных сирийцами антиизраильских диверсий. В начале 1959 года к маленькой группе присоединился бывший руководитель штутгартских палестинцев аль-Хассан, и еще несколь-

ко беженцев, живших в Кувейте. Вазир и Халаф были вызваны из Штутгарта. Они привезли с собой новые идеи. Палестина, утверждали они, должна быть освобождена революционными методами партизанской борьбы, подобной той, которую ведут революционеры в Алжире, Китае и Вьетнаме. Штутгартцы успели установить тесные связи с алжирским Фронтом национального освобождения, который обещал палестинцам свою поддержку. После недолгих возражений Арафат присоединился к рассуждениям штутгартцев. Группа — в ней состояло тогда около 20 человек — решила создать боевую организацию наподобие алжирской. Долго спорили о названии, наконец остановились на "Движении за освобождение Палестины". Получившийся акроним "Хатаф" перевернули в "Фатах", Фатх. Название понравилось. Оно было принято. На первом же заседании — оно состоялось в середине лета 1959 года — решили отправить Халафа и Хассана обратно в Германию — налаживать связи со студентами и алжирцами.

Новорожденный Фатх мало чем отличался от десятков других молодежных групп, в то время возникавших и исчезающих в палестинской диаспоре. Он тоже был бы обречен на исчезновение, если бы не те новые идеи, которые провозгласил с первых же шагов. Идеи эти состояли в том, что до сих пор палестинцы слишком полагались на помощь арабских лидеров. Пришло время осознать, что освободить родину могут лишь сами палестинцы и прежде всего — палестинская молодежь.

В те годы термины "национальное освобождение" и "национальное самоопределение" были на устах у всех. Они пришлись по вкусу и палестинской молодежи, которая не имела никакой своей идеологии. Особенно увлеклись ими палестинские студенты в Европе, уже знакомые с риторикой других национальных движений. Халаф и Хассан успешно вербовали все новых и новых членов в европейские ячейки Фатха.

С самого начала политического пути несколько особенностей отличали Арафата. Первой из них было искусное использование лжи, обмана и демагогии. Урок этот был преподан ему в детстве — дядей Юсуфом, отцом, учителем, Абделькабиром и другими. Кое-кто, столкнувшись с ложью в детстве, становится нетерпимым к ней на всю жизнь. Другие смиряются с ней, как с житейской неизбежностью. Третьи осознают, что она является одним из лучших орудий манипулирования людьми и массами. Арафат принадлежал к этим последним.

Второй урок преподала ему история Насера: идея, овладевшая массами, действительно становится материальной — во всяком случае, в политике —

силой. Победа Насера над всеми его соперниками убедила Арафата, как и многих других в арабском мире, что национализм более подходит в качестве такой "идеи" арабским массам, чем религиозная или социалистическая идеология. Не случайно во все последующие годы Арафат отказывался от всякой четкой идеологии, ни разу не соблазнившись — в отличие от других палестинских лидеров — ни религиозным, ни марксистским путем. Он сделал ставку на палестинский национализм и преуспел больше, чем все остальные. В тот момент, когда он сделал эту ставку, он сделал второй важный шаг своей политической карьеры.

До третьего ему оставалось еще несколько лет.

Арафат любит приписывать выработку "новой палестинской идеологии" себе. В действительности поначалу это было делом Халафа и Хассана. Арафат в те времена был прежде всего добытчиком денег для организации. "В этом, — вспоминает Омар аль-Хатаб, — он оказался истинным гением. Вскоре всем компаниям в Кувейте стало известно, что для того, чтобы получить лицензию на строительство, нужно отчислить определенный процент в пользу Фатха. Кроме того, Арафат привлек в организацию новых, очень полезных членов, среди которых были сотрудники кувейтского министерства финансов и родственники самого эмира. В этот первый год Арафат собрал около 20 тысяч фунтов, а эмир согласился выделить ему деньги для издания собственной газеты".

Эта газета под названием "Наша Палестина" начала выходить в конце 1959 года, и Арафат был ее главным автором и составителем. Он публиковал в ней "рассказы очевидцев" о "зверствах" израильтян и передовицы, пропагандировавшие идею палестинского самоопределения. Первоначально газета предназначалась только для палестинцев, живших в Кувейте, но успех ее оказался столь велик, что вскоре Арафат начал распространять ее во всех лагерях палестинских беженцев на Ближнем Востоке. Так на палестинской политической сцене появилось новое имя.

Когда Арафат говорил, что палестинцы "должны сами освободить себя", он, конечно, понимал, что силы палестинцев для этого недостаточны. В действительности он имел в виду, что действия палестинцев должны подтолкнуть арабские страны от слов перейти к делу. Повод для этого возник в конце 1963 года, когда в арабскую печать проникли слухи об израильском плане отвода вод Иордана в пустыню Негев. Арабы заявили протест, и Израиль передал проблему в ООН, комиссия которой, после расследования на месте, пришла к выводу, что израильский проект не ущемляет арабские права. Тем не менее арабские лидеры объявили проект "сионистской агрессией" и заявили о своей решимости принять против него "крайние меры". Одной из таких мер, по предложению Насера, был созыв в январе 1964 года всеарабского совещания в верхах для выработки общей антиизраильской стратегии.

Выработка общей арабской стратегии всегда была крайне сложным делом. В особенности, когда речь шла о Палестине. На январской встрече очень быстро выяснилось, что единственным общим для всех участников является нежелание идти на войну из-за вод Иордана. Однако необходимо было сделать какой-нибудь демонстративный шаг. Тогда решено было под-

твердить каким-либо актом всеарабскую приверженность палестинскому делу.

Ирак уже давно предлагал для этого провозгласить "палестинское государство" в Иудее и Самарии. Но Иордания, аннексировавшая эти земли в 1948 году, естественно была против и взамен предложила создать палестинские объединения во всех арабских странах. Арабские страны однако и без того относились настороженно к радикально настроенным палестинцам. Поэтому все с облегчением встретили компромиссное предложение Насера создать единую организацию, которая "представляла" бы всех палестинцев. Насер руководствовался стремлением избежать ситуации, когда безответственные группы, вроде Фатха, могли бы втянуть арабов в опасную войну против Израиля. Поэтому он дополнил свое предложение требованием, чтобы штаб-квартира новой организации находилась в Египте и контролировалась Лигой арабских стран. Главой ООП Насер предложил назначить Ахмеда Шукейри, бывшего саудовского представителя в ООН. 22 мая 1964 года в восточном Иерусалиме было провозглашено создание ООП.

Арафат в своей газете обрушился на каирское решение, назвав его "изменной палестинскому делу". Он высмеивал Шукейри как представителя "поколения катастрофы" и резко нападал на Насера, называя его отношение к палестинской проблеме циничным. Но риторика Арафата не могла исправить положения. В распоряжении Шукейри была поддержка всех арабских стран. Или, точнее, почти всех. Исключением была Сирия.

Незадолго перед тем, в 1961 году, новое сирийское руководство разорвало недолгую унию с Египтом. С приходом к власти в Дамаске арабской социалистической партии Баас, которая была идеологической соперницей насеризма, отношения между обеими странами еще более обострились. Каждая претендовала на лидерство в арабском мире. И поскольку Насер явно выигрывал в этом соперничестве, Сирия искала любого случая ослабить египетские позиции.

После создания ООП Насер наложил запрет на любые, не разрешенные этой организацией (а фактически — Каиром) партизанские действия против Израиля. Это поддало сирийским руководителям мысль, которая могла бы выдвинуть Сирию на роль главного защитника палестинских интересов среди арабов. Для реализации этой мысли следовало только найти подходящих палестинцев, недовольных ООП. Тогда-то взоры сирийской контрразведки обратились к Фатху, который в своей газете все время призывал к вооруженной борьбе против "израильской водной агрессии".

Фатх в то время переживал трудные дни. В сентябре 1964 года его лидеры собрались в Бейруте, чтобы выслушать малоприятные новости. Алжир, прежде — основной покровитель Фатха, резко уменьшил помощь организации, ссылаясь на решения встречи в Каире и необходимость поддерживать ООП. Вдобавок алжирские лидеры довольно неприятно намекали, что разочарованы риторикой Арафата, который вот уже пять лет призывает к вооруженной борьбе, но не способен ее начать. В Европе палестинские студенты

все более поворачивались к ООП. В лагерях беженцев пламенные речи Арафата уже мало кого привлекали.

Спасение пришло в лице некоего аль-Халиди, иорданца, воевавшего в британской армии и знавшего военное дело. Приглашенный на встречу, он выслушал бредовые, по его мнению, планы Арафата немедленно начать революцию в Иудее и Самарии, вежливо отклонил тут же сделанное ему предложение возглавить "вооруженные силы палестинской революции", попытался объяснить пылкому лидеру Фатха, что партизанская борьба с Израилем может потребовать многих лет и даже десятилетий, а когда увидел, что его благо-разумные речи не производят никакого впечатления, предпочел удалиться. Но напоследок он дал лидерам Фатха бесценный совет. "Обратитесь к сирийцам, — сказал он. — Это единственные, кто может вами заинтересоваться".

После его ухода началась перебранка. Все обвиняли друг друга в том, что не подумали о "сирийском варианте". Кадуми заявил, что он об этом уже думал, но не сказал, потому что решено было не вступать в союз с арабскими странами. Арафат обозвал его "идиотом". "Революционеры должны быть гибкими! — крикнул он. И добавил: — Как змея".

Через родственников Кадуми, проживавших в Дамаске, было отправлено сообщение, что Фатх заинтересован в сирийской помощи. Еще через месяц в Бейрут прибыл полковник сирийской контрразведки Хафез, которому было поручено установить связь с лидерами Фатха. Некогда Хафез воевал во Вьетнаме в составе французского Иностранного легиона и считался ведущим сирийским экспертом по партизанской борьбе.

Встреча лидеров Фатха с Хафезом состоялась 30 декабря 1964 года в Сайде. К тому времени Хафез уже набрал в лагерях беженцев с дюжину контрабандистов, обещав им щедрую оплату, если они согласятся выполнить его задание в Израиле. Первая группа наскоро обученных диверсантов должна была отправиться на следующее утро, и Хафез приказал Арафату и его соратникам срочно составить "Бюллетень Фатха" об успешной операции против израильского водовода. В ту же ночь они рассовали экземпляры этого бюллетеня по почтовым ящикам бейрутских газет.

Бюллетень, в котором Фатх провозглашал своих "бойцов" исполнителями антиизраильской диверсии, был опубликован 1 января. Но за истекшую ночь произошли новые события. Один из "диверсантов", испугавшись опасности, донес в ливанскую полицию.

Вся его группа была арестована. Диверсия не состоялась. Арафат и его соратники тоже были арестованы.

Впрочем, у Хафеза была наготове вторая группа, тренировавшаяся в лагере Ирбид, в Иордании. 2 января он послал ей приказ двинуться к водоводу.

На сей раз люди Хафеза сумели проникнуть к водоводу и бросить в него взрывчатку. Но диверсия опять сорвалась: пакеты со взрывчаткой заметил израильский дежурный, и вскоре они были обезврежены. Тем не менее и этот рейд был тут же широко разрекламирован как "победа" Фатха. Заголовки газет кричали: "Первый выстрел палестинской революции". Арабские органы массовой информации восхваляли Фатх. За несколько дней никому доселе неизвестная организация приобрела всеарабскую славу "застрельщика палестинской вооруженной борьбы".

В тюрьме лидеры Фатха провели около месяца. Именно тогда, чтобы затруднить последующую слежку, все они приняли новые имена: Арафат стал Абу-Аммаром (еще одна кличка, некогда данная ему учителем Халаби), Вазир — Абу-Джихадом, Халаф — Абу-Ийадом, Хассан — Абу-Саидом, Фарук Кадуми — Абу-Лутуфом. Все это время Хафез продолжал свою деятельность, вербуя все новые группы полууголовных элементов и засылая их в Израиль. Его настойчивость принесла плоды: в рейдах 14 января и 28 февраля диверсанты добились первых успехов, повредив водовод и взорвав водонапорную башню в Кфар Гесс. Ободренный этим, Хафез добился разрешения Дамаска организовать новую серию рейдов. И хотя в большинстве случаев его "диверсанты" оставляли свою взрывчатку в пещерах на восточном берегу Иордана, не желая рисковать жизнью в столкновениях с израильскими патрулями, Хафез аккуратно оповещал о каждой очередной "победе Фатха" арабскую прессу. К апрелю, когда группа Арафата вышла на свободу и была направлена сирийцами рекрутировать новых партизан в лагерях беженцев, там уже ширилась молва о "подвигах" Фатха, располагающего, судя по газетам, огромной армией. Даже израильская печать приписывала Фатху преувеличенное значение.

Первая серьезная попытка лидеров Фатха выйти за пределы узкого круга "руководства" и создать реальные партизанские силы кончилась неудачей. Не помогла даже газетная шумиха. Желających воевать оказалось мало. В Дамаске были раздосадованы. До сих пор игра с Фатхом приносила Сирии ощутимые плоды. Израильские ответные рейды против тренировочных лагерей Хафеза в Иордании вызвали замешательство короля Хуссейна. Попытки короля и Насера приостановить сирийские диверсии позволили Сирии обрушиться на них как на "изменников" палестинскому делу и выставить себя в выгодном свете. Поэтому в Дамаске хоте-

ли продолжать игру. Арафат и его команда были вызваны "на ковер" к сирийскому руководству. "Это было унижительно, — вспоминает один из участников встречи. — Полковник обозвал нас "идиотами", которые не умеют вербовать сторонников. Арафат жаловался, что старейшины в лагерях запрещают молодым вступать в отряды Фатха. В ответ ему заявили, что у сирийцев есть человек, который научит вас, как делать дела".

Этим человеком, которого сирийцы поставили над Арафатом и Фатхом, был некий Мухамед Арака, яростный антисионист и хладнокровный убийца. Вместе с лидерами Фатха он снова отправился летом 1965 года в иорданские лагеря беженцев. В первом же лагере он самолично застрелил двух старейшин, выступивших против вербовки, и дело пошло, как по маслу. Те же методы "убеждения" были применены затем в других лагерях. К осени лидеры Фатха уже могли доложить сирийским покровителям, что располагают серьезными силами, которые насчитывали около 500 человек. Двухлетняя сирийская интрига близилась к успеху. Сирийская печать уже говорила о новой, "тотальной" войне против Израиля, в которой "на острие борьбы" будет находиться "славный Фатх и его героическая партизанская армия". За Арафатом стали охотиться арабские и западные репортеры. Он с удовольствием давал им уклончивые, полные цветистой риторики и недосказанностей интервью. "Я обручен с Фатхом, — восклицал он, прохаживаясь перед журналистами в своем пыльном хаки и неизменной куфие. — Фатх — это моя жена, моя семья, моя жизнь".

Между тем и сам Арафат, и его организация по-прежнему оставались политическими марионетками Сирии в ее сложной межарабской игре. И, возможно, остались бы ими и разделили бы судьбу других малозаметных палестинских групп, если бы не политическое чутье Арафата. В какой-то момент он понял, что может потерять поддержку палестинских масс, если не продемонстрирует — в духе своего лозунга "самоосвобождения" — определенную независимость от арабских стран и их лидеров. Когда новое, более экстремистское сирийское руководство, пришедшее к власти в феврале 1966 года, потребовало от Арафата поставить всех его людей под абсолютный сирийский контроль, он отказался. Конечно, он рисковал. И действительно, сирийцы бросили Арафата и его соратников в тюрьму, объявили Фатх распущенным и стали сколачивать вместо него "собственный Фатх", по-прежнему приписывая ему все "успехи" своих диверсантов и террористов в Израиле.

Но в конечном счете оказалось, что Арафат выиграл. Мало того, что сирийцы сами невольно еще более раздули популярность Фатха среди палестинцев (кто там разбирался, "чей" Фатх в действительности "одерживал победы" — Арафата или сирийский?), — они создали лидеру Фатха репутацию "мученика" и "героя", последовательного борца за независимость "палестинской борьбы" от межабских интриг и расчетов, маневров и предательств. Когда несколькими месяцами спустя лидеры Фатха сумели выбраться из дамасской тюрьмы и один за другим просочиться в Ливан, в тамошних лагерях беженцев уже ширилась слава Арафата, как признанного вождя палестинского дела.

Проба сил в Дамаске была третьим важным шагом в политической карьере Арафата. С этого момента он стал делать ставку не просто на палестинский национализм или "самоосвобождение", но на независимую, "самостоятельную" палестинскую политику внутри политики арабской. И орудием этой политики сделал свой Фатх (позднее — ООП). Теперь его цель состояла в том, чтобы использовать межабские противоречия в интересах максимальной свободы собственного политического маневра. Не переставая быть марионеткой, которой играли другие, он одновременно пытался играть своими хозяевами, сталкивая их друг с другом, эксплуатируя провозглашенные ими лозунги, заявленные ими обязательства перед палестинцами, выданные ими посулы. Конечно, это был рискованный путь, и хотя Арафат оказался мастером политической интриги, его ожидало на этом пути немало падений. Но тактика быстрой, беспринципной смены "хозяев", блокирования с новыми арабскими союзниками против прежних позволила ему всякий раз быстро подняться на ноги и продолжать эту безумную, безоглядную игру на выживание. Ему понадобилось восемь лет, чтобы достичь цели. Восемь лет и два арабских поражения в войнах против Израиля. Первым было поражение в Шестидневной войне, после которого Арафат едва ли не первым выдвинул лозунг "отвоевания Иудеи и Самарии". Вторым было поражение арабов в войне Йом-Кипур, после которого Арафату, наконец, удалось добиться от арабских держав признания своей ООП "единственным и законным представителем" палестинских интересов. Этим решением, принятым в 1974 году в Рабате, арабские державы на десять с лишним лет связали себе руки.

Шестидневная война радикально изменила ситуацию на западном берегу Иордана. И это сказалось не только в арабском мире, но и в израильском обществе. Постепенно стало казаться, что в основе арабо-израильского конфликта лежит именно судьба "территорий", то есть Иудеи и Самарии. Этому немало способствовала тактика Арафата, заговорившего о необходимости отвоевания, в первую очередь, именно этих территорий для создания на них "палестинского государства". Постепенно эта риторика заслонила тот простой и очевидный факт, что Фатх был создан в те времена, когда Иудея и Самария находились еще в арабских руках и создать там "палестинское государство" не представляло никакого труда. Что вся "деятельность" Фатха, искусно разыгранная сирийцами, направлена была отнюдь не на "освобождение" Иудеи и Самарии (разве что от иорданского короля), а попросту на

уничтожение Израиля. Что в основе конфликта лежит именно это стремление, позже прикрытое разговорами об Иудее и Самарии, и что никакое "отвоевание территорий" не исчерпывает цели, ради которой был создан Фатх, а позднее ООП. Как не исчерпывают ее никакие "территориальные уступки", на которые был бы согласен Израиль.

Вся история Арафата напоминает об этом. Ибо она есть история непримиримой и давней, еще с 30-х годов, борьбы арабов (начиная с муфтия и Абделькабира и кончая государственными военными машинами) во имя уничтожения еврейского присутствия в арабском мире. Борьбы, отразившейся в судьбе одного человека.

Поражение 1967 года заставило арабов пересмотреть прежнюю стратегию. Арабская печать широко открыла страницы всем, кто имел что сказать. Лозунги возмездия и реванша, выдвинутые Арафатом, совпали с настроениями момента, и вскоре он стал одним из самых популярных авторов в арабском мире. Отношение к нему в арабских столицах изменилось. В сентябре 1968 года он был приглашен на конференцию партии Баас в Дамаск, где его очистили от всех прежних обвинений. Результатом его воинственного выступления на конференции было согласие сирийцев восстановить Фатх под единоличным командованием Арафата с предоставлением ему всей необходимой помощи. Насер, опасаясь "отстать", со своей стороны разрешил Шукейри активизировать партизанские действия ООП против Израиля и вступить для этого в союз с Фатхом. И хотя союз оказался недолговечным, он позволил Арафату войти в руководство ООП, поднявшись тем самым на очередную ступеньку официального всепалестинского лидерства. В ООП Арафат пришел со своей идеей "независимой палестинской политики", которая после поражения арабских держав приобрела все больше сторонников среди лидеров организации. Идея эта подразумевала, что прежде чем освободиться от "сионистской оккупации", палестинцы должны освободить себя от арабского диктата. Поэтому широко разрекламированная (в основном — для Запада) "вооруженная борьба за освобождение родины" была в действительности отодвинута на второй план. Ее подменил обыкновенный террор.

С самого начала своей политической карьеры Арафат был достоянным реалистом, чтобы понимать, что лозунг "палестинского самоосвобождения" утопичен. На самом деле он всегда означал иное: действия палестинцев должны создать ситуацию, в которой арабские державы вынуждены будут действовать в палестинских интересах. Когда-то думалось, что действия ООП должны подтолкнуть арабские державы к войне; сегодня в расчеты Арафата входят также политические шаги арабского мира в пользу палестинского дела; но стратегия осталась неизменной: формула ООП по-прежнему начинается со слов "действия палестинцев", а эти действия всегда — и можно сказать, по необходимости — означают террор.

Что порождает эту кровавую неизбежность? Во-первых, реальная разница военных сил; во-вторых, тот очевидный факт, что самым уязвимым местом любой цивилизованной современной демократической страны, включая Израиль, является ее мирное население. В-третьих, идеология и психология современных "национально-освободительных" движений, от Северной Ирландии до Южной Африки.

Не нужно думать, будто Арафат и его соратники первыми выдумали или

легитимизировали террор. Уже в первое послевоенное десятилетие эстремист-теоретик Франц Фанон провозгласил, что самым эффективным оружием "обездоленных" является массовый террор (он называл его "революционным насилием"), направленный против мирного населения ("грабителей" в его терминологии). Лидеры ООП учились у "революционеров" алжирского Фронта национального освобождения, которые, в свою очередь, учились у Фанона; от ООП эта эстафета перешла к Че-Геваре, Баадеру и Майнхофу, итальянским "Красным бригадам"; террор превратился в одну из опаснейших болезней нашего времени, и сегодня кажется, что человечество уже налаживает с ней некий — во всяком случае, психологический — симбиоз.

"Открыв" для себя методы террора против мирного населения, лидеры Фатха быстро продвигались по этому пути к самым низменным методам, и 8 марта 1968 года их отряды произвели первую кровавую атаку на детей: был взорван автобус с израильскими школьниками. В ответ на это 21 марта израильский танковый десант нанес сокрушительный удар по главной базе Фатха в деревне Караме на восточном берегу Иордана к северу от Мертвого моря. Израильцы уничтожили около 200 террористов, но затем вынуждены были вступить в бой с иорданскими танковыми частями, которые король Хуссейн, чтобы не "потерять лицо" в арабском мире, в свою очередь, вынужден был послать на помощь палестинцам. К этому времени, впрочем, палестинцев в лагере почти не оставалось: сам Арафат бежал на мотоцикле в соседний город Салт, бросив своих бойцов. Однако иорданцы сумели организовать контратаку, в которой израильцы понесли значительные потери.

Арафат сумел воспользоваться "подарком" судьбы. Он немедленно приписал "победу при Караме" своему Фатху. Иорданцы не имели особого желания расписывать свое вынужденное участие в бою, а сирийцы с готовностью поддержали версию Арафата. Арабская печать снова запестрела восторженными похвалами Фатху и его лидеру. Миф о "победе при Караме" быстро стал неотъемлемой частью новой "героической" палестинской истории, которую последовательно создавал Фатх с помощью сирийцев. Но на сей раз ложь нашла и новую почву. Появившиеся к тому времени на Западе левые антивоенные и антиимпериалистические движения расценивали атаку на Караме как свидетельство "непримиримости" и "жестокости" Израиля, который из Давида превратился в их глазах в злобного Голиафа. Освободившуюся роль Давида немедленно занял Арафат со своим Фатхом, лидеры которого в следующие месяцы буквально обрушили на западного читателя лавину статей и выступлений, в которых провозглашалась "справед-

ливость" палестинского дела и "неотъемлемые права" палестинского народа. В отряды Фатха хлынули сотни новых добровольцев, Сирия и Египет соревновались в оказании Арафату щедрой помощи, и в ООП открыто заговорили о том, что во главе организации должен стать "вождь победоносного Фатха".

Но в этот момент на пути Арафата возник грозный соперник.

22 июля 1968 года группа вооруженных террористов совершила захват израильского пассажирского самолета, вылетевшего из Рима в Тель-Авив. Полгода спустя другая группа атаковала израильский самолет, стоявший в аэропорту Афин. Израиль ответил атакой своих командос на арабские самолеты в бейрутском аэропорту. Об этой операции Мосада мы еще будем говорить. Но уже в августе следующего года террористы ответили на нее нападением на самолет авиакомпании "Тивизэй", направлявшийся в Тель-Авив, а в феврале 1970 года взорвали в воздухе швейцарский самолет, следовавший курсом в Израиль. И наконец, 6 сентября того же года они захватили и заставили сесть в иорданской пустыне сразу четыре иностранных самолета, добиваясь — и добившись — обмена пассажиров на своих, арестованных ранее сообщников. Мы еще расскажем и об этом, когда вернемся к истории Мосада. Сейчас скажем о другом, что имеет отношение не к истории Мосада, а к истории ООП. Ибо самое прямое отношение к ней имеет тот факт, что виновником всех этих нападений и похищений был не Фатх. Им была другая организация, бросившая Фатху вызов в борьбе за лидерство в палестинском движении — Народный фронт борьбы за освобождение Палестины под руководством Жоржа Хабаша и примыкавшие к нему (точнее было бы сказать — отклонившиеся от него) группы Наефа Хаватме и Ахмеда Джабриля.

Механизм выбора, совершаемого толпой, загадочен. И почти всегда безоснователен. Толпа делает кумиром не всякого из подходящих претендентов. Героем становится не любой. Арафат, несомненно, выдающийся мастер политической интриги: вся его жизнь свидетельствует об этом. Он изворотлив, лжив, оппортунистичен, гибок, амбициозен, загадочен, цепок и хитер. В двусмысленных водоворотах политики — начиная с политики внутри узкого круга соратников и единомышленников и кончая сложными сплетениями политики общеарабской — он чувствует себя, как рыба в воде. Но это лишь необходимое, но еще не достаточное условие успеха. Без популярности в массах он не стал бы тем, чем стал. К толпе он обращен другим лицом. Здесь он живая легенда: именно с его личностью постепенно связываются все памятные — пусть и легендарные, пусть и вымышленные — события короткой национальной истории. На площадях он увлекает толпу цветистой риторикой, в тренировочных лагерях похлопывает по плечу, обнимает и целует

ветеранов, урок Караме не прошел для него даром: в Бейруте и Триполи он остается со своими бойцами в самые трудные дни, его образ жизни нарочито прост и расчетливо скромнен, грубо говоря — он "свой в доску".

Но кажется, что и этого недостаточно. Мало ли "своих в доску" среди его соратников? Почему не Абу-Джихад, не Абу Ийад, не Фарук Кадуми? Здесь, по-видимому, вступают в силу пропорции, в которых совмещаются в человеке качества площадного трибуна и политического гения; понимание толпы и ощущение истории. Поэтому все теоретические "предвычисления": кто годится в "герои"? — напоминают кулинарный рецепт, который в одних руках превращается в волшебное блюдо, а в других — в безвкусную жвачку. Неуловимые пропорции — времени, места, обстоятельств и характера — решают дело. Отбор происходит на каждом крутом — или незаметном — повороте и после каждого остается все меньше уцелевших в памяти.

Быть может, безумная, почти животная способность к выживанию — любой ценой: предательства, лжи, измены, радикальной смены лозунгов и союзников — один из главных "секретов" успеха людей, подобных Арафату? Сама эта способность как бы свидетельствует, что в них "что-то есть". Политикам того же склада (прежде всего, арабского и Третьего мира, живущим в атмосфере непрерывных заговоров и переворотов) такие люди внушают определенное уважение; толпа же на площади смутно угадывает в них своего любимого сказочного героя — бессмертного "Иванушку", который и от кощевых слуг увернется, и царя вокруг пальца обведет...

Жорж Хабаш вылеплен из другого теста. Это кабинетный теоретик и профессиональный политический эмигрант, идеолог революции и стратег террора. Он не способен возбуждать толпу, плести интриги, добывать деньги, метаться по миру, выступать на площадях. Ему чужды театральная поза и эффектный драматический жест. Но у него в запасе есть иные качества — безудержное честолюбие и беспощадная последовательность. В других обстоятельствах он мог бы стать чем-то вроде маленького Троцкого. В тех ближневосточных обстоятельствах, в которых ему суждено было действовать, он остался просто террористом.

И взлет, и падение Хабаша отразили изменения социальной и политической ситуации на Ближнем Востоке в первые послевоенные десятилетия. Был момент, когда созданная им организация являлась третьей по значению идеологической и политической силой в арабском мире. Кое-где она была близка к захвату власти, в других странах ее члены входили в правительства; в Южном Йемене она возглавила успешный переворот. То были времена панарабизма, и лозунги Хабаша, созвучные своей эпохе, поистине овладевали массами.

Но времена изменились, наступила эпоха "каждый сам за себя" и начался крутой спад. Стали "сами за себя" и национальные ячейки движения, созданные Хабашем в различных арабских странах, единство организации рухнуло, идеология поползла в разные стороны, влияние исчезло. Короткая история арабской "новой левой" завершилась, ничего — или почти ничего — не оставив после себя. Разве что воспоминания о том, как она "чуть-чуть не..." Но "чуть-чуть" в истории не считается.

"Новая левая" Жоржа Хабаша и Наефа Хаватме родилась в благоприят-

ный момент: арабские страны потерпели позорное поражение в войне 1948—49 годов, их режимы и партии были дискредитированы, их ставка на Запад провалилась, государство Израиль не удалось стереть с лица земли. Движение Хабаша—Хаватме было, в сущности, порождением этого момента: арабская молодежь искала новых путей, и арабская "новая левая" предложила ей один из них — путь революционного панарабского национализма.

Вскоре после окончания второй мировой войны группа палестинских студентов поступила в Американский университет в Бейруте. Среди них сразу выделились двое — Жорж Хабаш из Лидды и Вади Хаддад из Галилеи. Оба происходили из богатых купеческих семей, и родители обоих вполне могли оплатить их образование. К моменту окончания университета — в 1951 и 1952 годах, соответственно — оба лишились дома: он оказался на территории Израиля, а их семьи перебрались в Амман. Оба студента были страстно вовлечены в палестинские дела. Это, собственно, и толкнуло их в политику. Хабаш, чрезвычайно энергичный и способный от рождения (он получил диплом врача с отличием), уже на первом курсе стал членом студенческой организации "аль-Урва", которая выступала под знаменем борьбы за палестинское дело. В 1949 году он и другой его приятель аль-Хиджи, сын сирийского полковника, стали членами редакционной коллегии газеты "аль-Урва". А в 1950 году Хабаш был уже избран президентом организации. Вице-президентом при нем стал четвертый член группы, студент-медик из Кувейта аль-Хатиб. Вместе они начали превращать "аль-Урва" в настоящую политическую организацию.

Поначалу их идеология была чистым панарабизмом. Но это был панарабизм особого толка. Они резко критиковали "одряхлевшие" арабские режимы и партии, справедливо подозревая их в своекорыстии и равнодушии к общеарабским и палестинским проблемам. Они были яростными врагами Израиля и одновременно столь же яростными антизападниками, считая сионизм орудием "международного империализма", а сам этот империализм — главным врагом "арабской нации". Враждебность к Западу и его идеям обусловила их первоначальное неприятие социализма и особенно коммунизма. Арабы, по их мнению, должны были пойти "своим путем" — политического объединения и освобождения от сионистско-империалистической "угрозы", затем — социальных реформ и наконец — экономического подъема. Эта концепция получила название "теории трех стадий" развития ("освобождения") арабской нации; она широко пропагандировалась во всех изданиях группы и за несколько лет получила широкое хождение среди молодой арабской интеллигенции.

От других националистических групп организацию Хабаша отличал честолюбивый размах. Она видела в себе "авангард" арабской нации, призванной возглавить и повести ее к объединению в условиях, когда все остальные си-

лы и партии дискредитировали себя. Поэтому первый период существования организации был периодом систематического и целенаправленного ее расширения. Назвав себя "Арабским национальным движением" (АНД), организация стала создавать свои ячейки и ответвления во всех доступных арабских странах, направляя туда своих активистов, затевая там газеты и еженедельники, ведя агитацию в студенческих, а позднее — и в офицерских кругах (не пренебрегая, впрочем, и трудовым людом, и лагерями беженцев) и используя все мыслимые методы, от демонстраций и забастовок до подпольной деятельности, чтобы расширить свое влияние.

Первой из арабских стран, куда Хабаш перенес свою деятельность из Ливана, была Иордания. В 1952 году он вместе с Хаддадом открыл в Аммане лечебницу для бедных и под ее прикрытием начал сколачивать ячейку АНД. Вскоре к ним присоединился молодой иорданец Наеф Хаватме, сын бедного крестьянина, с трудом получивший образование (позднее он окончил Бейрутский университет на стипендию АНД и получил первую степень по философии). Втроем они начали издавать еженедельник "аль-Рай" ("Мнение"), называвший себя "голосом арабской националистической молодежи". Газета яростно нападала на прозападную политику тогдашней Иордании и вскоре была закрыта. Хабаш ушел в подполье, занялся агитацией в массах против иорданского режима, а затем — и организацией вооруженных выступлений. Он был арестован, выпущен на поруки и бежал в Дамаск. Пять последующих лет он провел в Сирии, направляя оттуда всю деятельность АНД. "Боевое прошлое" и незаурядные способности идеолога-теоретика позволили ему сохранять доминирующее место в организации, несмотря на то, что все эти годы он находился далеко от мест ее практической деятельности. К тому же он обладал способностью вызывать уважение окружающих. Его соратники вспоминают, что на встречах руководства организации он обычно скромно сидел в углу, ожидая, пока выскажутся другие, потом поднимался, засучивал рукава и с неизменной сигаретой во рту начинал говорить — сжато, логично и убедительно. Он обращался к остальным, называя их "братья", и призывал к самоотверженности и самопожертвованию. Они чувствовали его право говорить об этом: он пожертвовал карьерой преуспевающего врача и вел жизнь профессионального подпольщика; его уже искали агенты нескольких арабских полиций, а в Иордании он был заочно приговорен к 45 годам тюрьмы.

Ситуация отдаленно напоминала весьма нам знакомую: Хабаш находился в эмиграции в Дамаске, возглавляя издание перенесенного туда еженедельника, меж тем как другие "на местах" сколачивали ячейки АНД. В 1953 году аль-Хатибу удалось создать первую такую ячейку в Кувейте. В отличие от

Ливана, молодые националисты здесь сразу же активно занялись местными делами, сблизившись с растущими средними слоями, и быстро приобрели в них заметную репутацию. Это позволило им перенести свою деятельность и на соседние страны — Саудовскую Аравию, Бахрейн и Южный Йемен. В Ирак Хабаш направил Салама Ахмада, на помощь которому вскоре прибыл Наеф Хаватме. Они создали здесь газету "Единство", которая быстро стала ведущим националистическим органом в стране и приобрела особую популярность среди студентов и молодых офицеров. В Сирии созданием ячеек АНД руководил сам Хабаш. В Египте АНД особенно успешно действовало среди университетской молодежи: именно из каирской ячейки движения вышли Катан аль-Шааби и его кузен Фейсал, которые в 1963 году возглавили успешное восстание против британцев в Адене и Южном Йемене; из Каирского же университета вышли лидеры ячейки АНД в Газе. Объединение палестинских студентов после бегства Арафата тоже подпало под влияние АНД.

В конце 50-х годов ячейки АНД существовали уже почти во всех арабских странах. Всюду их деятельность направлялась строго централизованным руководством, которое, в свою очередь, возглавлялось исполнительным комитетом движения. Под началом Исполкома находились десятки ячеек на местах с сотнями активных членов, которые в каждой стране объединялись своим "Региональным командованием", контролировавшим всю работу по агитации, вербовке и тренировке новых добровольцев. Эта налаженная, частью — идеологическая, частью — политическая, частью — военизированная машина уже недвусмысленно заявляла о своем присутствии на общеарабской сцене. Географический размах и идеологические претензии выдвинули ее на третье место среди политико-идеологических организаций тогдашнего арабского мира — после насеровской в Египте и сирийско-иракской Баас. И не случайно, что все последующие годы история АНД была тесно переплетена с историей именно этих двух движений. В сущности, это была история того, как АНД пыталось стать "третьей силой" между двумя главными действующими лицами арабской политики конца 50-х — начала 60-х годов.

Эти попытки оказались, в основном, безуспешны. Впрочем, временами казалось, что АНД близко к серьезной победе. В Сирии движение было главным глашатаем объединения с Египтом, и когда к власти пришла партия Баас, настроенная на объединение, движение Хабаша даже получило два места в правительстве. Но затем уния Сирии с Египтом распалась из-за непримиримой борьбы за лидерство между Баас и Насером (свою роль сыграли также социально-экономические противоречия), и АНД, однозначно вставшее на сторону насеризма, подверглось преследованиям новых властей и ушло в подполье. В Ираке после падения монархии (1958 год) и прихода к власти Касема, поддерживаемого коммунистами, АНД увидело благоприятный шанс и не замедлило им воспользоваться: оно предложило Касему свои услуги. Предложение, однако, не было принято, поскольку коммунисты видели в АНД своего идеологического соперника*. Затем последовал баа-

* Неожиданным результатом этого соперничества был последующий поворот АНД к коммунистической идеологии: именно в Ираке Хаватме и Ахмад впервые увидели ее практические выгоды.

систский переворот и АНД вынуждено было уйти в подполье. Там Хаватме и Ахмад развернули бешеную деятельность по подготовке собственного переворота. Возможно, им даже удалось бы захватить власть (они располагали заметным влиянием в офицерской и студенческой среде), если бы их заговор не был преждевременно раскрыт. Часть лидеров была арестована, другим, включая Хаватме, удалось бежать.

Наибольшего успеха АНД добилось в Южном Йемене, где аль-Шааби возглавил Национальный фронт, начавший в 1963 году антибританское восстание и добившийся в 1967 году (не без щедрой египетской помощи) ухода англичан. Затем, однако, в рядах Фронта наступил раскол: значительная его часть пошла за лозунгами специально прибывшего в Аден Хаватме и встала на радикально-марксистские позиции; более умеренная группа во главе с аль-Шааби была, в конце концов, отстранена от руководства. Но это было уже в тот период, когда существование АНД как единой централизованной организации подходило к концу. А первые признаки ее распада обнаружились в самом начале 60-х годов.

Активность АНД в арабских странах привела его лидеров на местах в соприкосновение с "широкими массами". С другой стороны, провал попыток АНД блокироваться с Насером или Баас (или организовать собственные политические перевороты) породил у ряда активистов движения разочарование в прежней идеологии с ее "теорией стадий" и упором на общеарабское объединение. Послышались утверждения, что нельзя откладывать социальные и экономические реформы на "последующую стадию развития"; что основная сила — это массы, а основная задача АНД — дать этим массам социальную идеологию. В поисках такой идеологии взоры некоторых лидеров обратились к СССР и Китаю. И уже в мае 1960 года Мухсейн Ибрагим опубликовал в газете АНД "аль Хуррия" статью, которая фактически подвергала пересмотру всю прежнюю стратегию организации. Вскоре к позиции Ибрагима присоединились Дарваза и Хаватме. Нетерпимый и честолюбивый Хаватме открыто заговорил о необходимости перевести движение на марксистско-ленинские рельсы и устранить прежнее руководство (имелся в виду прежде всего Хабаш, оставшийся на "умеренных" идеологических позициях). На конференции движения в Бейруте в 1963 году наметились первые признаки раскола. Ибрагим потребовал, чтобы движение поставило своей задачей создать общеарабскую социалистическую, марксистско-ленинскую партию, блокируясь для этого с левым крылом насеризма и толкая в ту же сторону самого Насера; Хабаш назвал эти претензии "левым ребячеством"; идеологические противоречия быстро переросли в личную вражду. На следующей конференции, в 1965 году, Хаватме и его единомышленники добились предоставления большей независимости "Региональным командованиям", и это уже было началом эпохи "каждый сам за себя". Палестинские лидеры и активисты сплотились вокруг Хабаша; иракские, сирийские и ливанские поддержали Хаватме и Ибрагима; йеменцы во главе с аль-Шааби интересовались только тем, кто даст им деньги и оружие для продолжения их восстания; кувейтцы требовали права блокироваться со своей национальной буржуазией для проведения "демократических преобразований"; все понимали, что дни АНД как единой организации уже сочтены.

В этот момент Хабаш сделал искусный стратегический ход. Он объявил о

создании "военизированных отрядов" АНД — "Национального фронта освобождения Палестины". По существу, это была его собственная фракция внутри АНД, куда он собрал всех своих сторонников. Остальная часть движения осталась в руках Хаватме и его единомышленников, которые быстро превратили ее в арабскую "новую левую", по-прежнему делавшую ставку на Насера. Впрочем, не отказывался от насеровской помощи и союза с ним и Хабаш. Его "Национальный фронт", в отличие от тогда же вышедшего на сцену Фатха, говорил не о "самоосвобождении", а о необходимости "стимулировать официальное арабское вмешательство для отвоевания Палестины".

Арабское поражение в Шестидневной войне было катастрофой и для АНД. Хабаш понял, что его ставка на "официальное арабское вмешательство" была несостоятельной. Со своей стороны, Хаватме заявил, что разочаровался в насеризме: это вовсе не социалистическое движение. И хотя идеологические разногласия между главными лидерами АНД сохранились, общее разочарование на время сблизило их. И Хабаш, и Хаватме поняли, что наступает время, когда удержаться на гребне политических событий они могут, лишь играя "палестинской картой", — времена панарабизма миновали, времена "арабского социализма" еще не наступили. А чтобы играть "палестинской картой", следовало перехватить у Фатха его идею "палестинского освобождения" и "вооруженной борьбы", то есть террора. В декабре 1967 года Хабаш провозгласил создание "Народного фронта освобождения Палестины", в который, кроме его прежнего "Национального фронта" вошли также крохотная группа "Герои революции", возникшая в 1966 году, и существовавший с 1959 года "Фронт палестинского освобождения". Руководил этим последним палестинец Ахмед Джабриль, бывший офицер сирийской армии, человек, далекий от всякой идеологии, в свое время пытавшийся уже блокироваться с кем угодно, включая Фатх. В начале следующего, 1968 года, Хаватме тоже вошел в руководство нового фронта, и это было сигналом к очередному раунду внутренних разногласий, которые вылились в новый открытый раскол на последней конференции АНД в середине года. Вскоре после этой конференции Хаватме и его сторонники вышли из фронта Хабаша и создали свой собственный, "Демократический" фронт освобождения Палестины. Пресытившись идеологическими спорами, провозгласил свою самостоятельность и Ахмед Джабриль. Тем не менее все три организации остались в тесном организационном контакте, а две из них — группы Хабаша и Хаватме — одинаково заявляли верность решениям конференции 1968 года.

Эти, последние "решения" АНД провозглашали, что поражение палестинцев в 1948 году было следствием "предательства" феодалов и буржуазии, а арабское поражение 1967 года — результатом "измены" мелкобуржуазных слоев. Единственный верный путь "освобождения арабской нации" лежит ныне через борьбу с сионизмом и западным империализмом за "палестинское дело", каковая борьба должна "революционизировать" широкие арабские массы. На этом пути единственно верным компасом является "идеология арабского пролетариата", а задачей — "пробуждение политического сознания" арабских трудящихся масс.

23 июля 1968 года захватом израильского пассажирского самолета альянс Хабаша—Хаватме—Джабриля открыл эпоху "политического пробуждения масс". Не смотря на последующий раскол, они продолжали это "пробуждение

террором", которое с самого начала не имело ничего общего ни с идеологией, ни с интересами "масс". То была попросту жестокая борьба с Арафатом и другими конкурентами за власть и влияние в "палестинском деле", которое постепенно сделалось одним из выгоднейших финансово-политических бизнесов нашего века. И хотя поначалу в этой борьбе победил Арафат (в 1969 году он стал главой обновленной ООП), "заслуги" недавних "левых" в деле террора вскоре стали так велики, что ему пришлось поделиться с ними властью. На заседании Исполкома ООП в 1971 году он ввел Хабаша и Хаватме в общепалестинское руководство*.

В сегодняшнем Арафате трудно признать мятежного подростка из Газы, напористого вожака палестинских студентов в Каире, владельца автофургона в Кувейте. Постаревший, погрузневший, совершенно лысый, он мечется по арабским столицам, обнимает королей и президентов, ведет политическую игру на международном уровне и хранит свои миллионы в швейцарском банке. Ему под шестьдесят, а до цели так же далеко, как четверть века назад, когда создавался Фатх. Возможно, ему уже и не нужна эта цель. Вряд ли он согласится теперь на роль главы крохотного, искусственно выкроенного палестинского государства, даже если оно возникнет — он, вкусивший от большой политики и больших денег.

Его соратники по-прежнему рядом с ним — никто не погиб в бою, никто не принес свою жизнь "на алтарь отечества" (если не считать Абу Джихада, загадочно убитого в Алжире — как утверждает западная и арабская пресса, сотрудниками Мосада). Всех их можно было увидеть на недавней сессии Палестинского национального совета, провозгласившей "создание палестинского государства". Все они продолжают свою "освободительную" работу: Вазир (Абу Ийад) все так же разрабатывает стратегию, Фарук Кадуми вороочает внешнеполитическими делами, Хасан (Абу Саид) был душой недавнего (уже успевшего развалиться) сговора ООП с иорданским королем Хуссейном. Все они, подобно Арафату, стали профессионалами политических интриг и кровавого терроризма. Что им снится по ночам? Уж, конечно, не должность мэра в Газе, Хевроне или другом городке так шумно провозглашенного им государства.

Живы и другие герои драмы. Жорж Хабаш, Наеф Хаватме и Ах-

* Несомненно, неудачи АНД были во многом обусловлены тем, что во главе движения стояли христиане — Хабаш, Хаватме и другие. Другая серьезная причина состояла в чуждости их радикальной идеологии арабским массам и верхам. Арафат был более "понятен". Поэтому приход АНД к террору был, в конечном счете, тоже вполне закономерным.

мед Джабриль снова, как и 15 лет назад, нашли пристанище в Сирии и снова, как тогда, составили лагерь "идейных" противников Арафата (о своей "марксистско-ленинской идеологии арабского пролетариата" они говорят теперь только в крохотном кругу пыльных молодых интеллектуалов, да и то — в перерывах между очередными террористическими операциями). К ним присоединился Абу Муса, бывший командир отрядов Фатх в Южном Ливане, оскорбленный небрежным отношением к нему Арафата. Все они выступают против "нового" курса главы ООП и, конечно же, покровительствует им в этом все та же Сирия, по-прежнему плетущая свои антииорданские и антиегипетские интриги.

Кажется, что ничего не изменилось в арабском мире и что его история по-прежнему движется по кругу, как слепой вол, тяжело ворочающий спицы водяного колеса. И вот уже третье поколение палестинской молодежи, зачарованное демагогической риторикой постаревших лидеров, приносит жизнь и кровь — свою и чужую — на алтарь "освободительной" борьбы, то бишь терроризма. И эта кровь цементирует миф палестинской "национальной истории". Вплоть до наших дней, когда в ходе многомесячных волнений на Западном берегу, так называемой — и так широко разрекламированной — "интифады", она щедрой рекой льется на улицах и дорогах Иудеи, Самарии и Газы.

Эта кровь реальна. Но реальна и кровь мирных израильских граждан, стариков, женщин, детей, погибших в эти же годы. Взорванных террористами в самолетах, застреленных возле своих школ, сожженных в своих автомашинах, зарубленных топором на арабских базарах или зарезанных на улицах восточного Иерусалима. Окруженный врагами, стремящимися его деморализовать, запугать и в конце концов уничтожить, Израиль не может не обороняться. И в этой обороне, длящейся уже сорок с лишним лет, на передовой линии всегда был и остается — Мосад. Вернемся же к истории этой героической и справедливой обороны. Предоставим непостижимому будущему поставить точку в биографии Ясера Арафата и других. А сами займемся более скромным делом — нашим прерванным рассказом об израильской разведке.

Все изложенное до сих пор, включая историю Мосада до мюнхенской трагедии, было, в сущности, лишь затянувшимся предисловием. События, о которых мы действительно намеревались рассказать, начались через полтора месяца после Мюнхена. Можно даже назвать точную дату — 16 октября 1972 года. В этот день был убит первый человек из намеченных к ликвидации по плану операции "Возмездие". Его звали Вадал Цвайтер.

Познакомьтесь с убитым. Вот он идет через Пьяцца Аннибалиано, приближаясь к семиэтажному зданию на углу, где расположен бар "Триесте", — невысокий, худощавый человек тридцати с лишним лет. В одной руке у него бумажный мешок с продуктами и бутылкой вина. Эти продукты и вино он купил в лавочке на углу. Он покупает их там каждый вечер, вот уже несколько лет подряд, это его привычка. Он забыл, что привычки опасны — они помогают выследить человека.

Вот он возвращается к себе домой. Подмышкой у него зажат томик арабского издания "Тысячи и одной ночи". Он в хорошем настроении. Только что он побывал у старой знакомой, которой читал свой перевод арабских сказок на итальянский язык. Сейчас он еще позволит

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

из бара "Триесте" по двум-трем номерам (телефон в его квартире испорчен) и отправится домой ужинать. Он неторопливо пересекает площадь, наслаждаясь вечерней тишиной и прохладой. Взгляд рассеянно скользит вокруг, не задерживаясь на привычных деталях. Зеленый "Фиат", стоящий на углу Виале Эритреа, не привлекает его внимания. Человек за рулем "Фиата" читает газету — видимо, кого-то ждет. Рядом с ним дремлет другой. Возле дверей бара "Триесте" стоит коричневая машина спортивного вида. Девушка за рулем о чем-то спорит со своим спутником, парнем в белой рубашке, подчеркивающей смуглое лицо. Наверно, убеждает его заглянуть в бар. Вот она выскакивает из машины, машет кому-то рукой и исчезает в дверях бара. Человек с бумажным мешком входит туда вслед за ней. В ту же минуту водитель зеленого "Фиата" дает резкий гудок — вероятно, ему надоело ждать.

Человек с бумажным мешком выходит из бара и направляется к своему подъезду. Следом за ним бредет какая-то пожилая пара. Подойдя к двери подъезда, пара резко останавливается, шарахается и круто поворачивает назад.

Что их испугало? Сквозь застекленную дверь пробивается тусклый свет. Ему показалось или там действительно движутся какие-то тени? Человек толкает дверь ногой, придерживает ее плечом и входит в вестибюль. Он забыл, что тускло освещенные подъезды опасны — они помогают подстеречь человека.

— Господин Цвайтер?

Человек с бумажным мешком оборачивается. Он хочет сказать: "Да" — но что-то его удерживает. Может быть, эти двое подозрительно одинаково одеты. Может быть, они как-то странно стоят. Может быть, их вопрос кажется ему настораживающим. Как бы то ни было, он хрипло отвечает: "Нет!" — и делает шаг назад, к двери. Но двое у лифта одновременно, как на учении, поворачиваются к нему вполоборота, их ноги раздвигаются в боевой стойке, правые руки исчезают в карманах и появляются оттуда с револьверами, левые поднимаются для упора. В гулкой тишине подъезда даже почти беззвучные выстрелы кажутся оглушительными.

Человек с бумажным мешком опрокидывается спиной на дверь, в его глазах ужас. Он сползает спиной по стеклу. Его глаза уже остекленели. Он лежит в луже крови, как растерзанная ватная игрушка. Один из стрелявших наклоняется к нему, всматривается и удовлетворенно кивает головой. Второй осторожно переступает

через тело, открывает дверь, прислушивается. Потом они оба выходят.

Парень и девушка в коричневой машине увлеченно целуются, не обращая внимания на небольшую толпу зевак, которые окружили влюбленную пару и оживленно комментируют их поведение. Никто не замечает появившихся из подъезда людей, которые неуклюже прижимают на бегу правые руки к телу, чтобы скрыть оружие. Дверца зеленого "Фиата" открывается, пропуская их на заднее сиденье, "Фиат" резко стартует с места и тут же исчезает за поворотом Виале Эритреа. И почти тотчас коричневая машина с "влюбленными" с ревом устремляется вслед за ним. Зеваки разочарованно расходятся. На площади снова пустынно и тихо. Никто не услышал выстрелов, никто не заметил внешности людей, появившихся из третьего подъезда. Единственный свидетель произошедшего лежит в вестибюле, продырявленный двенадцатью пулями. Бумажный мешок лежит рядом с ним, из разбитой бутылки сочится вино, смешиваясь с ручейком крови, который медленно течет из-под двери на тротуар.

К тому времени, когда итальянская полиция обнаруживает труп, а потом — брошенную зеленую машину и в ней — единственное "вещественное доказательство", стреляную гильзу, выпавшую, очевидно, из кармана стрелявшего, люди, встретившие Вадала Цвайтера в его подъезде, давно уже в воздухе. Они летят рейсом Неаполь—Париж — два смуглых молодых человека в одинаковых костюмах, с одинаковыми деловыми чемоданчиками вместо багажа. Один из них дремлет, полуприкрыв глаза, другой что-то подсчитывает на клочке бумажки. Потом второй отрывается от своих подсчетов и говорит:

- Знаешь, во сколько он нам обошелся?
 - Кто? — не открывая глаз, переспрашивает первый.
 - Цвайтер. Я подсчитал — ровно триста пятьдесят тысяч долларов. Если так пойдет дальше...
 - Дальше пойдет легче,— успокаивает его первый.
- Но в его голосе нет особой уверенности.

Меир Амит вышел в отставку в конце 1969 года. Его сменил генерал Цви Замир — высокий, худой человек с продолговатым, узким лицом немецкого офицера. В действительности Замир был родом из Польши, и за его плечами была блестящая карьера в армии обороны Израиля. Это многообещавшая карьера была пре-

рвана в 45 лет назначением на пост руководителя Мосада, "мемуне". Многие в Мосаде считали, что "Цвика" никогда не сумеет дотянуть до уровня Меира Амига. Но точно так же говорили об Амиге, когда он сменил Исера Харэля. Три года спустя даже самые заядлые скептики признавали, что Цвика ни в чем не уступает легендарным Харэлю и Амигу, а в чем-то, быть может, даже превосходит их. Израильской разведке, как правило, везло на блестящих руководителей. Впрочем, это могло быть не только везение.

Именно Цвике Замиру выпало на долю присутствовать при последних атаках мюнхенской трагедии. Он прибыл в Олимпийскую деревню, когда террористы "Черного сентября" уже вывезли захваченных израильских спортсменов на аэродром. Замир добрался до аэродрома в машине министра иностранных дел Геншера. Там, стоя в диспетчерской башне, он был беспомощным свидетелем гибели заложников. В тот же день он вернулся в Израиль. На следующий день он уже отчитывался перед кабинетом министров. Вместе с ним на заседании присутствовал руководитель военной разведки генерал Аарон Ярив.

Разгневанная Голда Меир обрушилась на руководителей Мосада и Амана, обвиняя их в преступной непредусмотрительности. Она требовала немедленно положить конец палестинскому террору. Ей вторили другие министры. Замир отвечал последний. Он сказал:

— Мы делаем все возможное, чтобы защитить израильские самолеты, их пассажиров и вообще всех израильтян за границей и в пределах страны от нападения террористов. Но полностью исключить эти нападения невозможно. Для этого следовало бы окружить Израиль сплошной стеной и не высовывать из-за нее носа. На это не пойдет ни один уважающий себя народ. Поэтому я вижу единственную альтернативу...

— Какую? — нетерпеливо перебил кто-то из присутствующих.

— Сыграть с террористами на их собственном поле их собственными методами. Выйти им навстречу...

Два дня спустя Голда Меир утвердила план операции "Возмездие", представленный Замиром. В помощь Цвике был назначен генерал Ярив. Вдвоем они должны были подготовить и провести эту самую большую в истории Мосада операцию.

— У него имя на "А", у тебя — на "Зет", — сказала Голда. — Вы вдвоем покрываете весь алфавит, так что у вас есть все необходимое для успеха...

Это была одна из нечастых попыток Голды сострить. Обычно шутки ей не удавались. Эта тоже не была из самых блестящих.

Мне никогда не довелось встречать генерала Замира. Но Аарона Ярива я видел неоднократно. Последний раз это было во время недавней международной конференции по терроризму, которая происходила летом минувшего года в Тель-Авиве. Шло пленарное заседание, посвященное вопросу: как действовать в ситуации захвата террористами заложников? — погрузневший, почти квадратный Меир Амит, сидя в президиуме, рубил воздух ладонью в такт своим отрывистым фразам: "Не уступать... Никаких компромиссов... Использовать переговоры лишь для подготовки операции по освобождению... Использовать прессу для создания "дымовой завесы" ложных слухов... Атаковать..." Невысокий, сугубо штатского вида Ярив сидел рядом с Амитом и медленно, молча кивал после каждой фразы, словно соглашаясь с коллегой. Потом, в перерыве, его окружили западные эксперты по борьбе с террором, и Ярив, известный своей словоохотливостью, начал с ними оживленно что-то обсуждать. Я не решился подойти поближе. Эти люди были заняты делом — быть может, одним из важнейших в наши дни: попыткой обуздать стоглавую гидру международного терроризма. Тем самым делом, которое Ярив и Замир начали своей операцией "Возмездие" четырнадцать лет назад.

Впрочем, это не вполне верно. Ни одна операция не начинается на пустом месте. У всех у них есть корни, уходящие в прошлое. Вот и в данном случае нити будущей "Великой охоты" вели далеко назад, в ставшие уже баснословными 50-е годы.

В пьесе Нелли Гутиной "Шоу" есть замечательная фраза. Ее герой, Террорист, говорит журналистам: "Вы думаете, в начале было Слово? Черта с два! В начале был Взрыв!"

У истоков нашего мира действительно был взрыв — во всяком случае, так считают физики, предпочитающие Эйнштейна евангелиям. Они даже придумали для этого взрыва свое профессиональное название — в их теориях он именуется "Биг-Банг". Но сейчас речь идет о другом взрыве — о том, который и должен иметь в виду профессиональный Террорист. Потому что в начале нашей истории действительно был взрыв. А точнее — даже два.

Давид Шауль был родом из Ирака и, может быть, поэтому внешне весьма напоминал араба: те же черные усы на смуглом лице и та же маслянистая волоокость в выпуклых глазах. Йошафат

Гаркави был иерусалимцем в бесчисленном поколении и внешне напоминал еврейского интеллектуала, каким и был в действительности: высокий лоб под полукругом седеющих волос и умные, живые глаза под четко очерченными бровями. Давид Шауль был лейтенантом израильской армии, а генерал Иошафат Гаркави по прозвищу "Толстяк" был руководителем израильской военной разведки Аман, так что единственным сходным у них было, пожалуй, лишь одинаково блестящее знание арабского языка и обычаев. Шауль приобрел это знание за годы жизни в Ираке, а Гаркави — за годы учебы в Еврейском университете и последующей работы, которые принесли ему репутацию одного из лучших арабистов Израиля.

В этот день Гаркави был озабочен. Он только что принял руководство Аманом и перед ним стояла тяжелая задача. В последние месяцы палестинские фedaины, базировавшиеся в Газе, резко активизировали свои диверсии на территории Израиля, и Гаркави было поручено отсечь руку, направлявшую действия диверсантов. Беда была в том, что он не знал, чья это рука.

Он пригласил Шауля сесть и начал долго, пристально его рассматривать. Шауль сел и начал пристально рассматривать ленивый дымок своей египетской сигареты.

— Я хочу предложить тебе перейти в Аман,— сказал наконец Гаркави.— Мне нужен свой человек среди фedaинов.

— Они недоверчивы, — помолчав, заметил Шауль. — Они хорошо знают друг друга и не доверяют чужим.

— Вот именно, — кивнул Гаркави. — Поэтому нашему человеку придется внедряться постепенно. Очень постепенно. На это могут уйти годы.

— Ну, что ж, — спокойно согласился Шауль, — годы, так годы. У меня как раз сейчас нет никаких срочных дел...

Одиннадцать месяцев спустя, в июле 1956 года, в израильскую полицию в Ашкелоне явился палестинский диверсант. Его звали Тавлука, он только что перешел границу в районе Газы и у него в кармане был зашифрованный отчет сержанта египетской армии Ваддада, который Ваддад приказал доставить "Толстяку". Пока Тавлука беседовал с тремя офицерами Амана, отчет Ваддада—Шауля двигался своими путями. Вскоре он уже лег на стол к Иошафату Гаркави.

Шифровка сообщала все, что Гаркави хотел знать о действиях

федаинов, и даже немного больше. Кроме фамилий федаинских руководителей — полковника Мустафы Хафеза с египетской стороны и полковника Салеха Мустафы с иорданской, она излагала подробности разработки и организации операций, сведения о главных федаинских группах и даже некоторые полезные детали личного свойства. Шауль докладывал, что полковник Хафез, например, отличается стремлением лично вмешиваться во все детали штабной работы, а полковник Мустафа имеет близких знакомых в штаб-квартире ООН в иорданском Иерусалиме. Шауль сообщал эти детали "на всякий случай" — а вдруг они окажутся полезными. Такими они и оказались.

12 июля того же года Тавлука был послан в обратный путь через границу с пакетом, адресованным (по-арабски, конечно) лейтенанту эль-Ахаби, начальнику египетской комендатуры в Газе, и с устными инструкциями во что бы то ни стало добиваться личного свидания с лейтенантом. Как и ожидалось, полковник Хафез немедленно заинтересовался странным поведением и требованием вернувшегося "с операции" федаина. Он затребовал подозрительный пакет к себе. Он решил лично вскрыть этот пакет.

На следующий день египетские газеты "с прискорбием" сообщили, что "герой борьбы за освобождение Палестины полковник Хафез погиб при выполнении боевого задания, подорвавшись на израильской mine". В его честь улица Французская в Александрии была переименована в улицу Хафеза. В тот же день сержант Ваддад выехал по делам в Иерусалим. Но об этом газеты, конечно не сообщали. Мало ли в египетской армии сержантов и мало ли у них дел в Иерусалиме!

Две недели спустя, ранним утром 25 июля, полковник Мустафа приказал подать к своему дому машину, чтобы отправиться в генеральный штаб. Двигатель уже прогрелся, когда полковнику подали в открытое окно машины пакет, только что прибывший от его давнего знакомого из иерусалимской штаб-квартиры ООН и запечатанный всеми положенными ооновскими печатями. Полковник вскрыл печати и развернул бумагу. В пакете оказалась вышедшая недавно по-английски книга бывшего гитлеровского фельдмаршала фон Рунштедта "Полководец и человек". Полковник Мустафа заинтересованно раскрыл книгу. Это было последнее, что он успел сделать в своей сорокалетней жизни. Взрыв поднял его машину в воздух. Гулкое эхо еще долго грохотало в узких переулках Аммана.

Начавшаяся вскоре Синайская кампания вытеснила эти события из памяти современников. Но они до сих пор непременно упоминаются во всех книгах об израильской разведке, как первая попытка Мосада "выйти навстречу" противнику и сыграть с ним "игру" его же методами. Эта попытка имела продолжение, непосредственно связанное с "Великой охотой".

22 июля 1968 года невысокий человек в монашеском одеянии вошел в помещение израильской авиакомпании "Эль-Аль" в Риме. Он предъявил три паспорта — свой, индийский, и двух своих друзей из Ирана — и попросил три билета на рейс Рим—Тель-Авив, отправлявшийся на следующий день.

23 июля, за несколько минут до конца посадки, трое смуглых молодых людей заняли свои места в салоне первого класса. Через двадцать минут после взлета они поднялись и направились в сторону кабины пилотов. Помощник командира корабля, повернувшийся на звук открываемой двери, был убит выстрелом в лицо. Командир, подчиняясь приказу, подкрепленному дулом револьвера, развернул машину в сторону Алжира. Спустя несколько часов самолет совершил вынужденную посадку в алжирском аэропорту. Все пассажиры-израильтяне были увезены с поля в военной машине. Трое террористов, укrywшиеся под покровительством алжирских властей, объявили пассажиров заложниками и потребовали в обмен на их освобождение выпустить арестованных бойцов ООП, содержавшихся в израильских тюрьмах. Израильское правительство вынуждено было уступить. Пятнадцать опасных террористов были доставлены в Алжир. Сорок дней спустя заложники были возвращены в Израиль.

Это была первая из растянувшейся на четыре года серии воздушных террористических операций, запланированных и осуществленных группами Хабаща, Хаватме и Джибриля. Целью этих операций было блокировать Израиль на суше и в воздухе, уничтожить израильтян, где только удастся и как только возможно, и доказать им их уязвимость даже на их собственной территории.

Такое положение было бы нетерпимо для любой страны. Израиль должен был ответить. С этого момента события приняли характер необъявленной войны: палестинский удар — израильский ответ — новый удар — новый ответ. Через пять месяцев после римского похищения двое террористов Хабаща атаковали израильский са-

молет на летном поле в Афинах: один пассажир был убит, две стюардессы получили легкие ранения. Четыре дня спустя израильские вертолеты высадили группу десантников в бейрутском аэропорту. Пока их командир, полковник Рафаэль Эйтан, проследовал в зал ожидания, где попросил у буфетчицы чашечку кофе, десантники методично и неторопливо уничтожали все арабские самолеты, стоявшие на летном поле. Допив кофе, Эйтан вышел из зала ожидания, осмотрел догорающие фюзеляжи и, удовлетворившись результатами операции, скомандовал возвращение. Вертолеты с десантниками ушли в сторону Израиля. На следующий день арабская печать истерически взывала, и этот вой продолжался до тех пор, пока не сменился воплями восторга в адрес террористов, которые в начале февраля 1969 года атаковали израильский самолет в Цюрихе. Атакующие были встречены огнем Мосадовских агентов, с недавнего времени защищавших все израильские самолеты, и покушение удалось сорвать. Но в августе террористы сумели похитить и посадить в Сирии самолет авиакомпании "Тивизэй", следовавший на Израиль, и с этого момента успех изменил израильтянам. В сентябре были брошены бомбы в израильские посольства в Гааге и Бонне, в ноябре бомба взорвалась в очереди к стойке "Эль-Аль" в Афинах, а в феврале следующего, 1970 года была атакована стойка "Эль-Аль" в Мюнхене. В тот же день был взорван в воздухе — вместе со всеми пассажирами — следовавший в Израиль швейцарский самолет и была предпринята попытка взорвать самолет австрийских авиалиний, следовавший аналогичным рейсом. В мае было захвачено израильское посольство в Бангкоке. На сей раз израильтяне проявили предельную твердость, и террористы сдались, освободив заложников. Но в июле они взяли реванш, похитив самолет авиакомпании "Олимпик", а в сентябре добились самого впечатляющего за три года этой необъявленной войны успеха, похитив и посадив в Иорданской пустыне одновременно три авиалайнера, общее количество пассажиров на которых превышало четыреста человек.

Это переполнило чашу терпения иорданских властей. Террористы распоряжались в Иордании, как у себя дома, и были близки к тому, чтобы свергнуть короля Хуссейна и объявить страну своим владением. Через несколько дней после взрыва захваченных террористами самолетов бедуинская армия Хуссейна, поддерживаемая танками и авиацией, обрушилась на базы террористов и лагеря палестинских беженцев. Десятки тысяч палестинцев, все террористи-

ческие банды и их главари бежали в Ливан. Это кровавое изгнание 1970 года вошло в историю палестинского движения под названием "Черного сентября".

Год спустя иорданский премьер-министр Таль, прибывший с официальным визитом в Египте, был застрелен неизвестными на ступенях каирской мечети. Ответственность за убийство взяла на себя доселе неизвестная палестинская террористическая группа "Черный сентябрь".

В течение нескольких последующих месяцев "Черный сентябрь" быстро выдвинулся на одно из первых мест в списке самых опасных террористических организаций мира, — наряду с группами Хабаша, Хаватме и Джбриля. Только в феврале 1972 года люди "Черного сентября" взорвали нефтехранилища в Гамбурге и Роттердаме, атаковали западногерманскую фабрику, производившую электромоторы для Израиля, предприняли два похищения самолетов (одно из них удачное, второе нет) и казнили пятерых иорданцев в подвале одного из домов в Бонне, подозревая их (по всей видимости, справедливо) в том, что они являются агентами короля Хуссейна. Для начала "Черный сентябрь" предпочитал "упражняться" в Европе, опасаясь атаковать собственно израильские цели. Но 8 мая 1972 года четверо "сентябристов", двое мужчин и две женщины, захватили самолет авиакомпании "Сабена", следовавший рейсом Вена—Тель-Авив, заставили капитана посадить его в аэропорту Луд и, объявив пассажиров заложниками, потребовали освобождения сотен палестинских террористов, находившихся в израильских тюрьмах.

Израильские командос, переодетые авиамеханиками, атаковали самолет. Они убили террористов-мужчин и захватили женщин. К счастью, те не успели взорвать приготовленные заряды. Пассажиры были спасены. "Черный сентябрь" потерпел сокрушительное поражение. Было очевидно, что террористы попытаются взять реванш.

Неделю спустя Вадад попросил о неотложной встрече. Он сообщил, что Хабаш созвал в лагере беженцев под Триполи конференцию нескольких террористических групп для координации антиизраильских действий. Со стороны группы Хабаша руководство этими действиями поручено члену Центрального командования этой группы Хассану Канафани (западные журна-

листы в Бейруте знали его как "безобидного" арабского "интеллектуала", выступившего со статьями в защиту "палестинского дела") и его заместителю Басаму Абу Шарифу. Со стороны "Черного сентября", который подчиняется непосредственно соратнику Арафата Абу Ййаду, возглавить разработку совместных операций должны были руководитель группы Мохаммед эль-Наджар, его заместитель Камаль Адван и начальник "оперативного отдела" Али Хасан Саламе.

Спустя несколько лет сведения Ваддада о "Черном сентябре" оказали Мосаду громадную службу. Но в данный момент они не смогли предотвратить удары террористов. У Мосада уже не оставалось времени. 30 мая 1972 года произошло побоище в аэропорту Луд. Три молодых японца, прибывших самолетом "Эр Франс", атаковали пассажиров в зале прибытия, и убили 25 человек, в том числе 16 католиков-пилигримов из Пуэрто-Рико. Еще 78 человек получили серьезные ранения.

Потрясенный мир не мог оправиться от шока. Японцы, убивающие пуэрториканцев в Израиле, — это не укладывалось в сознании. В этом было что-то от безумной бессмыслицы. В действительности, однако, за этим скрывался глубокий смысл. Группа Хабаша и "Черный сентябрь", нанявшие убийц из "Сикегун" (организации, известной также под названием "Японская Красная армия") и наметившие план их действий, прекрасно понимали, чего хотят. Удар, нанесенный в самом Израиле, был эффектным ответом на провал с "Сабеной".

Через два дня последовал ответный израильский удар. В Бейруте, с помощью дистанционно управляемой бомбы, была взорвана машина Хассана Канафани вместе с ее владельцем. Еще через 6 недель пакет, доставленный в бейрутскую виллу его заместителя Абу Шарифа, взорвался, когда хозяин виллы начал его распаковывать. Но у террористов был в запасе очередной ответ: в начале августа они успешно осуществили свою следующую совместную операцию, на этот раз в Риме. Две молодые английские туристки, направлявшиеся в Израиль, получили в подарок от своих "случайных" римских знакомых-арабов небольшой японский магнитофон, в корпусе которого — о чем они, конечно, не догадывались — находились 800 граммов пластиковой взрывчатки и манометрический взрыватель, который должен был сработать по достижении самолетом определенной высоты. К счастью, туристки сдали магни-

тофон в багаж, а багажные отделения израильских самолетов с недавнего времени стали предусмотрительно обшивать бронированными плитами. Поэтому когда в брюхе лайнера раздался оглушительный взрыв и самолет начал терять высоту, капитан — в прошлом боевой летчик — сумел выиграть несколько драгоценных минут. Он немедленно дал сигнал тревоги в римский аэропорт, и пока там спешно расчищали воздушный коридор для идущей на экстренную посадку машины, пошел в пике, как будто управлял своим прежним истребителем. Через шесть минут изуродованная машина благополучно приземлилась на летном поле в Риме.

А еще через две недели, 5 сентября, разразилась мюнхенская трагедия.

Когда Голда Меир заявила с трибуны кнессета, что Израиль будет со всей решительностью преследовать террористов всюду, где сможет их обнаружить, это было воспринято, скорее, как утешительная декларация. Только посвященные — и прежде всего, Замир и Ярив — знали, что это был в действительности официальный сигнал начала "Великой охоты".

Задача "Охоты" состояла не только в том, чтобы выследить террористов. И даже не просто в том, чтобы их уничтожить. Главное было в том, чтобы разрушить их оперативную сеть, которая позволяла террористам планировать и осуществлять свои кровавые операции. А это требовало ликвидации не второстепенных, не случайных исполнителей, а главных организаторов террора.

Сами лидеры террористических групп были надежно укрыты на территории арабских стран. Они вели себя с крайней предусмотрительностью, были окружены телохранителями, их маршруты держались в глубокой тайне, местонахождение их штаб-квартир было величайшим секретом. Атаковать их "в лоб" означало послать атакующую группу на верное самоубийство. К тому же это не имело особого смысла — кроме, разве что, чисто демонстративного. Главные лидеры терроризма не занимались планированием операций — они делали "большую политику". Разумеется, их неплохо было бы изловить и предать открытому суду, и Мосад в течение ряда лет предпринял несколько попыток перехвата арабских самолетов, на которых, как предполагалось, должны были бы следовать Хабаш, Хаватме и другие главари, — но все эти попытки окончились неудачей: агентурные данные оказывались ошибочными. Любопытно, что Ясер Арафат никогда не был объектом подоб-

ных планов, хотя он не раз похвалялся, что находится на первом месте в израильском "списке на уничтожение".

Такой список действительно лежал перед Замиром и Яривом, когда они приступали к планированию операции "Возмездие", но в нем не было не только имени Арафата, но и имен Хабаша, Хаватме, Джбриля и других им подобных. Список включал лишь имена террористов "второго эшелона", — но зато именно тех, кто по израильским данным, с величайшим трудом собранным за истекшие годы, непосредственно отвечал за организацию террористических операций таких групп, как "Народный фронт освобождения Палестины", "Черный сентябрь" и другие.

Открывали список руководители операций "Черного сентября" — Мохаммед Наджар и Кемаль Адван, отвечавший за террористические акции внутри Израиля. За ними следовали Али Хасан Саламе и его помощник Абу Дауд, которые вместе планировали мюнхенскую операцию. Данные о них были получены благодаря Шаулю-Ваддаду и его сети "информаторов" в арабских странах. Далее шли имена людей, роль которых в палестинской террористической сети стала известной Мосаду из других источников. Источники эти были разнообразны. Какие-то крохи информации доставили европейские евреи, добровольно сотрудничавшие с агентами Мосада на местах. Кое-что удалось узнать благодаря сотрудничеству израильской разведки с разведками и полициями других стран. Многие установили агенты Мосада, специально посланные для наблюдения за подозрительными палестинцами, обосновавшимися в Европе. Информация из всех этих источников стекалась в Мосад. Тут она анализировалась, сопоставлялась и уточнялась. Постепенно перед Замиром и Яривом начала вырисовываться картина сложной и разветвленной террористической сети, охватившей почти все главные европейские столицы. В каждой из них находились один или несколько резидентов палестинского террористического движения, в задачу которых входила подготовка порученных им операций, подбор людей, снабжение их оружием, взрывчаткой и фальшивыми документами, организация "выхода" убийц на террористическую акцию и путей отступления. Резиденты имели широкие контакты с европейскими террористическими группами, вроде "Красных бригад", группы Баадер-Майнхоф или ИРА.

Следовало нанести удар по узловым точкам этой сети. Для этого нужно было тщательно предумать список "кандидатов".

Когда в июле 1968 года итальянская полиция занялась делом угнанного в Алжир израильского самолета, она задержала множество обосновавшихся в Риме арабов. Все они были допрошены, проверены и — выпущены на свободу. Против них не оказалось никаких серьезных улик.

Данные этого расследования вскоре стали известны Мосаду. Внимание израильтян привлекла личность одного из задержанных палестинцев. Это был молодой поэт, проживавший в Риме вот уже 12 лет и служивший в последнее время переводчиком в ливийском посольстве. Он был весьма активен в европейских левых и палестинских кругах, а кроме того, как выяснилось на допросе, "имел честь" быть близким родственником "самого" Арафата. В Риме он был чем-то вроде неофициального представителя ООП и с немалым успехом пропагандировал идеи этой организации в итальянских радикальных кругах.

Начиная с 1968 года, Мосад установил негласное наблюдение за этим человеком. На всякий случай. Время от времени людям Мосада, оказавшимся в Риме, давалось задание проследить за маршрутами его перемещений, его связями и знакомствами. Удалось кое-что установить, выяснилось, в частности, что у него есть постоянная любовница. Выяснились и другие любопытные подробности. Но главное приоткрылось лишь много позже, в августе 1972 года, после неудавшейся попытки террористов взорвать израильский самолет над Римом. Было установлено, что в дни, предшествовавшие этой акции, "Объект" вошел в тесный контакт с ее исполнителями — тремя молодыми террористами, позднее скрывшимися в Алжире.

Так, в результате четырех лет терпеливой слежки Мосад вышел, наконец, на наиболее вероятного резидента террористов в Риме, — невысокого, худощавого палестинского поэта тридцати с лишним лет, Вадала Цвайтера.

Данные Ваддада заставили руководителей Мосада обратить более пристальное внимание на Кипр. Ни для кого не было секретом, что палестинские террористы довольно свободно орудуют на острове, пользуясь контактами с греческими кипристами. Новым в сообщении Ваддада было то, что Никозия используется как место контактов. Это предположение надлежало тщательно проверить.

Здесь на помощь Мосаду пришла счастливая случайность. Эту случайность звали Шмидт. История Альберта Шмидта, романтична и загадочна, как на заказ. Утверждают, что он родился в еврей-

ской семье, но в раннем детстве потерял родителей, отправленных в нацистский концлагерь, и был усыновлен семьей немецких христиан. Он вырос, не зная своего происхождения. В студенческие годы он увлекся, как многие, политикой и вскоре оказался в кругах, связанных с группой Баадер-Майнхоф. Затем последовал удар: приемные родители рассказали ему, что он еврей. Утверждают, что именно это было причиной произошедшего в нем душевного перелома. Так или иначе, он отправился в Израиль и здесь предложил свои услуги израильской разведке. Мосад направил Шмидта обратно в Европу — на этот раз уже как своего информатора. Его неутомимая кротовья работа вскоре позволила израильтянам собрать — и передать западногерманским коллегам — обширные сведения о группе Баадер-Майнхоф и, в частности, — о ее широких международных связях. Следуя за этой ариадниной нитью, Мосад в конце концов вышел и на главного палестинского резидента на Кипре. Им оказался Хуссейн Абад аль-Шир, постоянно проживавший в отеле "Олимпик" в Никозии.

Слежка за аль-Широм вскоре подтвердила подозрения Мосада. Она позволила также установить личность помощника аль-Шира, Зайяда Мухейси, часто курсировавшего между Никозией, Бейрутом и Афинами.

Но самая серьезная группа организаторов палестинского террора обосновалась, как выяснилось, в Париже. Выявление и ликвидация этой группы были делом рук одного-единственного человека — Баруха Коэна.

Барух Коэн родился в 1935 году в Хайфе. Он вырос в тесном соседстве с местными арабами и с детства научился понимать и уважать их язык и обычаи. Его старший брат Иуда погиб во время Войны за Независимость. В 17 лет Барух начал свое сотрудничество в Мосаде. К 1970 он уже считался одним из самых блестящих мосадовских агентов. В июле этого года его, вместе с женой и двумя детьми, послали в Брюссель. В штате тамошнего израильского посольства он числился на незначительной дипломатической должности под именем Моше Ишая. Истинной его задачей была координация действий всех мосадовских агентов в Европе, занятых выявлением палестинской террористической сети. Коэн быстро сумел наладить контакты с некоторыми не очень принципиальными арабами, которые — за соответствующую плату, разумеется, — согласились добывать для него нужную информацию.

Говорят, что любая, самая хорошо законспирированная подпольная организация становится уязвимой, когда выходит на операцию. Именно это произошло в марте 1971 года, когда парижское палестинское подполье вышло из укрытия, чтобы провести атаку на израильские объекты. Сведения о готовящейся атаке вскоре поступили к Баруху Козну через одного из его "информаторов" в Брюсселе. Долгие месяцы, в течение которых он "культивировал" свои арабские контакты, окупились с лихвой. В Иерусалим ушло сообщение, что в ближайшие дни две девушки должны доставить в Израиль взрывчатку на одном из самолетов авиакомпании "Эр Франс". Увы, ни имен, ни внешности "курьеров" Козн не знал. Две девушки приятной наружности — вот все, что сумел сообщить ему "информатор".

В течение нескольких последующих дней паспортная и таможенная службы в аэропорту Луд дотошно проверяли всех мало-мальски симпатичных женщин, прибывавших в Израиль из Европы. Наконец, 11 апреля эти усилия принесли плоды. Среди прочих пассажиров, прибывших рейсом "Эр Франс" из Парижа, выделялись две ослепительные красавицы, очень похожие друг на друга и даже одевшиеся как будто в одном магазине. Что особенно насторожило сотрудника Мосада, стоявшего на паспортном контроле, — эта та старательность, с которой они подчеркивали, будто не имеют никакого отношения друг к другу. Быстро перебрав в уме возможные варианты действий, сотрудник остановился на "гамбите" — стандартной процедуре, предусматривающей жертву одной фигуры для атаки на другую. Он пропустил одну из девушек беспрепятственно, но — придравшись к какой-то мелкой формальности — задержал другую. Расчет оправдался: первая красавица вернулась выяснить, что произошло со второй. Тогда была задержана и она.

Согласно паспортам (конечно, фальшивым), они были француженки — Даниэла Риве и Мартина Гарсиа. В их чемоданах были обнаружены сотни фунтов взрывчатки. Пакеты со взрывчаткой были прикреплены пластырем также на их телах, под одеждой.

Они оказались сестрами, Марленой и Надией Барделли, из богатой марокканской семьи. Изобличенные обнаруженной у них взрывчаткой, обе сестры стали давать показания с такой скоростью, что за ними едва поспевал магнитофон. Согласно этим показаниям, они должны были встретить в Тель-Авиве пожилую французскую пару, Пьера и Эдит Бургхалтер, чтобы передать им свой "багаж". В тот же день супруги Бургхалтер были арестованы. С их помощью

удалось выйти на руководителя этой странной террористической группы, 26-летнюю Эвелин Бараджи, известную своими связями с группой Баадер-Майнхоф и причастностью к многочисленным террористическим акциям в Европе.

Но главной "добычей" Мосада в истории Барделли было имя человека, который запланировал и организовал эту неудачную операцию. Им оказался известный в парижских артистических кругах алжирский интеллеktуал, директор независимого авангардистского театра Мохаммед Будия. Он давно уже был знаком французской полиции, как участник алжирского Фронта Национального Сопротивления в 50-х годах и близкий друг руководителя Фронта Бен-Беллы. В 1959 году он был арестован французами в Алжире, но в 1962 году, когда Алжир получил независимость, вышел из тюрьмы и был немедленно назначен директором алжирского Национального театра. Однако в 1965 году, когда соратник Бен-Беллы Бумедьен совершил в Алжире государственный переворот, Будия вынужден был бежать из страны. Он отправился в Буэнос-Айрес. Будия вернулся в Париж, где быстро обрел репутацию талантливого режиссера-авангардиста и блестящего левого интеллектуала. Свою театральную и "интеллектуальную" деятельность он совмещал с тщательно скрываемой работой главного резидента ООП во Франции.

Получив эти сведения, Барух Коэн направил своих людей по следам Будии. Вскоре ему удалось установить имена других членов парижской группы — доктора Махмуда Хамшари, который осуществлял связь между Будией и Бейрутом, и профессора аль-Кубайси из Американского университета в Бейруте, который, под прикрытием своих лекционных поездок в Европу, регулярно доставлял в Париж взрывчатку и другие "высоко интеллектуальные" материалы.

Осенью 1972 года, через пять дней после мюнхенской трагедии и через три дня после разрешения действовать, полученного от Голды Меир, Замир и Ярив окончательно согласовали список "кандидатов". Кандидатов на что? На уничтожение, разумеется. На ликвидацию.

Не было ли это превышением полномочий разведки? Не было ли это преступлением против закона? Имеет ли право правительство суверенной страны санкционировать "охоту за людьми"? Не

противоречит ли это нормам государства, объявляющего себя демократическим?

Вопросы эти обсуждались не только в израильском руководстве. Они сотни раз ставились впоследствии в западной печати, поднимались в дискуссиях, снова и снова предьявлялись израильским представителям за рубежом. Левоевропейские радикальные круги отвечали на них однозначно. В лучшем случае они проводили знак равенства между "группами уничтожения" Мосада и террористами: и те, и другие убивают, пользуясь одними и теми же методами.

Методы действительно были сходны. Израильцы первыми взяли на вооружение изобретенный еще в 1910 году неким шотландским инженером "почтовый пакет со взрывчаткой". С помощью таких пакетов были ликвидированы в 1956 году организаторы федаинских диверсий полковники Хафез и Мустафа. Позднее этот способ использовал Харэль, когда пытался вынудить немецких ученых отказаться от участия в египетской ракетной программе. В конце 60-х годов террористы перехватили этот прием у израильтян, и с тех пор Мосад отказался от "взрывающейся почты". Но палестинцы от него не отказались — 19 сентября 1972 года они использовали его для убийства израильского дипломата в Лондоне.

Мосад однако перешел к иной технике, впервые опробованной в Бейруте, против Хассана Канафани, — к дистанционно управляемым бомбам. Разумеется, палестинцы быстро освоили и этот прием. Они стали применять его широко и неразборчиво, в основном — против гражданских целей и мирных людей, выдавая их затем за "военные объекты" и "израильских агентов".

И все время на вооружении обеих сторон оставался старый, испытанный метод уничтожения — выстрел из револьвера.

Да, методы были одинаковые. Разными — принципиально разными — были мотивы. Террористы нападали. Израиль защищался. И все это происходило на глазах равнодушного мира, который полагал, что "его это не касается". А когда "касалось" — как в случае захвата западных авиалайнеров — винил, прежде всего, Израиль. За "неуступчивость". За "излишнюю жестокость". Мало ли в чем можно обвинить евреев. Обвиняли же их позже в нефтяном кризисе.

Конечно, можно сказать, что палестинцы вели "национально-освободительную борьбу". И так говорили. Особенно в арабской и левой европейской прессе. Эта словесная дымовая завеса сби-

вала многих с толку. Она заслоняла тот простой и очевидный факт, что "борцы за свободу" почему-то упорно избирали своими мишенями мирных людей — женщин, стариков, туристов, просто прохожих. Детей в Маалоте. Паломников в Луде. Здравый смысл не мог найти никаких оправданий этим бессмысленным убийствам. Но газеты продолжали называть обыкновенных убийц "революционными борцами за освобождение Палестины".

В этих "объяснениях" была изрядная доля лицемерия и цинизма. Например, знаменитая британская радиовещательная корпорация Би-Би-Си, всегда и охотно декларировавшая свою "независимость", вменяла в обязанность всем своим новым сотрудникам изучить специальный "Словарь радиожурналиста корпорации", в котором указывалось, что ирландских боевиков, убивающих английских граждан, следует именовать "террористами", а вот палестинских убийц из Маалота — "партизанами". "Герильей". Я видел этот словарь, я сам его читал — он оставался в силе даже в конце 70-х годов.

Мир был равнодушен, — как и в дни еврейской Катастрофы. И опять, как в те дни, евреи чувствовали себя защищающими свою жизнь в одиночку. Их преследовали и убивали на Ближнем Востоке, в Европе и в самом Израиле, с дьявольской изобретательностью и кровавой изощренностью, без разбора и сожаления, с садистским удовольствием и торжествующим злорадством. Казалось, что вернулись времена гетто и погромов.

Могут сказать: "Вы преувеличиваете! С одной стороны, целое государство, как-никак, с армией, полицией, разведкой, а с другой — банда плохо вооруженных террористов..." Но человеческая психология не принимает такие аргументы. Люди воспринимают ситуацию применительно к себе, своим близким, своим детям. Они испытывают унижение, отчаяние, страх, бессилие, и им нет дела до того, что убийцы немногочисленны, а Армия обороны Израиля насчитывает десятки тысяч человек. На счету трех (!) японцев в Луде было 25 убитых и 78 раненых!

Ни один народ не может жить в таком унижении и страхе. Он перестает "звучать гордо". Чтобы не сломаться окончательно, он должен распрямиться. Вернуть себе веру в то, что преступники могут быть найдены, опознаны и наказаны. В те годы западный мир еще не понимал той жгучей жажды возмездия, которая владела тогда буквально всеми израильтянами — от рядовых граждан до

премьер-министра. Сегодня, зализывая собственные раны, западный мир это уже, кажется понимает.

Так обстояло дело с моральной стороной вопроса. Практическая же его сторона была куда более очевидна. Государство имеет не только право, но и долг защищаться от банды взбесившихся преступников. Демократическое государство — тем более. Ибо эта банда — сознательно и бессознательно — работала и работает и сейчас на подрыв демократии в мире. Защищая себя, Израиль защищал демократический Запад. Сегодня, оглядываясь назад, можно с уверенностью сказать, что если бы не отчаянная, в одиночку, сцепив зубы, борьба израильтян с международным терроризмом, успехи этого терроризма были бы ныне гораздо серьезнее.

А что касается методов — что ж, они диктуются обстоятельствами. В данном случае их выбрал сам противник. Террористы создали высоко профессиональную, тщательно законспирированную международную сеть убийства и уничтожения, на счету которой к концу 1972 года числилось уже несколько тысяч (!) жертв. Эту сеть необходимо было любой ценой ликвидировать.*

Оставались технические детали. Наметить подлежащие ликвидации "узлы", создать "группы уничтожения", разработать план каждой "операции" — и начать "охотничий сезон".

Много лет спустя Авнер, израильский "шпион, который пришел с холода", бывший руководитель одной из таких групп, рассказал об этой "Великой охоте" американскому журналисту Ионасу. Если вы помните, с этого мы начали весь наш рассказ. С этого мы его теперь продолжим.

Человек, в распоряжение которого Замир на следующий день откомандировал Авнера, был высокий, худой, профессорского вида мужчина лет сорока, с ранней сединой в густой шевелюре.

**) В некоторых книгах об израильской разведке можно прочесть, будто Мосад руководствовался исключительно жаждой мести: отсюда, мол, и название операции — "Возмездие", и количество намеченных целей — по числу погибших в Мюнхене израильских спортсменов. Жажда справедливого возмездия, действительно, была существенным — но не главным мотивом: по разным данным, число убитых в "Великой охоте" ведущих террористов варьирует от 11-ти до 15-ти, так что принцип "око за око", при всей его журналистской эффектности, был в данном случае подчинен весьма прозаическим военно-разведывательным соображениям.*

Губы его были изломаны трагической гримасой, но в глазах играло насмешливое веселье.

— Ты можешь называть меня Эфраим,— сказал он.— Я буду твоим куратором. У тебя, наверно, сотни вопросов, я даже не знаю, смогу ли на все ответить. Поэтому не начать ли нам с кофе?

Они начали с кофе в небольшом кафе на тель-авивской набережной.

— Поговорим о деле,— сказал Эфраим, откинувшись на стуле.— Мы создаем несколько ударных групп для действий в Европе. Их задача — разрушить террористическую сеть. Идея тут простая. В чем сила террористов? Они не составляют регулярную армию, их невозможно атаковать и разбить в открытом сражении. В чем слабость? В том же самом...

Авнер подумал, что у Эфраима не только вид профессорский. Он подходил к делу издали, основательно, словно читал лекцию студентам.

— Их сеть,— продолжал Эфраим,— держится на нескольких центральных узлах и соединяющих эти узлы линиях связи и доставки. Удали один узел — ты нарушишь всю сеть. Убери одного узлового человека, и ты надолго сорвешь им игру.

— Появится другой...— заметил Авнер.

— Это требует времени. Профессиональный террорист-организатор — это умный и искусный фанатик. Большинство людей не фанатики. И большинство фанатиков не умны и не искусны. Чтобы подготовить профессионального организатора, нужны годы. Вдобавок, если появится новый, ему придется налаживать нарушенную сеть. А для этого ему придется открыться. Тогда мы сможем убрать и его... И вообще, ты не думал о ногтях?

— О каких ногтях? — растерянно переспросил Авнер.

— Ну, ногти ведь тоже отрастают. Но это же не причина, чтобы их не подстригать...

Авнер пожал плечами. Это соображение ему не приходило в голову.

— Теперь — о группе. Вас будет пятеро...

— Специалист по взрывчатке,— задумчиво начал перечислять Авнер,— специалист по документам, один по связи, я и еще один, который будет стрелять... Так?

— Что значит — "который будет стрелять"? — удивился Эфраим.

— А ты сам не умеешь стрелять, что ли? Тебя в армии не научили стрелять?

Авнер сконфуженно молчал.

— Мы учим людей стрелять, — безжалостно продолжал Эфраим.
— Мы учим их пользоваться автоматом, подкладывать бомбы, орудовать ножом. Но мы никого не учим убивать. У нас нет специалистов по убийству.

Авнер опустил голову. Только теперь он до конца осознал, что ему предстоит.

— Я понимаю, это нелегко, — опять заговорил Эфраим. — Не думай, будто я не понимаю. Но я вот что хотел тебе сказать... Ты помнишь Гутфрейнда, тренера по борьбе, которого они убили в Мюнхене? Здоровый такой мужик... я с ним был знаком. У него были две дочери. В 67-м он спас в Синае дюжину египетских солдат, которые умирали от жажды. В Мюнхене они всадили в него четыре пули. А перед этим связали, понимаешь? Представь себе, что ты нашел человека, который это сделал. Скажем, в Амстердаме. Он сидит в кафе и пьет кофе, а ты стоишь у окна и у тебя в руках револьвер. Понимаешь, я не могу приказать тебе выстрелить. Никто не может, верно? Я не виню тебя. У тебя трясутся руки, ты не в состоянии. Ну, что ж, нет — значит нет. Только не говори мне, что для этого надо быть "специалистом по убийству". Если ты можешь это сделать, если ты сознаешь, что это **нужно** сделать, тебе не нужна никакая тренировка.

— Я понял, — сказал Авнер, впервые поднимая голову и глядя ему в лицо. — Я думаю, что я смогу.

— Я знаю, что ты сможешь, — улыбнулся Эфраим. — Я ни минуты в этом не сомневался. Иначе ты бы здесь не сидел...

20 сентября Авнер вылетел в Женеву. Он снял комнату в отеле "Дю Миди", заказал в гараже место для своей будущей машины и открыл в банке два счета. На один он положил чисто номинальную сумму, на другой — израильское банковское распоряжение, открывавшее ему кредит на четверть миллиона долларов. С этого счета он немедленно снял пятьдесят тысяч наличными и закрыл их в заказанном для этого личном сейфе. Первый счет был для его зарплаты и личных расходов, второй — для расходов на операции группы. Никто не мог заранее предсказать, во что выльются оперативные расходы. Сколько стоит убить человека? Кажется, что для этого достаточно девяти граммов свинца. Но иногда к ним нужно добавить десятки тысяч долларов — на информаторов, на разъезды, на машины, на документы, на слежку...

”Меня не устраивает просто убийство, — говорил Эфраим на встрече с группой. — Убийство одного террориста должно запугать других. Если вы просто стреляете в человека, когда он открыт, доступен, не защищен, этого недостаточно. Другие скажут: э, Ахмед был дурак, он был неосторожен, израильтяне его хлопнули, но я — я не такой, я буду осторожен, меня не поймаешь... Но если вы ликвидируете своего человека в таком месте, где он ощущает себя в безопасности, в неожиданном месте, в необычных обстоятельствах — это другое дело. Тогда другие скажут: смотри, у этих евреев длинная рука! Если уж они сумели укокошить Ахмеда в таком месте, таким способом, то они, пожалуй, могут добраться и до меня...”

Кажется, чего проще: идет по улице намеченный человек; подойди к нему сзади и выстрели в него. Выстрели дважды для верности. И все.

А как узнать, что это — именно тот человек. Как подойти к нему незамеченным? Как обойтись без лишних свидетелей? Как покинуть место убийства, не оставив следов? И вообще, начнем с начала — как разыскать нужного человека в огромном городе? Ведь не стоит же он на центральной площади с плакатом: ”Я Ахмед. Ты — Авнер?”

Это значит: нужна предварительная слежка. Знакомство с маршрутами. Изучение привычек. Анализ всех возможных ситуаций. Выбор самых оптимальных. Разработка наилучшего варианта. Обеспечение транспорта. Выяснение путей отхода. Расстановка в нужных местах своих людей и запасных машин.

На все это нужно множество людей, времени — и денег. Деньги у Авнера теперь были. Людей он должен был найти сам. Времени у него не было.

И вдобавок, были еще эти бесконечные ограничения, которые Эфраим терпеливо вдалбливал в головы членам авнеровской группы. ”Хорошо, допустим, вы все подготовили, все предусмотрели. Вы вышли на цель. И в последнюю минуту рядом с ней оказываются посторонние люди. Вопрос: что делать? Ответ: ничего! Я хочу, чтобы вы меня хорошо поняли. Ответ: ничего. Операция отменяется. Ликвидация не состоится. Запомните: вы не террористы, которые из убийства мирных людей делают театральное представление. Вы даже не пилоты, которые должны отбомбиться — и ничего не поделаешь, если при этом погибнет несколько лишних людей. Ваша операция должна быть чистой. Она должна быть хи-

руггически безупречной: один выстрел — один маньяк, садист или убийца детей. Если при этом погибнут невинные люди, все ваше дело пойдет насмарку. Запомните это. Если вы увидите рядом с ним его девушку — не трогайте его. Если рядом с ним стоит хозяйка лавочки, где он покупает продукты, — не трогайте его. Даже если вы готовились несколько месяцев и сегодня ваш величайший шанс, но рядом с ним оказался случайный прохожий — не трогайте его. Вы найдете его завтра. А если не его, так другого...”

”А что, если этот случайный прохожий вытащит револьвер?” — спросил кто-то из группы.

”Тогда он уже не случайный прохожий, не так ли?” — И Эфраим улыбнулся своей трагической улыбкой. — ”Есть еще вопросы?”

У Авнера был вопрос. Последний.

”Вот этот список, который ты нам дал... Мы — единственная группа, которой поручено всех их ликвидировать?”

Эфраим пристально посмотрел на него.

”На этот вопрос я не уполномочен отвечать, — сказал он после небольшой паузы. — Впрочем, я и не знаю ответа на него”.

Через три недели после мюнхенской трагедии ”группы уничтожения”, подготовленные Замиром и Яривом, были готовы к открытию ”охотничьего сезона”.

Высший взлет зачастую предвещает последующее снижение, на вершине все пути, увы, ведут вниз, и в некоторых победах кроются семена будущих поражений. Это общеизвестно, и тем не менее всегда поражает, особенно современников. Вот только что, под руками, вполне осязаемая, была великая империя: победные знамена, триумфальные марши, венценосные вожди — и вдруг, без всякой видимой причины, все начинает крошиться под пальцами и на глазах уходит в прошлое, в ностальгические “былые времена”...

Если, однако, взглядеться в недавнее без ностальгии, можно обнаружить, что уже тогда не все было благополучно в королевстве датском.

Когда в 1972 году генерал Аарон Ярив покинул Аман, его преемником был назначен Эли Зейра, один из самых блестящих в прошлом командиров израильской армии, позже — военный атташе в Вашингтоне, еще позже — заместитель Ярива. В армии Зейра проявил исключительную храбрость, в дипломатических делах — столь же исключительную целеустремленность, и во многих других отношениях казался идеальным кандидатом на пост руководителя военной разведки. Людей, которые были недовольны его назначением, можно было пересчитать по паль-

ГЛАВА ПЯТАЯ

цам. Примечательно, однако, что одним из них был сам Ярив. Узнав о назначении Зейры, он мрачно предсказал: "Теперь мы полным ходом идем к катастрофе: нашу военную машину возглавляют три человека, ни один из которых не знает, что такое сомнения и страх..."

Первым из этих "трех" был знаменитый Моше Даян, бесстрашный и решительный министр обороны в кабинете Голды Меир — человек, сжигаемый честолюбием, убежденный в своей исключительности, но увы — лишенный принципов и морали. Между тем даже политику эти качества иногда необходимы.

Вторым был начальник генерального штаба израильской армии, многими любимый и еще более многими уважаемый Давид Элазар. В свое время он был выдающимся танковым командиром, и в этом качестве обнаружил замечательную способность принимать молниеносные — и точные! — решения на поле боя. Свою склонность к безоглядной решимости Элазар перенес и в генштаб: это именно он, в начале 1973 года, когда ливийский пассажирский авиалайнер случайно пересек воздушную границу Израиля, отдал приказ о его немедленном уничтожении. В сложной политической обстановке Элазар не размышлял — он действовал. Как в молниеносном танковом бою. Возможно, он просто не умел иначе.

Зейра воплощал совсем другую разновидность безоглядности. Он принес с собой в Аман так называемую "Концепцию" и со всей своей целеустремленностью следовал ей. Грубо говоря, эта концепция сводилась к утверждению, что арабские страны не готовы к совместной войне против Израиля; если же война все же вспыхнет, она завершится в самый кратчайший срок разгромом арабов на их территории.

Вскоре Зейра сделал свою "Концепцию" почти обязательной в Амане. Его подчиненные научились видеть свою основную служебную задачу в том, чтобы поступающая информация подтверждала взгляды начальства. И соответственно доклады Зейры в генштаб составлялись так, чтобы не оставлять места сомнениям в его правоте. Уже после войны Судного дня Зейра однажды сказал: "Задача разведки — дать командованию четкие и однозначные оценки ситуации, даже если это влечет за собой иногда риск ошибки". Кто сознательно стремится к однозначности, легко ее достигает: в ходе расследования ошибок войны Давид Элазар с понятным изумлением узнал, что к нему не поступили свыше двухсот сообщений израильских агентов о приближении египетской атаки.

К началу войны Элазар и Даян были полностью убеждены в непогрешимости "Концепции". Вслед за ними к этому склонился весь кабинет.

Что произошло с прославленной израильской разведкой? Куда девались ее осторожность, инициатива, изобретательность, самоотверженность? Когда успели восторжествовать бюрократический стиль и бюрократическая импотенция?

В годы становления Израиля его разведка тоже была "пионерской" — первопролагательницей новых и дерзких путей. Этим она стяжала себе славу одной из лучших в мире. И уж во всяком случае самой нестандартной.

Но разведка менялась вместе со своим государством. В ней происходило то же, что во всей стране, — огосударствление; то, что Бен-Гурион называл своим излюбленным словечком "мамлахтиют". Мамлахтиют означал не только усиление и упрочение государства и его институтов; с другой стороны, он неизбежно сопровождался ростом роли больших и малых партий, всевозможных групп интересов и давлений и попросту "мафий"; он влек за собой рутинизацию мышления и обююкращивание действий. Израиль вступил в процесс превращения в "государство, как все" — с той, пожалуй, единственной разницей, что его общество все еще сохраняло мощный заряд былых "пионерских" традиций. Вот почему процесс "огосударствления" сопровождался глубокими конфликтами и тяжелейшими общественными травмами — достаточно назвать три из них: дело Лавона, войну Судного дня и войну в Ливане. Ни одна из сторон не одержала в этих конфликтах решающей победы: конечно, государственность всякий раз выходила из них еще более сильной, но и общество более или менее сохраняло свои позиции. В конечном счете, сложилась парадоксальная ситуация: при всей своей "бюрократизованности" сверху, Израиль в то же время остался страной самой высокой в демократическом мире гражданской активности, порой доходящей до анархии. Устойчивость этого парадоксального состояния была обеспечена тем, что все стороны конфликта: государство, партии, движения, группы и даже отдельные граждане — как бы заключили некий молчаливый "общественный договор" (увы, не по Руссо), по которому каждому разрешалось "немножко игнорировать" закон ради своих интересов — "личных", "коллективных", "национальных", "идеологических" или "государствен-

ных". В той или иной мере это происходит в любой демократической стране. Весь вопрос в данном случае — в мере.

1 октября 1973 года лейтенант разведки Южного округа Симан-Тов доложил по начальству, что поступающие агентурные данные говорят о неизбежности войны в самые ближайшие дни. Начальник разведки Южного округа игнорировал сообщение Симан-Това. 2 октября командующий Южным округом генерал Гонен объявил состояние готовности в своих частях. Однако когда он предложил Элазару поднять армию по тревоге, его предложение было отвергнуто. 3 октября на заседании кабинета командующий Северным округом генерал Хофи сообщил о перемещении сирийских ракет к израильской границе; Зейра не присутствовал на заседании по болезни, но его заместитель Шалев убедил собравшихся, что опасения Хофи безосновательны. 4 октября ЦРУ уведомило израильских коллег, что по мнению американских агентов война неизбежна; Зейра ответил рассерженным докладом, в котором предлагал прямо противоположную трактовку тех же данных. 5 октября Абба Эвен и Киссинджер встретились в Вашингтоне и успешно убеждали друг друга в безосновательности "панических настроений"; при этом каждый приводил собеседнику доводы из одного и того же доклада Зейры, поступившего к ним по разным каналам. В ночь на 6 октября были получены сообщения двух израильских агентов с предупреждением о готовящейся атаке, а на рассвете поступило донесение третьего, который извещал, что египетское наступление начнется в шесть часов вечера того же дня. Лишь тогда Зейра заколебался в своей уверенности, и Давид Элазар начал поднимать армию по тревоге; но было уже поздно: слишком многие получили увольнения по случаю Судного дня, и слишком мало оставалось времени для разворачивания громоздкой военной машины. В тот же день Зейра созвал журналистов, чтобы сообщить "об изменении ситуации"; но когда он начал говорить, ему подали телефонограмму — он прочел ее, изменился в лице и, помолчав, сказал: "Пресс-конференция окончена..." Он еще не знал, что в этот миг кончилась и его служебная карьера. После войны комиссия Аграната отстранила от должности и начальника Амана, и всех его непосредственных подчиненных. Но это было после...

Прощаясь со своими сотрудниками, Зейра пытался оправдаться. "Разведка,— сказал он,— тяжелое дело: она требует умения предсказывать..." Один из бывших помощников Ярива полковник

Харевен заметил на это: "Разведка не должна предсказывать, она должна знать — противника и его намерения. Но это знание никогда не может быть четким и однозначным, поэтому в работе разведки всегда должно оставаться место сомнению и критике. Если сомнение и критика заглушаются, разведка не может справиться со своим делом..."

Со временем слова Харевена были забыты — вероятно, потому, что методы Зейры были "проще" и "эффективнее". Или казались кое-кому такими. Но вернемся к нашему сюжету, застрявшему где-то в последних месяцах 1972-го — первых месяцах 1973-го годов, предшествовавших войне Судного дня.

То были самые черные месяцы в истории израильской разведки. Египтяне и сирийцы начисто переиграли ее на ее же собственном поле: они широко и искусно использовали все мыслимые виды дезинформации, и Аман послушно проглотил эту наживку.

А что же прославленный Мосад? Где был Цвика Замир и его легендарные разведчики?

Замир всегда был против "концепции" Зейры. Но его сомнения звучали глухо и неубедительно, и голос его был почти не слышен. А главное состояло в том, что в эти месяцы все силы Мосада, почти весь его наличный состав, были сосредоточены на операции "Возмездие", утвержденной Голдой Меир вскоре после мюнхенской трагедии. Ее задачей была ликвидация виновников трагедии — главарей "Черного сентября". На эту операцию были брошены сразу несколько мосадовских групп.

Одной из групп была группа Авнера. И первым ее "объектом" был "представитель" "Черного сентября" в Риме Вазль Цвайтер.

План выглядел следующим образом. Группа прибывает в Рим 8 октября. Во избежание подозрений она расселяется по разным гостиницам; сам Авнер будет находиться в Остии и руководить оттуда всей операцией, непосредственно подключаясь к ней лишь на последней фазе. Роберт устанавливает контакт с продавцами оружия и фальшивых документов на черном рынке и обеспечивает группу всем необходимым для ликвидации "объекта" и последующего отхода — тремя "Береттами-22" и пятью фиктивными паспортами. Стив организует наблюдение за "объектом". Ганс занимается организацией транспорта: для операции необходимы, по меньшей мере, три машины. Карл репетирует прикрытие: выходит на место ликвидации сразу после отхода группы, уничто-

жает все оставшиеся, возможно, следы, наблюдает за действиями полиции и покидает сцену на последней машине.

Самым узким местом плана были люди: группы наблюдения и слежки, водители машин, "вспомогательный" персонал — в общей сложности, по подсчетам Авнера, двадцать человек. В группе было всего пять, и все они были так или иначе задействованы в самой ликвидации. Зато у Авнера были деньги. А в том тайном мире, куда они вышли на свой "свободный поиск" и где организованный террор тесно переплелся со столь же организованной преступностью, деньги решали все — или почти все. Потому что вдобавок к деньгам нужны были еще и "полезные связи".

Такие связи у Авнера тоже были.

Рассчитывать на слепую удачу не приходится, и потому опытный разведчик предпочитает свою удачу целенаправленно и терпеливо выискивать и выращивать — так опытный журналист ищет и культивирует те знакомства, которые со временем могут стать источником сенсационной информации.

В детстве Авнер прожил несколько лет во Франкфурте — у отца были там мосадовские "дела". Позже, сам став сотрудником Мосада и часто бывая в "командировках" в Европе, Авнер решил, что полезно было бы возобновить некоторые франкфуртские знакомства — личные контакты "работе" никак не повредят. Среди друзей его франкфуртского детства был некий Андреас — белобрысый, худенький мальчик из богатой немецкой семьи. Авнер разыскал его и договорился о встрече. Это оказалось нетрудно — Андреас с восторгом встретил "блудного друга". Он изменился, и Авнер вряд ли узнал бы его, но помогла неожиданность: он опознал в нем одного из тех людей, которых ему показывали на фотографиях в Мосаде, во время изучения европейской террористической сети. "Его" Андреас был теперь членом знаменитой группы Баадер-Майнхоф — не самым известным, конечно, но достаточно заметным, чтобы попасть в картотеку израильской разведки. Такой контакт, понятно, надлежало бережно сохранять и выращивать, и в последующие годы Авнер старался встречаться с Андреасом всякий раз, когда "дела фирмы", как он туманно объяснял другу детства, приводили его во Франкфурт.

Теперь, в сентябре 1972 года, остановившись по пути в Рим в Женеве, Авнер в тот же день набрал знакомый уже наизусть номер. Голос его звучал озабоченно и отрывисто:

– Андреас? У меня непредвиденные осложнения...
– В чем дело?
– Не стоит распространяться по телефону...
– Хочешь повидаться?
– Это затруднительно.
– Тебе нужны деньги?
– Деньги как раз у меня есть. А вот надежный человек не помешал бы...

– Ты в Женеве? Хорошо. Вот тебе телефон, спроси Ленцлингера, скажи, что ты от меня. Ленцлингер поможет. Можешь ему довериться...

Ленцлингер оказался низеньким тихим человечком с мягкими повадками и опасным блеском в глазах. Он запросил по тысяче долларов за каждый револьвер и по три тысячи – за каждый фиктивный паспорт. Авнер обещал “подумать”.

Три дня спустя он появился во Франкфурте. Андреас встретил его с непривычной в их отношениях почтительностью, почти по-добострастием.

– Ленцлингер говорит, что ты набираешь целую армию, – со смешком сказал он. – И не жалеешь денег... Я не спрашиваю, какие у тебя трудности, и готов тебе помочь, но, понимаешь, у меня у самого в последнее время возникли финансовые сложности, и если бы ты смог...

– Что за вопрос?! – воскликнул Авнер. – Ты мне, я тебе. Сколько тебе надо?

– Ну, скажем, сто тысяч, – осторожно назвал цифру Андреас и тут же заторопился. – Но если тебе это трудно, я могу обойтись пятьюдесятью...

– Сейчас я могу дать тебе только пятьдесят, – подумав, сказал Авнер. – Остальные получишь потом. Но мне нужен надежный человек в Риме. Вроде Ленцлингера. Который знает ходы и выходы. Есть у тебя такой?

– Есть, не беспокойся, – заверил Андреас. – Его зовут Тони. Я могу организовать тебе встречу с ним.

Авнер вынул из бумажника толстую пачку денег.

Тони был следующей ступенькой лестницы. В иерархии подпольного мира он явно стоял выше Андреаса – это Авнер понял сразу, едва увидел его. Тони был одет как джентльмен, двигал-

ся бесшумно, как хищник в джунглях, и говорил по-английски с сильным итальянским акцентом.

— Вас интересуют арабы? — переспросил он, рассматривая на просвет бокал с вином. Они ужинали в римском ресторане. — У меня есть кое-какие связи в здешней арабской общине. Кстати, там как раз началось какое-то шевеление — кажется, опять набирают людей к Арафату...

— И кто этим занимается? — лениво поинтересовался Авнер. Тони насмешливо взглянул на него.

— Этим занимается человек по имени Цвайтер, — сказал он, вытирая губы салфеткой. — Он вам нужен? Андреас сказал, что вы хорошо платите. Я могу организовать для вас небольшую слежку за этим Цвайтером, но это будет вам стоить сто тысяч...

Тони организовал плотную слежку за Цвайтером. Тони добыл необходимые Авнеру машины и обеспечил молчаливых, начисто лишенных любопытства водителей. Сам Тони тоже не интересовался планами "клиента". А Авнер не собирался его в них посвящать.

Последний раз они встретились 15 октября, накануне дня, на который Авнер наметил ликвидацию "объекта".

— Тут сто тысяч, — сказал Авнер, протягивая через стол тугую пачку купюр. — Но я не рассчитал: мне понадобится еще одна машина. Причем такая, которую можно было бы бросить по дороге, не вызывая потом подозрений.

— Хорошо, — равнодушно согласился Тони, — я возьму для вас машину напрокат, у меня есть знакомое агентство. Но это будет стоить вам еще десять тысяч. Нет, нет, не мне, — он ленивым жестом руки остановил Авнера, который полез было в карман. — Я дам вам номер телефона в Париже... вы ведь, кажется, собираетесь в Париж?... спросите Луи и передадите ему эти деньги. Скажете — от Тони. О-кей?

Авнер не удивился. В этом тайном мире мастера темных дел передавали друг другу выгодных клиентов, интересуясь не столько их политическими или идеологическими мотивами, сколько, прежде всего, состоянием их кошельков. Как в мире явного бизнеса, здесь существовал свой рынок и свой товар — только товаром здесь были оружие, наркотики, фальшивые документы и люди. Люди, которых нужно было "убрать", и люди, готовые "убрать" — за соответствующую плату, разумеется. Не случайно именно в этом мире раскинул свои сети всемирный организо-

ванный терроризм. Эти сети были сплетены из тысяч нитей: кроме "солидных", уже завоевавших международную "репутацию" "фирм", вроде ООП или банды Баадер-Майнхоф, тут действовали мириады более мелких, полуанархических и анархических групп, список которых толщиной превзошел бы иной телефонный справочник и включал бы в себя все мыслимые географические названия, национальные определения и политические оттенки. Некоторые из них называли себя религиозными, другие националистическими, третьи — чисто политическими, одни именовали себя марксистскими, другие выступали против всякого "авторитаризма", были среди них прокитайские и антитурецкие, просоветские и антиамериканские, сепаратистские и великодержавные, коммунистические и троцкистские, это был настоящий универсум идеологий, программ и политических философий, только методы у всех были одни и те же — террористические. Проникнуть в эту сеть со стороны было необычайно трудно: нужно было стать в ней "своим". Но выдать себя за новую террористическую организацию нечего было и думать: не говоря уже о моральной стороне дела, это было неосуществимо практически — хотя бы потому, что деньги, которые у Авнера были, должны были заменить время, которое ему не было дано. Операция "Возмездие" была рассчитана на кратчайший срок — пока в памяти людей не изгладилась мюнхенская трагедия; поэтому действовать надлежало быстро, по собственному разумению и в соответствии с обстановкой на месте. Конечно, такая тактика, да еще когда в операции задействовано сразу несколько групп, зачастую сопряжена с ошибками и провалами. И "встроенные пороки" этой тактики "свободного поиска", да и всей стратегии Мосада со временем не могли не сказаться, — но это случилось позднее. Поначалу операция "Возмездие" разворачивалась в согласии с исходным планом, а план этот предполагал, что каждая группа будет сама выбирать свои методы. Вот почему группа Авнера внедрялась в подполье под видом "вольных стрелков" — этаких предприимчивых ребят без особых политических симпатий и антипатий, взявшихся — по им одним известным причинам — устранить тех или иных "нежелательных" людей. Им повезло — они нашли в подполье "профессионалов", которые работали с подобной "клиентурой", и эти дельцы начали передавать их друг другу по цепочке. Андреас передал их Тони, Тони вывел их на Луи. 16 октября, ликвидировав Цвайтера в Риме, они вылетели

в Париж, где по "списку Мосада" числились еще три "объекта", подлежащих ликвидации — Хамшари, Кубайси и Будия. Чего они не знали — так это того, что за теми же людьми охотится другая мозадовская группа.

К концу 1972 года агентурная сеть Баруха Коэна составляла внушительную силу. Она раскинулась по всей Бельгии, Франции и Испании. Коэну удалось завербовать несколько десятков ценных "информантов" в палестинской и арабской среде, и он неуклонно стягивал свою сеть вокруг Мухаммада Будии — эlegantного руководителя парижского авангардистского театра, по совместительству — главного организатора палестинского терроризма в Европе.

Коэн надеялся заманить Будию в ловушку и взять его живьем. Приказ начать операцию "Возмездие" нарушил эти планы и вынудил Коэна заторопиться. В результате, его люди повели себя не вполне осторожно — они стали спешить и дергать своих "информантов". И человек, за которым они охотились, это ощутил.

В конце года помощник Коэна, молодой Офир Цадок, получил сообщения одного из "информантов", в котором тот намекал на "важные новости" и просил о личной встрече в одном из брюссельских кафе. Цадок, ни минуты не задумываясь, согласился. Более того — он пошел на встречу без "контролера", то есть без второго агента, в обязанности которого входило следить, не затягивает ли "контакт" в ловушку.

Офир Цадок выжил по чистой случайности — пуля информанта прошла в нескольких миллиметрах от сердца. Самое странное в этой истории состояло в том, что Мосад не придавал ей особого внимания. Как не придали там особого внимания и второму провалу, произошедшему в той же группе несколько недель спустя, когда один из самых ценных "информантов" Коэна, бывший сирийский журналист Хадер Кано был убит "неизвестными" у себя в номере отеля. В Мосаде торопились и торопили свои группы. И Барух Коэн поставил перед своими людьми задачу — покончить с Будией не позднее января 1973 года.

Если бы ООП имела свое государство, Махмуд Хамшари был бы, наверно, в ранге его посла в Париже, как Будия, вероятно, — в ранге военного атташе. К счастью, такого государства не было, и Хамшари числился просто официальным представителем ООП во Франции, где в его обязанности входило издание информационного бюллетеня "Фатх-информасьон" и контакты с палестинскими

“представителями” в ЮНЕСКО и других международных организациях. Неофициально он был, наряду с Будией, организатором палестинской террористической сети в Европе, и на его личном счету было участие в неудавшейся попытке покушения на Бен-Гуриона в Копенгагене, в подготовке взрыва швейцарского авиалайнера в Цюрихе и в захвате израильских спортсменов в Мюнхене. Он занимал видное место в руководстве организации “Черный сентябрь”. В Париже он жил со своей семьей в собственной квартире на рю д’Алези и вел жизнь respectable политического деятеля. На жаргоне Луи он был “легким объектом” — легким для слежки и для ликвидации.

Луи оказался таким же бесценным помощником, как Тони. Но в отличие от Тони, у Луи были четкие политические взгляды. Он был, так сказать, “гуманистом из подполья”, самозванным “спасителем человечества” с бомбой за пазухой. С первой же встречи он сообщил Авнеру, что мир устроен неправильно; в нем слишком много войн, страданий и нищеты. Поэтому мир следует основательно перестроить. А для этого его нужно столь же основательно почистить. И он, Луи, готов помогать всем, кто такой расчисткой занимается, если только речь не идет о войне или ином умножении общечеловеческих страданий. Его группа согласна помочь Авнеру — за небольшую плату, разумеется: во всяком, самом благородном деле есть свои накладные расходы...

Авнер попросил той же помощи, которую просил у Тони, — в организации слежки и транспорта. Впрочем, на сей раз у него были и дополнительные просьбы. План ликвидации Хамшари отличался определенной сложностью и требовал технической подготовки. Не имело смысла повторять римскую схему — это лишь могло скорее навести полицию на след группы и Мосада в целом, а именно такого развития событий надлежало избегать, как огня. К тому же ликвидация Цвайтера, по мнению группы, не отличалась особой эффективностью и мало кого из палестинцев могла испугать. А испугать их следовало.

Хамшари часами “висел на телефоне”, как того требовали его официальные — и неофициальные — обязанности. Поэтому было решено использовать эту его привычку. Слежка установила и другие привычки “объекта”. По утрам мадам Хамшари отвозила дочь в детский сад, и сам Хамшари оставался в квартире один. Где-то около девяти утра ему обычно звонила любовница, некая Нанетта — выяснить, свободен ли он и состоится ли сегодня их свидание.

Из этого следовало, что самым удобным временем для операции было утро, с восьми до девяти, когда "объект" наверняка находился дома и дожидался звонка, — это гарантировало, что трубку снимет именно он. Телефонная трубка играла важнейшую роль во всем плане операции.

По окончании предварительной слежки Авнер сделал первый ход в своей "игре". Ранним утром неподалеку от дома Хамшари остановился автофургон водопроводной и канализационной компании, и человек в робе водопроводчика начал копать канаву. Никто не обратил внимания на то, что эта канава упорно продвигалась в сторону, где проходил телефонный кабель, питающий квартиру Хамшари.

На следующий день телефон Хамшари начал барахлить. В нем раздавались какие-то отвратительные скрипы и шумы. Потеряв терпение, Хамшари позвонил на подстанцию и попросил прислать монтера.

Хамшари, конечно, не догадывался, что благодаря стараниям "водопроводчика" его телефонный кабель теперь переключен на совершенно иную "подстанцию" — небольшой аппарат, разместившийся в автофургоне, облюбовавшем себе стоянку на углу rue d'Алези. Отсюда уходили в кабель искусственные скрипы и шумы и сюда приходили все вызовы из квартиры Хамшари. Ганс, специалист авнеровской группы по связи, терпеливо слушал все разговоры "объекта", дожидаясь, когда последует звонок с вызовом монтера.

"Монтер" явился безотлагательно. Он поработал несколько часов и "укротил" своенравную трубку. То, что попутно он вделал в нее заряд пластиковой взрывчатки и детонатор, приводившийся в действие радиосигналом особой частоты, осталось, конечно, незамеченным.

Рискованность плана состояла в том, что "снаряжение" трубки приходилось завершить, понятно, заранее, а это оставляло в распоряжении семьи Хамшари весь вечер и ночь. Если бы мадам Хамшари вздумалось вечером кому-то позвонить, и в это время какому-нибудь парижскому радиолюбителю захотелось бы поговорить со своей девушкой на частоте, предусмотренной для детонатора, взрыв произошел бы преждевременно и фатально. Но операций без риска не бывает, и Авнер, скрепя сердце, принял предложенный Робертом план.

Теперь наступала очередь Карла с его респектабельным, "европейским" видом и неизменной трубкой во рту. В тот же вечер он позвонил Хамшари и представился "итальянским журналистом", который хочет взять у него интервью. Они сговорились, что "журналист" позвонит Хамшари еще раз, на следующее утро, около девяти, чтобы окончательно условиться о месте и времени встречи.

Утром 8 декабря автофургон, уже примелькавшийся жителям квартала, снова появился на своем привычном месте. Мадам Хамшари, как обычно, покинула дом вместе с дочерью около восьми. Хамшари, как обычно, остался дожидаться звонка от Нанетты. Карл вышел из фургона и направился к угловому автомату. Когда Хамшари снял трубку, он напомнил о вчерашней беседе и продолжил разговор об интервью с того места, где остановился накануне. У самого уха он слышал дыханье Хамшари и шелестенье бумаги — представитель ООП перелистывал записную книжку, чтобы выяснить, когда он свободен. Карл неторопливо поднял левую руку в условленном жесте. Получив долгожданный сигнал: "Все в порядке!" — Авнер шепнул сидевшему рядом с ним в автофургоне Роберту: "Давай!" — и Роберт повернул рукоятку своей миниатюрной радиостанции. Звон вылетевших из окна стекол был слышен даже на углу.

В те дни, когда группы Авнера и Коэна охотились за своими "объектами" в Париже, третья мосадовская группа была занята аналогичной "охотой" на Кипре. Столица островной республики, Никозия, издавна была предметом пристального внимания Мосада, и израильская разведка постоянно держала здесь своих резидентов. Сейчас им было поручено ликвидировать главного человека ООП на острове — Абада аль-Шира.

Выследить Аль-Шира не составляло особого труда. Он жил в отеле "Олимпик" в Никозии, и маршруты его перемещений были давно и хорошо изучены. Никозийская группа действовала наверняка, без особых ухищрений. Продажность местных гостиничных служащих была притчей во языцах, и проникнуть в номер аль-Шира — за соответствующую взятку — было не так уж трудно. Взрывчатка была заложена под кроватью, провод детонатора был подведен к надкроватной лампе. Ждать результатов тоже пришлось недолго. В тот же вечер аль-Шир вернулся в гостиницу достаточно рано, чтобы еще немного почитать перед сном. Когда он включил лампу над кроватью, детонатор сработал, и кровать, вместе с очередным "объектом", взлетела в воздух.

Две недели спустя информаторы никозийской группы сообщили, что на смену Аль-Ширю прислан его преемник из Бейрута. Это был некий Мухасси. В "списке Мосада" его имя не числилось. Тем не менее было решено ликвидировать и его. Задачей операции "Возмездие" было нарушение террористической сети, а "узел", где пауком сидел аль-Шир, а теперь Мухасси, был в этой сети одним из важнейших.

Мухасси обосновался в Афинах, и слежка за ним была труднее, чем за аль-Широм. В конце концов, однако, он тоже был выслежен и обложен плотным кольцом. Ликвидацию предполагалось провести тем же способом, что в Никозии, благо Мухасси тоже жил в отеле. Но на этот раз операция едва не сорвалась.

Взрывчатка была уже заложена под кровать Мухасси, и детонатор был подключен, но вот с самим "объектом" не все было в порядке. Правда, в гостиницу он вернулся в обычное время, но не один. В черном "Мерседесе", в котором он приехал и который припарковался позади отеля, оставались двое — шофер и незнакомый группе человек, с которым Мухасси о чем-то говорил, выходя из машины. Теперь этот человек ждал в машине, и было непонятно, ждет он возвращения Мухасси из номера или просто докуривает сигарету, размышляя о чем-то своем. Потом свет в номере Мухасси вспыхнул и погас. Но взрыва не последовало. Было очевидно, что детонатор не сработал. Операция срывалась.

В группе нервничали. Мухасси не появлялся. Черный "Мерседес" не двигался с места. Наконец подрывник группы, не выдержав, оставил свой наблюдательный пост и почти бегом направился к отелю. Он исчез в освещенном подъезде, прежде чем его успели остановить. Остальные, забыв об осторожности, бросились за ним.

Они уже вбегали в холл, когда где-то на верхних этажах гулко громыхнул взрыв. К счастью, в холле находился только ночной портье. Увидев направленный на него револьвер, он медленно и осторожно положил телефонную трубку обратно на рычаги. Спустя несколько мгновений двери спустившегося сверху лифта открылись, пропуская подрывника.

— Мне пришлось взорвать этот чертов детонатор вручную, — срывающимся голосом сказал он.

Таща за собой насмерть перепуганного портье, группа бросилась к запасному выходу. В суматохе, вызванной неожиданным

нарушением плана, никто не вспомнил, что именно у этого выхода припарковался черный "Мерседес".

Увидев выбегающих из гостиницы людей, человек в "Мерседесе" неуловимо быстрым движением выхватил из-под плаща револьвер. Но выстрелить он не успел. Двое из группы на бегу всадили в него четыре пули. Они успели еще увидеть, как шофер "Мерседеса" рывком втащил тело в машину, мгновенно захлопнул дверцу и резко взял с места, — но преследовать машину не хотели и не могли — им нужно было покинуть это место до появления полиции.

На следующий день афинские газеты сообщили только о гибели Мухасси. Человек из "Мерседеса" не был даже упомянут.

Ликвидация аль-Шира в Никозии произошла 24 января. А на следующий день, 25-го, из Брюсселя в Мадрид вылетел Барух Коэн. Накануне он получил долгожданное сообщение: давний "информант" докладывал, что в его руках оказались данные, которые могут вывести напрямиком на Будию. "Информант" хотел вручить их Коэну лично и, по причинам, о которых не мог распространяться по телефону, — в Мадриде.

Коэн был опытным разведчиком, но его, как и никозийскую группу, как и группу Авнера, подгонял приказ. На следующее утро он уже вылетел в Мадрид, и ровно в полдень, как было условлено, вошел в просторное, малолюдное в эти часы кафе на одной из самых оживленных и шумных мадридских улиц — авеню Хозе Антонио. Возможно, место встречи показалось ему настолько безопасным, что он, в нарушение всех своих привычек, отправился на встречу без "контролера"; возможно, его просто подстегивало нетерпеливое предвкушение близкого конца столь долгой охоты.

Как бы то ни было, он вошел в кафе, отыскал взглядом "своего человека" и направился к его столику. Свой портфель он положил на колени, чтобы удобнее было неприметно опустить в него бумаги, которые ему передаст "информант". Но вместо бумаг палестинец извлек из кармана револьвер и хладнокровно, как на учении, всадил в Коэна несколько пуль. Барух Коэн, руководитель самой эффективной мозадовской сети в Европе, был сражен наповал.

Будия выиграл этот раунд и едва не выиграл всю игру.

6 апреля наступил черед Мосада. В этот день группа Авнера завершила свою последнюю операцию в Париже. Ее "объектом"

на этот раз был профессор Кубайси — близкий друг доктора Хабаша из "Народного фронта освобождения Палестины" и главный планировщик террористических акций этой организации.

Профессор Кубайси прибыл из Бейрута в Европу с очередным "академическим" визитом и остановился в гостинице на рю де Аркад. Как и положено "интеллектуалу", он вел скромный образ жизни и из дневных поездок возвращался в гостиницу на метро. Такая привычка неизменно приводила его на рю Ройяль, откуда к гостинице вел короткий и обычно безлюдный переулок. Этот переулок и был выбран местом очередной ликвидации. Французские домохозяйства уже с вечера плотно закрывали ставни, поэтому можно было не опасаться любопытствующих взглядов из окон.

Машина, в которой следовали Карл и Стив, обогнала Кубайси на рю Ройяль и дважды коротко мигнула фарами. Авнер и Ганс, притаившиеся у входа в переулок в глубокой тени, получили долгожданный сигнал. Они еще глубже втиснулись в тень, пропуская Кубайси, а затем быстро пошли за ним. Услышав шаги за спиной, Кубайси испуганно обернулся.

— Нет! — крикнул он по-арабски.

— Стреляй! —скомандовал Авнер.

Переступив через свалившееся на тротуар тело Кубайси, они побежали дальше — туда, где у выхода из переулочка их ждал Роберт во второй машине.

В "списке Мосада" было вычеркнуто еще одно имя.

К тому времени разведки европейских стран уже не сомневались, что серия загадочных убийств в Европе — не случайность, а планомерная операция Мосада. Информация об этом проникла в газеты. "Большая охота" переставала быть тайной: она сделалась содержанием сенсационных заголовков и предметом ожесточенных споров и гаданий. Спорили о моральной допустимости "санкционированного государством" убийства, гадали о том, где и кто — израильская разведка или террористы — нанесет очередной удар.

Никто не мог предположить, что следующий удар будет нанесен в Бейруте. Но в действительности бейрутская операция была запланирована в рамках "Большой охоты" с самого начала. На нее была нацелена особая группа Мосада, работавшая в контакте с армией. Израильские резиденты в ливанской столице давно уже получили указание выяснить места проживания руководителей "Черного сентября" и уточнить подходы к их домам. Предполага-

лось, что испуганные "Большой охотой" руководители террористов соберутся на совещание и, скорее всего, в Бейруте. Палестинские организации орудовали здесь почти бесконтрольно. ООП содержала тут целый штаб, размещавшийся на углу улиц Халед бен-аль-Вальд и Рю 68. Тут же неподалеку, как выяснили Мосадовские резиденты, проживали заместитель Арафата, третий человек в ООП и официальный руководитель "Черного сентября" Юсуф аль-Наджар, его заместитель Камаль Адван и представитель ООП по делам прессы Камаль Нассер. Они занимали квартиры на втором и третьем этажах трехэтажного дома по рю Эль-Хартум.

В начале апреля, когда в Париже группа Авнера заканчивала подготовку к ликвидации Кубайси, лидеры "Черного сентября" находились в Бейруте и занимались своими обычными делами. Но 6 апреля, когда к ним поступила весть об убийстве Кубайси, они зашевелились. Агенты Мосада сообщили о необычном оживлении в доме на рю Эль-Хартум. Было впечатление, что там собирается какое-то важное совещание. Ходили слухи, что в нем примут участие резиденты "Черного сентября" в Европе — возможно, и неуловимый Будия, а также еще более скрытный, осторожный и неуловимый Али Хасан Саламе — главный организатор всех операций "Черного сентября", включая мюнхенскую трагедию.

Замир и Ярив отдали приказ на начало действий "бейрутской" группы.

На следующий день шесть агентов Мосада, заранее снабженные соответствующими документами и прикрытием, прибыли в Бейрут под видом европейских туристов. Они прибыли разными рейсами, но с одной и той же целью — арендовать необходимое для предстоящей операции количество подходящих машин.

Глубокой ночью 9 апреля 1973 года двое поздних гуляющих, мужчина и женщина, вышли на Голубиный пляж Бейрута — место, где обычно уединялись ищущие безлюдия пары, — и несколько раз помигали фонариком в темноту моря. Десять минут спустя из темноты появились шесть резиновых лодок с тридцатью израильскими "коммандос" на борту. Это были профессиональные армейские десантники — впрочем, на этот раз все они были переодеты в гражданское, чтобы не выдать свою принадлежность к израильской армии. Со стороны города на пляж въехала первая из арендованных "туристами" машин, и пятеро десантников мгновенно оказались в ней. Машины подходили к берегу с интервалом в три минуты, и через пятнадцать минут "выгрузка" была закончена.

Группа проследовала через район казино и ночных клубов, направляясь к рю Эль-Хартум. Здесь она разделилась. Часть десантников атаковала трехэтажный жилой дом, где проживали Адван, Нассер и эль-Наджар. Их действия не отличались особой изощренностью: они ворвались в дом и, поднимаясь с этажа на этаж, методично прочесывали заранее указанные квартиры. Эль-Наджар был изрешечен автоматной очередью, догнавшей его, когда он пытался спрятаться в соседней комнате; Камаль Нассер был застрелен за письменным столом, где он готовил очередную речь о "справедливости" палестинского терроризма; Адван не успел дотянуться до лежавшего у изголовья автомата.

В это время другая группа десантников завершала захват здания ООП. Защищавшие его террористы были перебиты, документы и бумаги вытащены из шкафов и погружены в машины, в нижних этажах торопливо закладывалась взрывчатка. Освободившиеся от "работы" десантники уже направлялись в сторону складов оружия, принадлежавших ООП и находившихся дальше к северу.

Выстрелы и взрывы, несомненно, должны были привлечь внимание бейрутской полиции, поэтому один из офицеров, руководивших операцией, позвонил по телефону в полицейское управление и на чистом арабском языке, взволнованным голосом, сообщил, назвавшись случайным прохожим, что в районе Эль-Хартум завязалась перестрелка между двумя фракциями палестинских террористов. Получив это сообщение, ливанская полиция почла за благо не вмешиваться в палестинскую "освободительную борьбу".

Бумаг и документов было так много, что пришлось вызывать вертолеты, подготовленные на случай, если придется вывозить раненых. Но раненых не было, — если не считать одного из мосадовских агентов, которому в суматохе прищемили руку дверцей машины. Зато убитых десантников, к несчастью, было двое.

Операция началась в 1.30 ночи. Она закончилась в 3.30. Израильские десантники и "бейрутская" группа Мосада покинули город в резиновых лодках. Убитые, раненый и документы — в вертолетах. Три руководителя "Черного сентября" и около ста рядовых террористов — в гробах (их с почестями хоронили через два дня в Каире). Увы, Будия и Саламе еще раз ускользнули от возмездия.

Начиналось лето 1973 года — последнее "мирное" лето перед войной Судного дня. Но для Мосада оно не было мирным даже в кавычках. Его группы продолжали охоту за террористами на

всем пространстве европейского континента. И в этой охоте они начали нести потери.

Гибель Баруха Коэна была первой из них. Затем в апреле, после ликвидации Мухасси, палестинская террористическая сеть на Кипре — видимо, не вполне выведенная из строя, — предприняла ответный удар и сделала попытку взорвать дом израильского посла и атаковать израильский авиалайнер в никозийском аэропорту. К счастью, обе попытки окончились провалом. Но в мае террористы взяли реванш: смуглая восточная красавица, с которой авнеровский Карл назначил встречу в номере гостиницы, надеясь выведать у нее кое-что о ее "палестинских клиентах", хладнокровно всадила в него нож и покинула гостиницу никем незамеченной. А несколько недель спустя, при загадочных обстоятельствах, погиб Ганс из той же авнеровской группы. Становилось очевидно, что террористы успевают восстанавливать свою сеть и ухитряются наносить болезненные ответные удары. Операция "Возмездие", потеряв первоначальную неожиданность, начала терять и эффективность и все более превращалась в затяжную позиционную войну, только особого рода. Группы Мосада вынуждены были полагаться на информацию, которую получали через свои "контакты" в подпольном мире. Пользуясь этим, террористы прибегали — и весьма успешно — к тактике подбрасывания Мосаду своей дезинформации. Группы Мосада вынуждены были полагаться на "помощников", вроде Тони и Луи у Авнера, которые организовывали для них слежку и добывали взрывчатку. Таких помощников легко было перекупить, и этим террористы воспользовались тоже.

В начале июня группа Авнера получила сообщение, что след Саламе отыскался в Швейцарии: руководитель "Черного сентября" как будто бы направлялся в заброшенный горный городок для встречи со своими резидентами. Группа бросилась в Швейцарию — только для того, чтобы убедиться в ложности сообщения и едва не оказаться в руках швейцарской полиции. Неделю спустя в группе погибшего Коэна, которую теперь возглавил прибывший из Израиля Майк, погиб главный подрывник — и непонятно осталось, взорвался заряд в его руках по его собственной неосторожности или потому, что кто-то из "поставщиков", перекупленный террористами, нарочно подsunул испорченный детонатор.

Тем не менее операция "Возмездие" продолжалась, и в Пари-

же Майк, заменивший Козна, лихорадочно готовил своих людей к решающему моменту — ликвидации Будии, который снова объявился во французской столице.

Будия разъезжал по Парижу на своем белом "Рено", который часами ждал хозяина у подъездов самых разных домов, порой до глубокой ночи или даже рассвета. Как правило, друзья и женщины провожали гостя до самой машины, поэтому застрелить его на улице было бы затруднительно. Майк решил взорвать Будию в его машине. Был заготовлен достаточно мощный заряд взрывчатки, постоянно находившийся наготове в машине Майка. Несмотря на изрядный вес заряд был настолько компактен, что его можно было без труда упрятать под переднее сиденье автомашины. Тело владельца, в тот момент когда он опустится на сиденье, должно было активировать детонатор; после этого оставалось послать короткий радиосигнал, чтобы заряд взорвался.

Но сначала еще нужно было установить все это в машине Будии.

Долгожданный момент наступил на рассвете 28 июня. Накануне вечером Будия заночевал у своей новой "пасии" — молоденькой стенографистки с рю Боно. Его машина оставалась у подъезда всю ночь, но Майк не решался устанавливать в ней заряд, опасаясь, что утром Будия вздумает подбросить девушку на работу, и в машине вместо одного окажутся двое. Майк понимал, что этот несвоевременный приступ гуманизма может оказаться роковым и сорвать всю операцию, но не мог преодолеть внутреннего запрета.

Судьба возблагодарила его за это: Будия вышел из дому один. Было шесть утра. Сорок пять минут спустя, пробравшись через утренние "пробки", Будия припарковал свой "Рено" на улице Фоссе-сен-Бернар, неподалеку от университета. Он вышел, закрыл машину и скрылся в одном из подъездов. Люди Майка бросились к телефону. Двадцать минут спустя Майк со своим автофургоном и подрывниками был уже на месте. Будия все еще не появлялся. На всякий случай двое наблюдателей были оставлены в том подъезде, куда он вошел: если он выйдет и направится к машине, они должны были любой ценой его задержать.

Автофургон подогнали вплотную к белому "Рено", заслонив его от глаз случайных прохожих. Поэтому никто не видел, как подрывники Майка нырнули в открытую отмычкой машину Будии и как пять минут спустя "вынырнули" оттуда.

Фургон отъехал на угол.

Наступило ожидание.

Будия не появлялся.

В 10.45 тяжелый грузовик стал в точности на то место, где раньше стоял автофургон, — рядом с машиной Будии. Теперь, даже если Будия появится, взорвать заряд будет невозможно — может пострадать шофер грузовика. Следовать же за Будией и взорвать его машину на ходу было еще более рискованно.

В 11.00 грузовик отъехал.

Будия появился почти тотчас. Майк увидел, как наблюдатели вышли из подъезда, и один из них дал условный сигнал. Еще через минуту Будия уже открывал дверцу своей машины. Он сел в кресло водителя и захлопнул дверцу. Вряд ли он успел вставить ключ зажигания — звук взрыва почти совпал со звуком захлопнутой дверцы.

Ведущий резидент палестинской террористической сети в Европе был ликвидирован. В Мосаде могли поздравить себя с выдающимся успехом. В короткий срок — всего за несколько месяцев — были один за другим ликвидированы почти все люди по первоначальному списку операции "Возмездие". Конечно, никто в Иерусалиме не мог предполагать, что на смену Будии вскоре придет другой человек, несравненно более опасный и хитрый, который воссоздаст сеть Будии и назовет ее в честь своего погибшего учителя "Коммандос Будия". Этого человека звали Карлос.

Остановимся и задумаемся. Не слишком ли кровавыми и жестокими были действия и методы Мосады в этой "Большой охоте"? Не скатились ли израильтяне на уровень террористов в своих хладнокровно задуманных и одна за другой осуществляемых "ликвидациях"? Уловима ли еще грань между террором — и контртеррором?

Заглянем в душу такого Авнера или Майка. В ней нет ненависти к палестинцам или арабам "вообще". Он не думает об уничтожении их государств или народов. В тот момент, когда он готовит взрывчатку и обдумывает, как наилучшим образом ее использовать, он помнит, что она предназначена для конкретного Будии или Хамшари — для человека, на совести которого список кровавых преступлений. Любой беспристрастный суд осудил бы этого человека и приговорил к высшей мере наказания; Авнер или Майк ощущают себя просто исполнителями такого приговора. Они ненавидят конкретного человека — убийцу; и их действия в этот момент мало чем отличаются от действий полицей-

ского, шерифа или детектива, который настигает преступника на месте преступления и вынужден применить оружие.

Заглянем теперь в душу Будии или Хамшари. Профессиональные убийцы, они безнаказанно разгуливают по улицам Парижа, обдумывая, как взорвать в воздухе самолет с ни в чем не повинными женщинами и детьми, как напасть на детский сад или школу, как обстрелять беззащитных пассажиров в аэропорту. Все эти люди для них — “мясо”, безликие десятки и сотни, жизнь которых они равнодушно готовы прервать ради своей цели.

Взглянем теперь на “цель”. Некоторые газеты называют ее “справедливой освободительной борьбой”. И некоторые чересчур “объективные” израильтяне готовы вслед за ними рассуждать о “двух справедливостях”. В ходе таких рассуждений действительно стирается грань между преступником и его жертвами, между террором, который становится профессией и выгодным бизнесом, и контртеррором, как вынужденной и тяжелой необходимостью самообороны.

Взглянем тогда на эти “две справедливости”. По одну сторону — справедливость многих тысячелетий, судьба народа, который ценой безмерных страданий обрел наконец единственное место, где может выжить и жить, как народ. Не он начинал нескончаемый круг войн и контрвойн со своими соседями, не он хочет их уничтожить; все, чего он хочет, — чтобы его оставили в покое. По другую сторону — справедливость, в лучшем случае насчитывающая десятилетия, искусственно возвращенная арабскими политиками и добываемая своего ценой уничтожения целого народа.

Конечно, в мире нет абсолютно “чистых”, безгрешных справедливостей. Но нет и абсолютно одинаковых. Рассуждения о “двух справедливостях” открывают, в конечном итоге, путь к очередной Катастрофе. “Большая охота”, как бы не относиться к ее методам, этот путь преграждала. И поэтому разведчики Мосада, в отличие от террористов, не были в ней просто “охотниками”, которые хладнокровно и равнодушно отстреливали беззащитную “дичь”. Они защищали свою страну и народ от хитрых и коварных убийц, которые умели кроваво огрызаться, а порой искусно и ловко уходить от заслуженной кары.